

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА
В СВЕТЕ УЧЕНИЯ И. В. СТАЛИНА
О ЯЗЫКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

ТАШКЕНТ - 1952

В. Кабулов

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА
В СВЕТЕ УЧЕНИЯ И. В. СТАЛИНА
О ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

ТАШКЕНТ—1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания совершили коренной переворот в советской науке о языке. Разоблачив антинаучный характер так называемого „нового учения о языке“ Н. Я. Марра, И. В. Сталин поставил перед языковедами Советского Союза ряд актуальнейших проблем. В ряду этих проблем особое место занимает всестороннее изучение национальных языков.

Научная конференция по вопросам изучения языков народов Средней Азии и Казахстана, состоявшаяся в феврале 1951 г. в гор. Ташкенте, дала новое освещение некоторых проблем языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке.

Настоящий сборник содержит доклады, прочитанные на конференции языковедами—специалистами в области национальных языков народов Средней Азии и Казахстана.

М. Т. АЙБЕК

ГЕНИАЛЬНЫЕ ТРУДЫ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В области советского языкознания долгое время господствовало так называемое „новое учение о языке“ академика Марра, в основе своей немарксистское, схоластическое.

Великий корифей науки, вождь и учитель народов товарищ Сталин в своих гениальных трудах о языке вскрыл все антинаучные, идеалистические и путаные положения учения Марра. Своими классическими трудами о языке товарищ Сталин создал учение, которое является замечательным вкладом в сокровищницу творческого марксизма. Труды товарища Сталина о языке являются образцом гениального применения марксизма-ленинизма к сложнейшим вопросам науки и показывают не только пути развития советского языкознания, но и открывают новые перспективы и горизонты всех отраслей науки и знания. Учение товарища Сталина о языке, охватывая важнейшие, коренные вопросы языкознания, освобождает советское языкознание от всех путаных формулировок и положений, неправильных теоретических предпосылок „нового учения“ Марра, согласно которому язык трактовался как надстройка, изменяющаяся вместе с базисом, как явление сугубо классовое, развивающееся скачкообразно, путем взрывов, с революциями.

Господствовавший в течение ряда лет в советском языкознании „аракчеевский режим“, с помощью которого ученики Марра насаждали и культивировали его „новое учение“, привел к тому, что языковеды Узбекистана и братских республик Средней Азии, слепо следуя этому „новому учению“, совершенно оторвались от самых насущных вопросов и задач, стоящих перед нашим языкознанием, занимаясь бесплодными схоластическими исследованиями, не представляющими почти никакого научного и практического интереса.

Хотя со времени появления гениальных трудов товарища Сталина о языке прошел уже достаточный срок, приходится констатировать, что перестройка языковедческой работы в республиках Средней Азии и Казахстане проходит недостаточно интенсивно.

Непочатый край работы во всех областях лингвистики обязывает нас, вооруженных теперь точными и ясными положениями гениальных трудов товарища Сталина о языке, в самый короткий срок завершить эту перестройку и приступить к разрешению неотложных и актуальных вопросов.

Каковы наши первоочередные задачи?

Один из основных разделов нашей работы — это изучение словарного состава языка. Словарный состав языков народов Средней Азии и Казахстана в связи с ростом экономики, культуры, науки и литературы непрерывно пополняется новыми словами, терминами, выражениями.

Рост словарного состава языка должен иметь свое отражение в лексикографической работе, которая в Средней Азии и Казахстане, следует признаться, не стоит на должной высоте. До сих пор нет ни одного толкового словаря, нет полных орфографических словарей. Имеющиеся словари, национально-русские и русско-национальные, обладают, за исключением киргизско-русского, большими или меньшими недостатками. Терминологические словари составлены далеко не по всем областям науки. Отсутствие словарей затрудняет изучение языков народов Средней Азии и Казахстана русскими и русского языка — узбеками, таджиками, казахами и т. д., тормозит переводческую работу. Отсутствие орфографических и терминологических справочников затрудняет усвоение знаний учащимися. Мы полагаем, что обмен опытом, совместная разработка общих принципов словарной работы помогут улучшить положение на этом отставшем участке.

Не менее важен и вопрос составления грамматик — школьных и научных.

Школьные грамматики, которые мы имеем, в большинстве своем грешат неправильными и путанными определениями, грамматики же научные, составленные в соответствии с методическими схемами Н. Я. Марра, ни в какой степени не могут нас удовлетворить. Необходима большая работа по составлению школьных и научных грамматик в свете учения товарища Сталина о языке.

Должна быть усилена и диалектологическая работа, которая велась sporadически и неорганизованно. Почти нет исследований в области изучения территориально смежных языков и диалектов, в то время как всем известно взаимовлия-

ние языков узбекского и таджикского, казахского и узбекского, узбекского и киргизского. Сколько, например, отдельных слов, поговорок, пословиц таджикского народа внедрилось в язык узбекского народа, и наоборот.

Возрожденные Великой Октябрьской социалистической революцией к новой жизни народы Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Кара-Калпаки за короткий промежуток времени достигли колоссальных успехов в области экономики, культуры и во всех областях науки и искусства. Благодаря торжеству мудрой ленинско-сталинской национальной политики нашей партии и бескорыстной помощи великого русского народа ранее угнетенные, отсталые народы Средней Азии построили социалистическое общество и ныне победоносно идут к коммунизму.

В республиках Средней Азии, где до революции господствовали почти сплошная неграмотность, невежество, религиозное мракобесие, созданы университеты, академии наук, сотни институтов и научно-исследовательских учреждений, в которых ученые местных национальностей успешно разрабатывают сложнейшие вопросы науки, экономики и культуры. В республиках Средней Азии достигли полного расцвета искусство и литература, лучшие произведения которых широко известны и пользуются любовью народов всей нашей великой советской Родины. Октябрь поднял языки народов Средней Азии и Казахстана на степень государственных языков. Среднеазиатские народы создают свою социалистическую культуру на родном языке. Языки народов Средней Азии и Казахстана за короткий срок проделали большой путь развития. Они непрерывно обогащаются, совершенствуются и развиваются и стали способными к выражению всех знаний и понятий современности. На языках народов Средней Азии и Казахстана создается богатая и разнообразная научная и техническая литература. На эти языки переводятся гениальные труды основоположников марксизма-ленинизма. Замечательными достижениями в области экономики, науки, искусства и литературы народы Средней Азии и Казахстана обязаны великой партии Ленина — Сталина, родному Советскому государству и той бескорыстной братской помощи, которую оказал и оказывает великий русский народ, из сокровищницы передовой культуры и общественно-философской мысли которого мы черпали и черпаем замечательные духовные богатства.

Народы Средней Азии, как и все народы Советского Союза, тесно связаны нерушимой сталинской дружбой и рука об руку помогают друг другу, идут к сияющим верши-

нам коммунизма. Нет сомнения, что в области науки и экономики немало вопросов, которые требуют тесного контакта, совместных усилий творческого содружества и сотрудничества. Особенно исследование вопросов языка и литературы требует совместных усилий, ибо в этих областях науки немало нерешенных взаимно соприкасающихся вопросов.

Постоянный обмен опытом, координация работы в смежных областях поставят языковедческую работу в наших республиках на должную высоту.

Залог нашего успеха—вооруженность гениальными трудами великого корифея науки, вождя прогрессивного человечества товарища Сталина.

А. К. БОРОВКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открывают широчайшие перспективы для развития этой области знания. Наиболее сложные теоретические проблемы языкознания получили в трудах И. В. Сталина глубокое и исчерпывающее разъяснение. И. В. Сталин до конца вскрыл вульгаризаторскую антимарксистскую сущность „нового учения о языке“ Н. Я. Марра и осудил аракчеевский режим в языкознании, насаждавший его „учениками“.

Пользуясь вдохновляющими трудами И. В. Сталина, советские языковеды будут с величайшим энтузиазмом трудиться на благо советской науки, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу—занять первое место в мировом языкознании.

В решении этой почетной задачи примут участие и языковеды братских республик Средней Азии и Казахстана. В этих республиках выросли многочисленные научные кадры языковедов. У нас уже имеются немалые достижения в деле изучения языков народов Средней Азии и Казахстана. Вышла серия национально-русских и русско-национальных словарей, ряд ценных исследований по морфологии и синтаксису, исследований по диалектологии. Исследования и словари по туркменскому и каракалпакскому языкам, несомненно, являются достижением советского языкознания.

Однако достижения были бы значительнее, если бы развитию советского языкознания не мешали теоретическая путаница и неразбериха, порожденные „новым учением о языке“ Н. Я. Марра и монополией в языкознании его „учеников“, тормозивших развитие творческой мысли в этой области знания.

„Новое учение о языке“ Н. Я. Марра причинило значительный вред изучению языков народов Средней Азии и

Казахстана как по линии проблематики и методики исследований, так и по линии подготовки и воспитания кадров языковедов.

„Новое учение о языке“ Н. Я. Марра так или иначе увело наших языковедов в сторону от важнейших теоретических и практических проблем. Теория Н. Я. Марра в части надстроечного характера и „классовости“ языка неизбежно вызвала нигилистическое отношение к истории национальных языков, к изучению памятников письменности и умаляла их действительное культурное значение.

Теория Н. Я. Марра о „скрещивании“ языков, переоценка и злоупотребление семантикой, приведшие Н. Я. Марра в болото идеализма, нанесли серьезный ущерб сравнительно-историческому изучению тюркских и иранских языков и исследованию внутренних законов развития национальных языков.

Теория стадильности и идеалистический отрыв мышления от языка в искаженном свете представляли развитие национальных языков.

Н. Я. Марр и его „ученики“, по сути дела, ликвидировали грамматику, свели изучение грамматики к грубым вулгарно-социологическим попыткам обнаружить в грамматическом строе языка прямое отражение производства, социального строя и т. п. и сводили, таким образом, грамматику к своеобразно понимаемой лексике и этимологии.

Теория стадильности Н. Я. Марра привела некоторых наших языковедов к недопустимой архаизации, в первую очередь тюркских языков. Основной своей задачей эти языковеды стали считать изыскания в туманной области „палеонтологии речи“ первобытного состояния изучаемых языков и „стадий“ их развития.

Прекрасный знаток туркменского языка проф. А. П. Поцелуевский под влиянием теории стадильности Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова встал на этот ложный путь и увлек в сторону от действительно насущных проблем туркменское языкознание.

„... В силу ряда исторических причин, — утверждал А. П. Поцелуевский, — туркменский язык и его территориально-племенные диалекты представляют собой богатейший лингвистический источник, сохранивший в себе ряд особенностей языкового строя давно минувших эпох“. Короче говоря, проф. А. П. Поцелуевский нашел в туркменском языке „... новый источник для изысканий в области палеонтологии речи“.¹

¹ А. П. Поцелуевский, Туркменское языкознание в дни отечественной войны, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 1, 1944, стр. 46.

Этот „новый источник“ был обнаружен в туркменских междометиях, употребляемых для понукания и приманки домашних животных и птиц. На почве такого рода домысла проф. А. П. Поцелуевский создал свою теорию происхождения речи и „стадильного“ развития туркменского языка. „В существующей советской языковедной литературе, — писал он, — к сожалению, укоренилось неправильное антимарксистское мнение о якобы полной изолированности человека от животного; сознание (а вместе с ним и язык) рассматривается как исключительная принадлежность человека, абсолютно немислимая и невозможная (даже в рудиментарном виде) на звериной ступени развития“.¹

Все дальнейшие рассуждения проф. А. П. Поцелуевского на эту тему являются примером грубой вулгаризации марксизма, что характерно для „нового учения о языке“ Н. Я. Марра и его последователей.

По словам А. П. Поцелуевского, домашнее животное „на заре человечества“, будто-бы входило „... вместе с человеком в качестве исполнителя его воли в один и тот же первобытный трудовой коллектив, в известной мере являлось как бы участником (хотя и невольным) примитивных производственных отношений“. Далее проф. А. П. Поцелуевский „углубляет“ этот свой домысел о первобытном „трудовом коллективе“ человека и животных и пытается доказать, что речь возникла в результате „общения“ человека и животных. „Делая домашнее животное в какой-то мере членом своего трудового коллектива, — утверждает он, — первобытный человек, естественно, испытывал потребность что-то сказать, потребность сообщить животному свою волю.“²

Отсюда, по А. П. Поцелуевскому, и возникла человеческая речь в виде нерасчлененных „слов-выкриков“ или „слов-монологов“, означавших будто бы одновременно и обращение к животным и слова, „... с которыми первобытный человек обращался к себе подобным“.³ Дальнейшая судьба этих „слов-выкриков“ изменилась будто бы в том смысле, что „слова-выкрики“ в обращениях к животным как бы законсервировались, „... должны были изменяться лишь в незначительной степени“, а в обращении к людям подвергались изменениям.⁴

¹ А. П. Поцелуевский, К вопросу о древнейшем типе звуковой речи, Ашхабад, 1944, стр. 7.

² Там же, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 12, 48—51.

⁴ Там же, стр. 12.

Совершенно очевидно, что А. П. Поцелуевский искренне хотел „развить“ теорию „лингвистических элементов“ Н. Я. Марра, так или иначе „обосновать“ возможность появления таких первичных элементов, однако попытка такого рода была обречена на провал, ибо она противоречит истории общества, самой общественной сущности языка как орудия общения и обмена мыслями.

И. В. Сталин категорически отверг теорию происхождения языка из первоначальной „ручной речи“ и теорию предположенных четырех элементов Н. Я. Марра. „Звуковой язык или язык слов,—указывает И. В. Сталин,—был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей“.¹ Всякого рода теории происхождения языка из междометий не имеют под собой никакой почвы, тем более нелепа теория происхождения языка из туркменских междометий, или междометий какого-либо другого языка, да еще на „звериной стадии“.

Между тем, проф. А. П. Поцелуевский не остановился на своем домысле о „словах-выкриках“ и утверждал, что вслед за стадией „слова-монолита“ в туркменском языке наступила стадия „инкорпорированных слов-предложений, в которых элемент, выражающий предикат суждения, дополнен и разъяснен другим элементом, выражающим субъект“², а затем родились „квази-эргативные“ предложения и, наконец, появился номинативный строй предложения.³

Таким образом, вопреки здравому смыслу, туркменскому языку и другим тюркским языкам приписывались черты примитивных первобытных языков с сугубо архаическими чертами в словаре и грамматическом строе.

Киргизовед И. А. Батманов находил „доисторические“ черты в тюркских языках. „В ряде турецких языков,—утверждал он,—вскрываются отложения доисторического тождества имени и глагола“, поскольку во времена давно минувшие будто бы „...один выкрик охватывал всё—и действие, и продукт, и орудие и агента“.⁴

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 40.

² А. П. Поцелуевский, К вопросу о дальнейшем типе звуковой речи, Ашхабад, 1944, стр. 51.

³ А. П. Поцелуевский, Проблема стадийно-сравнительной грамматики тюркских языков, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3-4, 1946, стр. 12.

⁴ И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 15; он же, Грамматика киргизского языка, вып. II, Фрунзе, 1940, стр. 5—8; он же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 66.

Речь идет в последнем случае об именных и глагольных основах, подобно таким как *печь, течь, бой* в русском языке, формально совпадающих в тюркских языках, например, *той*—свадьба, пир и *той*—основа глагола насыщаться; *көч*—кочевка и *көч*—основа глагола кочевать, *ич*—нутро и *ич*—основа глагола пить (если произвольно допустить связь всех этих основ) и т. д. Таких основ небольшое число. Известный русский тюрколог П. М. Мелиоранский допускал, что в языке орхонской письменности VII—VIII вв. „... в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено... как теперь“ и отмечал, что „есть и теперь корни, имеющие двойное значение—глагольное и именное“.¹ Однако нет основания считать факт наличия нескольких таких основ за свидетельство „доисторического тождества имени и глагола“, не уяснив грамматической природы такого рода случаев совпадения основ в результате образования имени от глагола, и наоборот.

К ряду пережиточных и „доисторических“ явлений И. А. Батманов относил также многозначность отдельных слов, например, *баш*—голова, верх, начало; *көк*—голубой, небо, зелень; *аяк*—ноги, низ и так далее, и факт „... отсутствия грани между прилагательными и существительными“.² Кстати сказать, видный пропагандист „нового учения о языке“ С. Д. Кацнельсон утверждал, что „...формальное неразличение имен существительных и прилагательных, как, например, в языке австралийского племени аранта—*ал-кира*—небо, голубой, ясный, или *ипита*—яма и глубокий и тому подобное, является особенностью первобытных языков и первобытного мышления“.³

Между тем, многозначность слов явление достаточно хорошо известное во всех языках (например, в русском языке—*голова болит, всему делу голова, голова канала, головное сооружение* и т. д.), но никак нельзя рассматривать это как пережиток доисторических эпох в современных языках.

В такой же мере формальное неразличение существительных и прилагательных, в частности, в тюркских, монгольских, иранских и других языках связано с отсутствием

¹ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО, XII, вып. II—III, СПб., 1899, стр. 98.

² И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 9, 45; он же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 67.

³ С. Д. Кацнельсон, Язык поэзии и первобытно-образная речь, Известия АН СССР, т. VI, вып. 4, 1947, стр. 303.

внешней флексии и категории грамматического рода имен, следовательно, и с отсутствием согласования в роде.

Только с точки зрения деления языков на „высшие“ флективные и „низшие“ нефлективные может придти в голову мысль полагать все языки, в которых формально не различаются существительные и прилагательные, первобытными языками. Переоценка семантики и игнорирование грамматики неизбежно приводили сторонников „нового учения о языке“ к неправильным и вредным выводам в отношении национальных языков.

Теория стадийности порождала и другой нелепый вывод о „переходном“ состоянии тюркских языков. Тенденциозная мысль о переходе тюркских языков из агглютинативной „стадии“ в новую флективную „стадию“ была навеяна теорией стадийности и классификациями языков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова. Н. Я. Марр утверждал, что „флексия и агглютинация, как и аморфно-синтетическое состояние,—три хронологически последовательные трансформации, причем среди них флективная трансформация представляет наиболее развитый тип человеческой речи“.¹ Акад. И. И. Мещанинов, в свою очередь, говорил, что в тюркских языках „... агглютинативные прилепы... взорвались в своей форме, перейдя в ту разновидность приставок, какой присваивается имя внешней флексии“.²

Некоторые языковеды Средней Азии и Казахстана взяли за обоснование такого рода антинаучных взглядов на развитие языка. „...Туркменский язык, вопреки традиционному представлению о нем,—утверждал проф. А. П. Поцелуевский,—следует считать языком не строго агглютинативного, а переходного агглютинативно-фузионного типа с зачатками (в отдельных случаях) явлений флексии“.³

Развитие флексии в туркменском языке, равно как и в других тюркских языках, рассматривалось как переход в новое состояние, в новое качество в результате трансформации, „взрыва“. По словам А. П. Поцелуевского, переход от агглютинации к флексии является „... вполне закономерным симптомом роста турецких языков, ломающих в своем развитии ставшие для них тесными рамки строго-агглютинативного строя речи“.⁴ Такого рода „ломка“ языка связыва-

лась в согласии с „новым учением о языке“ со „сдвигами в мышлении“, „с изменениями социально-хозяйственной формации туркменов“.¹

В таком же духе И. А. Батманов усмотрел в киргизском языке случаи „... выхода из агглютинативной стадии“.² Наряду с этим И. А. Батманов нашел в киргизском языке „отголоски диффузного мышления“ и присутствие „новых логических категорий, уживающихся с пережиточными средствами формального выражения“. Это дало ему повод уверять о скором появлении в киргизском языке новых частей речи в результате очередного „взрыва“. „... Следует ожидать в ближайшем будущем,—писал И. А. Батманов,—усиление процесса формальной дифференциации языковых средств, т. е. появление особой формы у дифференцированных уже логически категорий частей речи“.³

Видный казахский языковед С. А. Аманжолов в одной из своих ранних работ также пытался установить „... тенденцию к флективности в казахском языке“.⁴ В этой связи один из наиболее горячих сторонников „нового учения о языке“ заявил еще более решительно, что флективность в английском и русском языках „начинает сдавать свои позиции“, в силу чего будто бы „грядущее казахского языка не в переходе на флективный строй, а в том, что он достигает высшей ступени развития, минуя флективную стадию“.⁵ Это доведенная до абсурда теория стадийного развития языка!

Научные доказательства флективности тюркских языков вернее их „перехода“ в новую „флективную стадию“, обычно однообразны, это случаи ассимиляции в туркменском языке: *гелл (гелд)*—пришел и т. п.; случаи вторичной долготы: *бо:р (болар)*—будет, *гер (гелер)*—придет, *азыджа (азыджы)*—писателю, *енй (ене)*—матери, *ата:н (атанын)*—отца и т. д.; в киргизском языке *екёё (ек)*—двое, вдвоем, *саа (сага)*—тебе, *чаап (чабып)*—бежавши и т. д.; случаи редук-

¹ Н. Я. Марр, Об яфетической теории, Избранные работы, т. 3, стр. 10.

² И. И. Мещанинов, Проблема классификации языков в свете нового учения о языке, Л., 1934, стр. 23.

³ А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 53.

¹ И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 11; он же, Грамматика киргизского языка, 1, Фрунзе, 1939, стр. 24; он же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 68.

² А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936, стр. 54.

³ И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 46.

⁴ С. Аманжолов, Элементы флективности в казахском языке, Труды Казахского института национальной культуры, т. 1, Алма-Ата, 1935, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 155.

ции неударных гласных в киргизском языке *айлы* (*айыл-ы*)—его аул и т. п.¹

Случаи такого рода в тюркских языках известны очень давно, но они никак не решают вопроса о флексии в тюркских языках и тем более не дают основания говорить о „переходе“ их во „флективную стадию“. Ненаучные представления о „трансформации“ тюркских языков вносили путаницу, дезориентировали практиков-педагогов, порождали неправильное отношение к национальным языкам.

„Переход от одного качества языка к другому качеству,—указывает И. В. Сталин,—происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“.²

Теория стадийности породила также абсолютно вздорное представление о каждом языке как о скоплении различных „стадий“ или „пластов“ со свойственными каждой „стадии“ или каждому „пласту“ особыми грамматическими свойствами. Это наталкивало языковедов на беспочвенные поиски „палеонтологических“ законов, характерных будто бы для всех такого рода „пластов“.

„В каждом языке,—утверждал И. А. Батманов,—помимо подавляющего большинства признаков одной стадии, обнаруживаются пережитки предыдущих и зачатки последующих стадий развития языка“.³ На основании подобной предпосылки стали появляться догадки об „использовании изменения основы для семантического членения ее“ или „внутренней флексии“ в тюркских языках, что сохранилось будто бы еще от „аморфной стадии“. В качестве примеров изменения значений слов по надуманному „закону внутренней флексии“ в киргизском языке приводились такие: *джаз*—весна и *джай*—лето, *кыр*—ломай и *кур*—строй, *кол*—рука и *кыл*—делай, *кел*—приходи и *кет*—уходи, *ал*—бери и *ат*—стреляй, или *кун*—день и *тун*—ночь.⁴ Единственным критерием правиль-

¹ Ср. А. П. Поцелуевский, Фonetика туркменского языка, Ашхабад, 1936, стр. 44—47; И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, 1, Фрунзе, 1939, стр. 24; он же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1946, стр. 68.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 23.

³ И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 9.

⁴ И. А. Батманов, Там же, стр. 10; он же, Краткое введение в изучение киргизского языка, стр. 67; он же, Грамматика киргизского языка, вып. 1, Фрунзе, 1939, стр. 20.

ности таких этимологий является внешнее сходство слов и воображаемое семантическое родство таких понятий как *ал*—брать и *ат*—стрелять из „единства противоположностей“, или *кун*—день и *тун*—ночь, ввиду того, что первобытный человек не различал будто бы дня и ночи и т. п.

Один из узбекских языковедов, А. Г. Гулямов, увлекшись легкостью такого рода семантических сближений, открыл ряд способов словообразования в узбекском языке: 1) путем замены звуков одного корня, вроде *ит*—собака и *от*—лошадь, *тош*—камень и *теш*—дырявить, *қиш*—зима и *қис*—давить, *қул*—рука и *қил*—делать и т. п. В пользу этого способа словообразования А. Г. Гулямов приводит „истины“ „нового учения о языке“, что „рука была единственным древнейшим орудием человека“, а глагол *қол* (*қолмок*)—означал будто бы прежде понятие „делать, выполнять“ (в действительности это известный глагол „просить“), что „собака“ и „лошадь“ выражались одним словом в силу „функционального единства... в транспорте и на охоте“ и т. п.; 2) путем „повторения звуков“, например, *қаттиқ*—твердый и *қатиқ*—кислое молоко, опять-таки со ссылкой на „отверждение“ кислого молока, хотя простое сопоставление этих слов с данными других тюркских языков, например киргизским *катуу*—крепкий, твердый, *катык*—кислое молоко и тому подобное указывает на различие этих основ; 3) путем „устранения звуков“, например, *тўғри*—прямой и *ўғри*—вор, *сол*—класть и *ол*—брать и т. п.; 4) путем „перестановки звуков“ (в корне), например, *сиқ*—давить и *қис*—сжимать и т. д.¹

Подобные домыслы ничем не обоснованы и не считаются ни с какими законами исторической грамматики. Единственным критерием истинности всякого рода необоснованных догадок служили всякий раз ссылки на семантическую сторону в духе „нового учения о языке“. По словам И. А. Батманова, например киргизское *суу*—вода и *сүт*—молоко, наряду с монгольским *сун*—молоко—все слова одного происхождения, поскольку входят будто бы „... в пучок „вода—молоко“, или, например, киргизское *кун*—день и *тун*—ночь восходят „... к некоему единому ком-

¹ А. Гулямов, Словообразование путем внутренних изменений корня в узбекском языке, Сб. Научная сессия АН УзССР, стр. 382—392, А. Г. Гулямов, Узбек тилида сўз яшаш йўллари ҳақида, Тил ва Адабиёт Институтини асарлари, Ташкент, 1949, стр. 78—80.

плексу, употреблявшемуся в диффузном значении, при отсутствии сложившихся представлений о дне и ночи".¹

Казахский языковед С. А. Аманжолов находил, что казахское *бз* (*бгз*) — „шило“ ... восходит к своему архетипу *мгз*, *мүгз*, *муз* — рога, поскольку будто бы „... первоначально шило было сделано из рогов“, а, например, южноказахское *шуйгей* — сказитель, поэт-импровизатор будто бы „состоит из двух равнозначных слов, скрещенных по закону семантики“, причем первая часть слова (*шуй...*) сближалась С. Аманжоловым с известным словом *ашуғ* арабского происхождения. В действительности южноказахское *шуйгей* то же, что общеказахское *сәвегей* или *сәуөгө* — предсказатель, толкователь снов² из персидского (таджикского) *шабгу* — певец.³ Однако С. Аманжолов пытался сопоставить казахское *данк* — слава и персидское *дан* — знать, считая их словами одного происхождения.⁴

Талантливый казахский лингвист проф. Н. Т. Сауранбаев в одной из своих ранних работ пытался доказать, что многозначность односложных слов в казахском языке „...представляет собой... пережиток древней стадии языка“ и на этом основании сближал произвольно по чисто случайному внешнему сходству *ас* — пища и *ас* — повесить, *аст* — низ; *жут* — глотать и *жут* — джуг; *кыс* — зима и *кыс* — сжимать; *сым* — проволока и *сым* — брюки и т. п.⁵ На деле же, простое сопоставление этих примеров, хотя бы с узбекским языком, легко обнаружило бы их различие: в узбекском языке *ош* — пища, но *ос* — вешать; *ют* — глотать, но *джут* — джуг; *қиш* — зима, но *қис* — сжимать; *сим* — проволока, но *шим* — брюки и т. д.

Злоупотребление семантикой, полное пренебрежение к сравнительно-историческим данным вели к подрыву научной ценности работ в области изучения языков народов Средней Азии и Казахстана, порочили методику лингвистических исследований.

И. В. Сталин указал на антинаучный идеалистический характер переоценки Н. Я. Марром семантики. „Если, — ука-

¹ И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, вып. 1, Фрунзе, 1939, стр. 43, вып. II, Фрунзе, 1940, стр. 8.

² В. В. Радлов, Словарь, IV, стр. 439.

³ Ср. словарь Гыяс ул-лугат, стр. 439.

⁴ С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов, Известия АН КазССР, 1948, № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, стр. 45—46.

⁵ Н. Т. Сауранбаев, Семантика и функции деепричастий в казахском языке, Алма-Ата, 1944, стр. 8—11.

зывает И. В. Сталин, — уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н. Я. Марр и некоторые его „ученики“, то она может принести языкознанию большую пользу“. ¹ Это указание И. В. Сталина приобретает огромное значение для развития советского языкознания.

Марровские вульгарно-социологические приемы исследования способствовали весьма безответственному и легкомысленному отношению к фактам. Терпеливое наблюдение и изучение фактического материала подменялись сплошь и рядом отсебятиной, разного рода домыслами и бездоказательными предположениями.

Проф. А. П. Поцелуевский, например, выступил со своей теорией происхождения личных и указательных местоимений в тюркских языках. Эта теория возникла из предположений, что 1) в тюркских языках синтетическому строю речи предшествовала стадияльно инкорпорация, когда „... поясняющие тот или иной корень атрибутивные частицы и основы присоединялись к нему в порядке не постпозиции, а препозиции“, и что 2) „... раньше всего человек начал выделять в своем сознании собственное „я“ (вернее, собственное тело), в то время как ... вся остальная окружающая его действительность первоначально представлялась первобытному человеку недифференцированно в отношении лица“.²

К этим домыслам за волосы притягивались факты. Выделялась от косвенных падежей указательных местоимений *бу* и *шу* так называемая „основа“ *ун* и *ын* (*б-ун-и*, *ш-ун-инг* и т. п.) и соответственно в личных местоимениях *м-ин-я*, *с-ин-ты* и т. д., что должно было означать будто бы, в те же первобытные времена, — „вот этот“ (т. е. „я“), „вот тот“ (т. е. „ты“) и т. п.³

Сравнительные данные, в первую очередь, тюркских и монгольских языков не дают оснований для таких предположений.⁴ Предлагая подобного рода теории происхождения местоимений, проф. А. П. Поцелуевский по существу обошел всю историю исследований в этой области. Между тем, его домыслы о происхождении местоимений предназначались студентам-заочникам Ашхабадского педагогического института в качестве учебного материала по истории туркменского языка.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 33.

² А. П. Поцелуевский, Происхождение личных и указательных местоимений, Ашхабад, 1947, стр. 7.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Ср. W. Radloff, Die alttürkische Inschriften der Mongolei Neuer Folge, стр. 72.

И. А. Батманов пытался лингвистически обосновать весьма ответственное историческое положение о том, что киргизы „... пришли на Тянь-Шань откуда-то с севера или северо-востока“, в доказательство чего он приводил следующие аргументы: 1) „юрта“ по-киргизски *бозуй*—ледяной, снежный дом, потому будто бы, что „...боз в ряде кыпчакских языков значит „лед“ и 2) „весна“ по-киргизски *джаз*, в других тюркских языках *яз* обозначает „лето“ в силу того будто бы, что „...киргизы и современные их соседи находились в древности в различных климатических поясах“¹.

Однако на самом деле *боз* в киргизском языке значит „белый, светлосерый“, откуда обычное название определенного вида юрты—*боз уй*; лед же по-киргизски, как известно,—*муз*. Вся сила доказательства основана на утверждении, что „боз“ в ряде кыпчакских языков означает „лед“; но речь в данном случае идет о татарском *боз* и башкирском *боз*—лед, где „о“ орфографически обозначает редуцированный гласный, соответствующий гласному *у* в киргизском и других тюркских языках!²

В другом случае И. А. Батманов предложил свою гипотезу касательно происхождения долгих гласных в тюркских языках, каковая идея родилась у него из сравнения этих гласных с японским-рюкюским и дунганским музыкальным слогуударением. Сославшись на музыкальное слогуударение в дунганском, „...мы,—говорит И. А. Батманов,—позволим себе высказать гипотезу о происхождении древне-турецких долгот из музыкального (тонального) ударения“³.

Специалисты утверждают, что в японском языке ударение не связано с долготой; в древнеяпонском не было долгих, да и вообще следовало бы доказать прежде реальную связь между дунганским и японским музыкальным слогуударением и тюркскими долгими гласными, а затем уже декларировать новые гипотезы. Известно, что вопрос о природе долгих гласных в тюркских языках давно поставлен на реальную почву на основании богатых сравнительных данных.

Столь же смело И. А. Батманов предложил и другую гипотезу о происхождении аффиксов образования глаголов

от имен-*а, -ар, -ат* от вспомогательного глагола *ер*—быть. „...Мне кажется,—писал И. А. Батманов,—что аффиксы-*ар, -а, -ат*, служащие для образования глаголов от имен, например, в основах *агар*—„белей“, *кана*—„кровоточи“, *бошот*—„освобождай“ и т. п. представляют из себя грамматикализованные формы глагола *ер*—„будь“ или производной от него основы *ерт*—„заставь быть, сделай“, превратившейся впоследствии в *ет*—„делай“... Эти три аффикса (*-ар, -а, -ат*) могут рассматриваться как различные фонетические разновидности указанного глагола“¹.

Мысль о происхождении аффиксов словообразования такого рода от глагола „делать“ высказывалась в языковедении в первой половине прошлого столетия Ф. Боппом, но никакого признания не получила. Нет реальных данных и в тюркских языках для доказательства подобной догадки, нет и основы *ерт*, чтобы предполагать связь глагола *е (р)*—быть и *ет*—делать.

В казахском языковедении появлялись новые соображения о глагольном происхождении местоименных наречий *солай, булай, олай, былай*, о происхождении аффикса повелительного глагола 3 л.—*сын* от местоимения *сен*—ты и аффикса 3 л. наст. -буд. глагола от глагола—*тур*, например, *алады*—берет, возьмет происходит будто бы из *ала* и *тур*, т. е. „беря—стой“ и т. п.²

В литературе все эти вопросы уже очень давно получили достаточно убедительное решение.³ Стремление по всякому поводу высказывать новые догадки вызвало нигилистическое отношение к достижениям науки до „нового учения о языке“. Н. Я. Марр,—как отметил И. В. Сталин,—внес в языковедение не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языковедении до Н. Я. Марра“⁴.

Теоретическая путаница и неразбериха в языковедении, порожденные „новым учением о языке“, не могли не повлиять и на грамматические исследования, в частности, и в республиках Средней Азии и в Казахстане.

¹ И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936, стр. 19.

² Н. Т. Сауранбаев, Семантика и функции деепричастий в казахском языке, Алма-Ата, 1944, стр. 17, 27—29.

³ Ср. Березин, Дополнения к тюркской грамматике, СПб, 1846, стр. 17; O. Böhtlingk, Zur türkisch-tatarischen Grammatik, Bulletin historico-philologique, 1849, t. VI, №19—22, стр. 5; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1943, стр. 115.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, изд. „Госполитиздат“, 1951, стр. 33.

¹ И. А. Батманов, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 49.

² Ср. В. А. Богородицкий, О долгом и недолгом *ў* в зап.-сиб. тюркских диалектах и сходных явлениях в других тюркских языках, ДАН СССР, 1927, стр. 75—78.

³ И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, 1, Фрунзе, 1939, стр. 40; он же, Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1948, стр. 38.

Вульгарно-социологические установки Н. Я. Марра вели к ликвидации грамматики. Н. Я. Марр искал в грамматике отражение социального строя, отражение базиса и надстройки. „Огласовка семантическая, т. е. по значимости слов,— утверждал, например, Н. Я. Марр,—это часть той же морфологии, хотя морфологии идеологической, отражающей не социальный строй, как грамматика, а общественное мировоззрение“.¹ Степени сравнения прилагательных, по Н. Я. Марру,—социального происхождения—„они надстройки сословного строя“.² Союзы, как утверждал Н. Я. Марр, „...сначала были категориями и базиса и надстройки“, а „всякий действительный глагол восходит к „руке“ и т. д.

Неудивительно, что последователи „нового учения о языке“ стали искать в грамматике прежде всего „смысловую сторону языковых явлений“.³ Выработался некий „палеонтологический“ метод изучения грамматического строя.

„Н. Я. Марр, указывает И. В. Сталин,—считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка—формалистами. Это и вовсе глупо“.⁴

Неудивительно, что все попытки применить принципы „нового учения о языке“ в грамматических исследованиях терпели полнейшее научное банкротство. Выше указывалось, что в грамматике киргизского языка словарный состав рассматривался как сумма разнообразных пластов, последний из которых появился будто бы в результате „...скрещивания киргизского языка с русским“.⁵

Проф. А. П. Поцелуевский пришел к мысли, что „общие законы развития предложения, сформулированные акад. И. И. Мещаниновым... на основе сравнительно-стадиального анализа материала палеазиатских языков, вполне подтверждаются и данными туркменского языка“. Неудивительно, что А. П. Поцелуевский обнаружил в туркменском синтаксисе „...реликты инкорпорирования... а также пережитки предложений поссесивного, локативного и эргативного строя“.⁶

¹ Н. Я. Марр, Чуваши—яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926, стр. 60.

² Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 278.

³ Н. Я. Марр, Язык и современность, Л., 1932, стр. 39.

⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. 2, стр. 281.

⁵ И. А. Батманов, Памяти Н. Я. Марра, Известия Киргизского филиала АН СССР, вып. 2—3, Фрунзе, 1945, стр. 138.

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Госполитиздат“ 1951, стр. 42.

⁷ И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, 1, Фрунзе, 1939, стр. 54—55; он же, Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1948, стр. 49—50.

⁸ А. П. Поцелуевский, Туркменское языкознание в дни Отечественной войны, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 1, 1944, стр. 47.

Механическое перенесение „стадиальной“ схемы развития синтаксиса, разумеется, исключало задачу изучения внутренних законов развития туркменского языка и других языков народов Средней Азии и Казахстана. Это приводило к пустому начетничеству, к сугубой архаизации синтаксиса, к вульгарно-социологическим домыслам вместо действительно научного изучения языка.¹

Уход в заузные теоретические дебри „нового учения о языке“ отвлекал внимание языковедов от важнейших практических и теоретических задач советского языкознания. Отстала и разработка учебников грамматики для школ и высших учебных заведений.

В школьных учебниках грамматики узбекского языка, в разработке которых мы принимали непосредственное участие, не продуманы отдельные правила, для разных классов даны различные определения предложения, а в некоторых случаях необходимые определения заменены ссылками на примеры. Упражнения недостаточно разъясняют и закрепляют изучаемые грамматические правила или трудны для понимания детей. Совершенно недостаточно разработан синтаксис простого и сложного предложений. Много элементов примитивного логизма.²

В отдельных случаях в школьных программах от учителей требовалось усвоение „нового учения о языке“.³ Не свободна от ошибок марристского порядка „Грамматика узбекского языка“ А. Н. Кононова, предназначавшаяся „для студентов филологических и восточных факультетов и учителей средней школы“.⁴

Языковеды Средней Азии и Казахстана ныне значительно углубили грамматические исследования на основании трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Коллективы языковедов призваны также осуществить подготовку серьезных однотомных грамматических курсов для филологических факультетов университетов и педагогических институтов. В наших учебниках необходимо глубоко вскрывать внутренние законы каждого национального языка.

¹ Ср. А. П. Поцелуевский, Проблема стадиально-сравнительной грамматики тюркских языков, Известия Туркменского филиала АН СССР, 1946, № 3-4, стр. 12.

² Ср. Ш. Шодиев, Пухта ишланмаган дарслик, газета „Қизил Ўзбекистон“ от 30 марта 1951 г.

³ Ср. М. Айбек, О положении в узбекском языкознании, Журнал „Звезда Востока“, № 11, Ташкент, 1950, стр. 114.

⁴ Ср. Р. Джуманиязов, Неполющенный учебник, газета „Правда Востока“ от 6 марта 1951 г.

Антинаучные теории Н. Я. Марра о надстроечном характере и „классовости“ языка и о скрещивании, как необходимом условии развития языков, внесли невероятную путаницу в дело изучения истории и образования национальных языков и их отношения к местным диалектам.

В свое время проф. Н. Ф. Яковлев пытался сформулировать в духе „нового учения о языке“ основные положения касательно образования таджикского литературного языка. „Язык, как надстройка,—писал он,—отражает в своем развитии—развитие базиса (производительных сил и соц. экономических отношений). Письменный или литературный (в собственном смысле этого слова) язык возникает лишь в классовом обществе и является одним из средств классового господства и идеологического воздействия на подчиненные классы. В условиях диктатуры пролетариата литературный язык, как язык пролетарской идеологии, меняет свое содержание и форму. На смену языку буржуазии—по форме языку преимущественно художественной литературы, приходит язык пролетариата—по форме преимущественно язык политико-просветительной прессы и литературы“.¹

Аналогичные взгляды развивал позднее казахский лингвист С. Аманжолов, отрицавший общенародный характер языка. С. Аманжолов также утверждал, что „...язык, отвечающий потребности эпохи капитализма, уже не сможет соответствовать требованиям эпохи социализма“ (см. С. Аманжолов, Новый алфавит и орфография казахского литературного языка, Алма-Ата, 1940, стр. 8).

Такого рода упрощенческое понимание процесса образования национальных языков порождало нигилистическое отношение к национальным литературным языкам, искажало историю образования национальных языков, принижало их культурное и образовательное значение.

Выше мы говорили о домыслах проф. А. П. Поцелуевского относительно „отхода“ туркменского языка от „стро-го агглютинативного типа“. А. П. Поцелуевский подчеркивал, что этот „отход“ затрагивает лишь „туркменскую массовую разговорную речь“, а не „классовый“ литературный язык. „Старая лингвистика,—писал он,—считала только литературный язык, т. е. язык правящего класса, единственно безупречным и образцовым, все же отступления в речи трудящихся низов, в так называемом „народном“ языке,

¹ Н. Яковлев, К вопросу о таджикском литературном языке, Сб. „К вопросу об едином литературном таджикском языке...“, Сталинабад, 1930, стр. 22—23.

она объясняла неправильностями и ошибками“¹. Н. Я. Марр, как известно, призывал к уничтожению русского литературного языка и к переходу на „массовую разговорную речь“. Эта левацкая линия неизбежно вытекала из теории „классовости“ языка.

С другой стороны, развитие национальных языков связывалось или со всеми местными диалектами данного языка или со смешением всех местных диалектов на базе одного из них. „В результате „смешения“, — доказывал Н. Ф. Яковлев,—и образуется „общепонятное“ наречие. Процесс смешения ведет в конце концов к скачкообразному упрощению смешанного диалекта (в частности уменьшается число фонем)“.² Таким образом, ни история национальных языков, ни их действительное культурное и образовательное значение не принимались во внимание. „Классовая“ установка „нового учения о языке“ требовала, вопреки истории, все начинать сначала.

„Н. Я. Марр,—указывает И. В. Сталин,—внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.“

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет „классовости“ языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание“.³

Учение И. В. Сталина об общенародном характере языка определило основную линию изучения истории языков „...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным“.⁴

И. В. Сталин указывает, что на всех этапах развития язык обслуживал не отдельные группы, касты, сословия и классы, а все общество. племя, народность, нацию. В империях рабского и средневекового периодов, представлявших конгломерат племен и народностей, не могло быть и общего языка, „...а те племена и народности, которые вхо-

¹ А. П. Поцелуевский, Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936, стр. 41.

² Н. Яковлев, К вопросу о таджикском литературном языке, Сб. „К вопросу об едином литературном таджикском языке...“ Сталинабад, 1930, стр. 24.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Госполитиздат 1951, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 2.

дили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки¹. „История говорит,—указывает И. В. Сталин,—что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них“.² Это исключительное по своему значению для языкознания научное положение по-новому освещает и историю развития языков и взаимоотношение их с местными диалектами.

„Конечно,—говорит И. В. Сталин,—были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности“.³

В свете научного понимания процесса развития общенародных языков иначе рисуются и задачи изучения тюркских языков в кочевых в прошлом народов Средней Азии, сохранявших до новейшего времени родоплеменные деления. Еще в 1894 г. проф. П. М. Мелиоранский обратил внимание на отсутствие в казахском (киргизском—по старой терминологии) языке диалектных различий. „Особенно замечательно то обстоятельство,—писал он,—что несмотря на громадное пространство, занимаемое киргизами, язык их даже в наиболее удаленных друг от друга местах почти совершенно одинаков,— до такой степени, что дальнейшее его дробление на поднаречия едва ли возможно“.⁴

Новейшие исследования в области казахской диалектологии не поколебали этот правильный общий вывод.

В киргизском языке, вопреки старому мнению акад. В. В. Радлова, существуют диалектальные различия, именно группа южнокиргизских говоров отличается своими лексическими и фонетическими особенностями.

В туркменском языке значительно больше диалектальных различий, диалектологи наметили ряд местных диалектов и говоров, которые связывают обычно с теми или другими племенами.

Однако диалектологи во всех случаях явно переоценивали роль племенных языков. Казахский диалектолог Ж. Доскараев утверждал, например, что „...возникновение и развитие диалектов нужно искать в конкретной истории пле-

мен, а возникновение и развитие языков—в конкретной истории народов и племенных объединений“.¹

Таким образом, образование языка рассматривалось опять-таки как смешение и объединение племенных диалектов, как результат процесса „скрещения и смешения языковых элементов племенных групп“.² Предполагалось всякий раз, что „...племенные языки исторически входили в состав казахского языка“ именно как слагаемые, сумма которых составляла общекзахский язык, который „...складывался из множества племенных языков“.³

В таком же роде киргизские диалектологи подчеркивали момент скрещивания племенных языков, из которых будто бы сложился общий киргизский язык в самом недалеком прошлом. Утверждалось, например, что „...обнаруживаемые у стариков диалектологические пережитки присущи были различным родовым группам, а те, в свою очередь, до вхождения в киргизский коллектив, говорили на других языках,“⁴ или, что „...диалектальные особенности киргизского языка, восходящие к некогда самостоятельным языкам, в процессе скрещивания с ведущей системой киргизского языка ассимилировалась с ней...“⁵

Учение И. В. Сталина об общенародном характере языка блестяще восстанавливает историческую истину и в случаях образования казахского, киргизского, туркменского и других родственных им языков. Общенародный язык у казахов, киргизов и туркмен, не говоря уже о старописменных народах Средней Азии—таджиках и узбеках—сложился очень давно. Не случайно, разумеется, все местные казахские диалекты безошибочно относятся именно к казахскому, как не случайно, например, И. А. Батманов усмотрел в киргизском языке „ведущую систему“, т. е. общенародную основу, независимо от ложного понимания истории языка.

Развитие общенародных языков народов Средней Азии и Казахстана подготовило образование национальных языков, когда развитие капиталистических отношений вызвало появление литературных движений у этих народов, рост

¹ Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, Известия АН Каз.ССР, Серия филологическая, вып. 4, (29).

² Там же, стр. 56.

³ С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов, Известия АН Каз.ССР, № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, Алма-Ата, 1948, стр. 45.

⁴ И. А. Батманов, Северные диалекты киргизского языка, вып. 1, Фрунзе, 1938, стр. 9.

⁵ И. А. Батманов, К генезису диалектов киргизского языка, Труды Института языка, литературы и истории, вып. 1, Фрунзе, 1944, стр. 62.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. Госполитиздат, 1951, стр. 12—13.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 13.

⁴ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1, СПб, 1894, стр. 3. Ср. В. В. Радлов, Образцы народной литературы сев. тюркских племен, т. III, СПб, 1870, стр. 17.

печати, театров, развитие школьного дела на родном языке и т. д.

Искусственно был усложнен и запутан вопрос об общенародных языках в Таджикистане и Узбекистане. Неясным казался вопрос об отношении к старым книжным языкам и к живым диалектам и говорам. Отдельные группы буржуазных националистов в Узбекистане в 20-х гг. то пытались воссоздать „чагатайский“ язык, то объявляли основой узбекского языка отдельные кишлачные, областные, так называемые „сингармонистические“ говоры в угоду пантюркистской идее сближения тюркских языков, то ратовали за „автономию диалектов“ и предлагали проводить преподавание в школах и развивать литературу на отдельных областных диалектах и т. д.

Между тем общенародный узбекский язык существовал и существует. Еще В. В. Радлов после поездки в Среднюю Азию в 1868 г. пришел к выводу, что „...у племен, разбросанного на столь великом пространстве как узбекское, и язык показывает разные оттенки, но все-таки мы можем на него смотреть как на нечто целое. По крайней мере все жители городов от Аулие-аты до Бухары друг друга понимают без всякого затруднения“.¹

Современный общенародный узбекский язык в подробностях не совпадает ни с одним из известных ныне диалектов и говоров. Общенародный узбекский язык сложился в свое время на почве диалекта среднеузбекского (куда входят говоры самаркандско-бухарские, ташкентско-ферганские, северноузбекские).

Этот диалект прослеживается по памятникам XV—XVII вв.

Учение И. В. Сталина об общенародном характере языка приобретает исключительное значение для исследований в области грамматики, орфографии и орфоэпии. В Узбекистане, например, даже в изданных орфографических словарях наблюдается разноречивость в правописании. Сводки орфографических правил недостаточно полны, научные основы орфографии и орфоэпии не разработаны в должной мере. Слабо изучается язык писателей, прессы, учебников с точки зрения укрепления культуры речи, развития общенародного языка.

Будучи аспирантом Н. Я. Марра, я с большим прилежанием старался постичь „новое учение о языке“. В дальнейшем я убедился в невозможности применения методики Н. Я. Марра к изучению тюркских языков и предостерегал

¹ В. В. Радлов, Средняя Зерафшанская долина, Записки РГО по отд. этнографии, т. VI, СПб, 1880.

в этом смысле своих учеников. Соблазнительные на первый взгляд сопоставления и домыслы „нового учения о языке“ на проверку всегда оказывались не обоснованными, не служили руководством нашей практике.

Однако я не мог подняться выше скептического отношения к „новому учению о языке“ и полагал, что многие положения Н. Я. Марра о „классовости“ языка и о стадийном развитии языков являются материалистическими и могут служить опорой против идеализма в языкознании. Не случайно поэтому в некоторых своих статьях я поддерживал такого рода декларативные установки „нового учения о языке“ (Ср. *Новое учение о языке и проблема изучения национальных языков*, Сб. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марра, М., 1935, стр. 99—110; *Карачаево-балкарский язык*, Сб. *Язык и мышление*, IV, Л., 1934; *Очерки карачаево-балкарской грамматики*, Сб. *Языки Северного Кавказа и Дагестана*, I, М., 1939; *Востоковедение в СССР за 30 лет*, *Известия АН СССР, ОЛЯт.* VI, вып. 5, сентябрь—октябрь 1947, стр. 395).

„Новое учение о языке“ Н. Я. Марра и его „учеников“ принесло невероятную путаницу и неразбериху и в область изучения языков народов Средней Азии и Казахстана. И. В. Сталин указал нам путь развития советского языкознания:

„Ликвидация арабчешского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,—таков по-моему путь,—говорит И. В. Сталин,—на котором можно было бы оздоровить советское языкознание“.¹

Языковедам республик Средней Азии и Казахстана предстоит решать многообразные и благодарные задачи истории и развития национальных языков, разработки словаря, грамматического строя, развития культуры речи. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания служат неисчерпаемым источником творческого вдохновения, открывают перед советским языкознанием глубочайшие перспективы новых научных исследований и открытий в этой области знания. Укрепляя всемерно широкий обмен мнений, языковеды республик Средней Азии и Казахстана с честью выполняют свои задачи.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Госполитиздат“, 1951, стр. 34.

Н. Т. САУРАНБАЕВ

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРУДОВ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Гениальные труды товарища Сталина рассеяли туман, окутавший языковедческую мысль, и открыли ясный путь и перспективы для подлинного развития языкознания.

Господство так называемой теории акад. Н. Я. Марра, которая была навязана „аракчеевским режимом в языкознании“ его „учениками“, имело глубокие последствия в изучении языков тюркской семьи, в том числе казахского языка. Эти последствия выражаются в том, что за последние 20—30 лет уровень исследований языков тюркской семьи, в том числе казахского языка, не мог подняться выше исследований П. М. Мелиоранского.

По крайней мере, языковедческие мысли исследователей тюркских языков блуждали между двумя рубежами — П. М. Мелиоранским и акад. Н. Я. Марром. Во многих случаях казахские языковеды, как, очевидно, и другие, слепо следуя за концепцией Марра, увлеклись синтаксисом в ущерб лексике и, частично, морфологии. В школьном преподавании изучению словарного богатства уделялось недостаточно внимания. Кое-какое внимание обогащению словаря уделяли авторы учебников родного языка. Даже составление сравнительных словарей тюркских языков или групп тюркских языков, имевшее место в прошлом (словари Радлова, Будагова и др.), оказалось жертвой марровской концепции. Специалисты по тюркским языкам не только не занимались разработкой сравнительных словарей тюркских языков, что крайне необходимо, но даже не могли составить более или менее полного нормативного словаря отдельных языков. Фактически необходимость в таких сравнительных и толковых словарях не требует доказательств, и лишь только из-за слепого следования концепции Марра она не была осознана.

Товарищ Сталин в своём гениальном труде „Марксизм и

вопросы языкознания“ дал классическое определение роли лексики.

Словарный состав языка является материальной основой языка. Грамматика же, в которой язык получает коммуникативную функцию, по существу базируется на лексике. Нельзя представить себе реальности грамматики без лексики, без словарного состава. Неразрывная связь лексики с грамматикой до сих пор ставилась под сомнение, а акад. Марр ее совсем отрицал. Характерными признаками языка, как учит товарищ Сталин, являются основной словарный фонд и грамматический строй, которые неразрывно связаны между собой и составляют специфику языка.

В словарном составе языка основой, фундаментом, является основной словарный фонд. По количеству он ограничен, но исторически живуч и служит базой для образования новых слов. Четкие определения словарного состава, данные товарищем Сталиным, имеют принципиальное значение для выяснения истории возникновения и развития языка. Например, сравнение основного словарного фонда казахского языка, как и других тюркских языков, со словарем древнетюркских памятников письменности может дать самые важные сведения об истории его возникновения, тем более, что элементы современных языков существовали в глубокой древности. Современные языки тюркской семьи представляют собой развитие, совершенствование того языкового типа, который существовал в древности. Это подтверждается общностью основного словарного фонда современных тюркских языков, в том числе казахского, со словарем древнетюркских языков. В связи с этим возникает новая задача — выяснение основного словарного фонда современного казахского языка и сравнение его со словарем древнетюркских письменных памятников, с одной стороны, и основным словарным фондом современных тюркских языков, с другой.

Если сравнить слова казахского языка с точки зрения их значения, то обнаруживаем определенное различие. Слова *су*, *сусын*, *сулык* по своим значениям и по форме более архаичны, чем, скажем, слова *республика*, *колхоз*, *мемлекет*, которые в казахской лексике являются новыми. Основной первой группы слов является слово *су* (древнетюркское *суб* — вода), слова *сулык* — кухонное полотенце, *сусын* — прохладительный напиток, — производные от *су*, а слова *колхоз*, *мемлекет* и другие — новые и являются результатом заимствования из других языков.

Следовательно, в словарном составе казахского языка можно различить лексические пласты первичный и вторичный. Первичный — это слова или корни, которые жи-

бук в языке издавна и служат базой для образования новых слов. Совокупность слов или корней, исторически являющихся коренным лексическим элементом, накопленным языком в ходе своего становления, составляет словарный фонд казахского языка.

К основному словарному фонду казахского языка прежде всего относятся такие односложные слова-корни, как *жел* — ветер; *кел* — приходить; *от* — огонь, луч; *от* — желчь; *от* — проходить; *сан* — число, бедро; *тос* — грудь, наковальня; *ер* — богатырь, храбрый, муж (супруг); *ер* — седло; *жаз* — лето; *жаз* — расстилать; *жаз* — писать; *кас* — брови; *ат* — лошадь; *ат* — имя; *ат* — стрелять и другие.

Такие корни, или первичные лексические элементы, отличаются от других слов следующими признаками. Они бывают: 1) преимущественно односложными; 2) по своему значению многозначными; 3) родственными таким же корням почти всех тюркских языков и отличаются лишь звуковым составом.

В отношении первого признака надо сказать, что по своей структуре эти первичные корни обычно начинаются с согласных и кончаются согласными.

С точки зрения значения (семантики) один и тот же корень многозначен. Слово *ер* в древнетюркском языке употреблялось в значении „богатырь, воин“. В современном казахском языке это слово-корень употребляется в том же значении, но имеет и дополнительное значение — „супруг“. Слово *жас* имеет значения — „молодой, возраст“; слово *кол* — „рука“, „войско“, „почерк“, „подручный“. Один и тот же первичный корень в современном языке часто выражает одновременно существительное и прилагательное (*ак* — белый, честный, невинный и т. п.). Это свойство казахских корней составляет специфику казахского словарного фонда.

Последний признак этих первичных корней — это их наличие в языке древнетюркских письменных памятников. Например, казахские корни — *ел*, *бас*, *кыз*, *бек*, *жок*, *бар*, *ел*, *боз*, *ат*, *туз* и другие соответствуют корням древнетюркского языка — *эл*, *баш*, *кыз*, *бэк*, *йок*, *бар*, *эл*, *боз*, *ат*, *туз* и т. д. Они исторически явились основой или базой двусложных.

Основой таких производных слов, как *атта* — шагать, перешагнуть, *аттам* — меры длины в шагах (*бір аттам жер*), надо полагать *ад*, так как существует слово *адым* — шаг¹. От корня *ат* — лошадь — образовалось слово *ат*.

¹ Производные от *ад* должны быть *адда* и *аддам*, но в силу того, что звонкое *д* в конце слова произносится глухо, суффикс *да*, диссимилируясь, принял форму *та*.

тан — сесть на лошадь, отправиться в путь; *ат* — имя, *атан* — называться, *атак* — звание, *ата* — называй; *ат* — стрелять, *атыс* — перестрелка и т. д.

В силу агглютинации от таких производных основ могут образоваться трехсложные и многосложные слова. Например, слово *баскарма* — правление — образовалось от производной основы *баскар* — возглавить, которая в свою очередь возникла от первичного корня *бас* — голова.

В связи с этим в основном словарном фонде казахского языка можно различать корень и основу. Корень — нерасчленимый элемент, он семантически цел и значим. Напротив, основа семантически расчленима на составные части, например, из основы *белдік* — пояс, ремень — можно выделить значимый элемент *бел* — поясница.

Из этого вытекает тот вывод, что исторически первичный лексический пласт постепенно пополнялся и развивался. Это пополнение и развитие шло следующими путями: 1) путем образования новых слов с помощью суффиксов; 2) путем слияния корней или основ. Такие слова, как *қолтық* — подмышка, *қолай* — удобство, *от* — *отын* — дрова, топливо, *кий* — *киім* — одежда, *кий* — мешек (старинный женский головной убор) и другие, образовались путем суффиксального словообразования. Многие слова, как *жанқалта* — карман (от *жан* — бок + *калта* — мешочек, то есть боковой мешок), *белбеу* — пояс (от *бел* поясница + *бау* — шнур, то есть шнур для поясницы) и другие исторически образовались от слияния самостоятельных корней и основ.

Современному казахскому языку более свойственны первые два способа словообразования, то есть суффиксальный и слияния корней. Такие слова, как *жазуші* — писатель, *озат* — передовой и *басмақала* — передовая, *энбеккун* — трудодень, возникли буквально недавно. Они образованы путем суффиксального словообразования и слияния корней.

Первичным корням и производным основам, составляющим основной словарный фонд казахского языка, еще свойственно расширение, переосмысление их значения. Слова основного словарного фонда семантически не оставались в одном и том же значении, они менялись, переосмысливались, отражая все сферы деятельности человека через его восприятие окружающих явлений в природе и обществе. В этом отношении характерны изменения значений таких коренных слов казахского языка, как, например, *тон*. Слово *тон* в древнетюркском языке употреблялось в значении всякой одежды. В современном казахском языке *тон* переводится только как „шуба из овчины“. Остальные виды одежды из материи носят название *киім* (от *кий* — одевать).

Все эти факты характеризуют формальную сторону основного словарного фонда казахского языка.

Развитие основного словарного фонда казахского языка имеет еще и другую сторону — семантическую (закономерность образования значения слов или понятий, выражаемых отдельными словами).

Товарищ Сталин в своей работе „Марксизм и вопросы языкознания“ указал на злоупотребление семантикой, как это делали Марр и его последователи, но одновременно отметил значение семантики для языкознания.

Если проанализировать значения слов основного словарного фонда, то можно обнаружить наличие следующих семантических законов.

1. Закон сходства. По этому закону новый предмет получает свое название по сходству, ассоциации с уже известными другими предметами, явлениями. Таковы, например, слова: *тасбақа* — черепаха, от *тас* — камень, *бақа* — лягушка, буквально — каменная лягушка; *қаратұрғай* — скворец, буквально — черный воробей; *текесахал* (название ветвистого растения, имеющего форму бороды козла), дословно — козлиная борода; *кусмурун* — мотыга, от *кус* — птица, *мурун* — нос, буквально — птичий нос, и другие.

В основе образования значения этих слов, бесспорно, лежит закон сходства или сравнения признаков предмета и явлений.

2. Закон функции. По этому закону новые предметы получают свои названия по своей функции или назначению, характеру деятельности. Таковы, например, производные слова, образованные по этому закону: *тутқыш* — предмет для держания горячей вещи, *жазуши* — писатель, *тігінші* — портной, швея, *ашытқы* — дрожжи, *қурек* — лопата, *тосек* — постель, *журек* — сердце, и другие. Слово *күзэйнек* (*күзі-одірік*) — очки образовано от слов *күз* — глаз, *эйнек* — стекло, буквально — глазостекло, стекло для глаз.

3. Закон наименования общего по частному. По этому семантическому закону некоторое общее получает наименование по частному, то есть часть выступает как название общего. Этот закон действует главным образом в понятиях о размножении домашних животных. Например, такие частные конкретные понятия, как *қозы* — ягненок, *лак* — козленок, *базау* — теленок, *бота* — верблюжонок, *қулын* — жеребенок, *жумыртқа* — яйцо, *кушік* — щенок, *жун* — шерсть, *пышақ* — нож, *күз* — глаз, *қол* — рука, *арқан* — аркан, — служили основой для образования слов общего значения: [*қап* (қой)] *коздау* — ягниться, (*ешкі*) *лактау* — козлиться,

(*сыйыр*) *бузау* — телиться, (*бие*) *кулындау* — жеребиться, (*кус*) *жумыртқалау* — приносить яйца, (*ит*) *кушіктеу* — щениться, *жундеу* — выдергивать шерсть (у верблюда; ее не стригут, а выдергивают), *пышақтау* — заколоть ножом, *күздеу* — метиться во что-нибудь, наблюдать за скотом, *кодау* — поддерживать, пособить, *арқандау*, *ат арқандау* — привязать лошадь на длинный аркан, и другие.

Здесь характерно то, что слова конкретного значения выступают в качестве наименования общего понятия.

4. Закон перехода наименования. Товарищ Сталин учит, что язык связан прямо, непосредственно с производством и производственной деятельностью человека. Следовательно, всякие изменения в экономической, общественной и культурной жизни людей находят свое отражение в словарном составе. При этом происходит: а) выпадение некоторых устарелых слов; б) появление новых слов и выражений; в) изменение значения слов. Закон перехода наименования связан с последним явлением, то есть с изменением значения существующего слова. *Шопан* — в прошлом мифический покровитель баранов, а теперь — пастух; *қанат* — некогда крылья, потом раскидные деревянные решетки юрт, а теперь — стена. Или *шыны* — *чины* — *син* — Китай, потом — фарфор, фарфоровая посуда, ныне — стекло или посуда из стекла.

В казахском языке имеются слова *болскей* и *солкебай*. *Болскей* (польский) — это имитация серебра (польское серебро). Так казахи называют кольца, браслеты и другие украшения из этого металла. *Солкебай* („целковый“, то есть один рубль) — это украшение из серебра (чаще всего из монет 50-копеечного или рублевого достоинства). Так, русские слова „польский“, „целковый“, то есть название материалов, становятся названием предметов, сделанных из этих материалов.

Коренные или заимствованные из других языков слова в новых условиях выступают как названия новых понятий, главным образом предметов потребления или труда.

Из всего сказанного нельзя делать вывод, что все слова словарного фонда возникли по этим законам, а также что семантические законы — только эти. Многие слова могли возникнуть и по другим законам, которых мы еще не знаем.

Товарищ Сталин пишет: „Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его

работы от производства до базиса, от базиса до надстройки".¹

Это значит, что семантику основного словарного фонда нельзя рассматривать в отрыве от производства, производственной и иной деятельности людей. Основной словарный фонд казахского языка, несомненно, меньше и ограниченнее по сравнению со словарным составом. Если проанализировать основной словарный фонд с точки зрения значений, то оказывается, что он охватывает очень небольшой круг явлений. По характеру значений слова основного словарного фонда распадаются примерно на следующие группы.

Первая группа — слова, связанные с общими явлениями природы, например, *кун, тун, кеш, ерте, қыс, жаз, қар, суық, жылы, шоп, кел, су, тас* и другие.

Вторая группа — слова, относящиеся к быту, к предметам утвари и обихода и производству: *іс, от, отын, қылы, уй, мосы, казан, саба, мес, етік, шыт*, и другие. Сюда же относятся слова, связанные с понятием родства, обрядами и обычаями, а именно: *той, бала, ул, қыз, куда, енші, ата, іні, қарындас* и другие.

Третья — слова из обихода животноводства. Сюда относятся слова, обозначающие виды домашних животных, их деление (или различие) по возрасту, внешнему виду, уходу за ними, по продуктам, получаемым от них, и по технологии переработки этих продуктов. Надо сказать, что этот раздел представляет собой наиболее компактную, сравнительно богатую часть основного словарного фонда. Для примера приводим только несколько слов, характеризующих лошадей.

Казахи обозначают возрасты лошади следующими словами: *қулын* — жеребенок, *жабағы* — восьми-десяти месяцев, *тай* — годовалый, *кунан* — двухлетка, *денен* — четырехлетка, *бесті* — пятилетка, *кексе* и *қазанат* — свыше пятилетнего возраста.

Для определения масти лошади в казахском языке имеется свыше двухсот слов: *боз* — светлосерая, *қара* — вороная, *сары* — светложелтая, *қула* — саврасая, *көк* — гнедая, *тарлан* — пегая, *жирен* — рыжая, *курен* — темносерая, *борте* — светлорыжая, *торы* — темнорыжая и многие другие. Кроме них существуют еще слова, определяющие промежуточные масти, как, например, *қулагер, қарагер, ақбоз (от), қарала, сарыала, кокала* и т. д.

Такое же явление имеем со словами, выражающими понятия о других домашних животных — овцах, козах, коровах и верблюдах.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 11.

Следует отметить особенность в названии мастей домашних животных. Некоторые из них употребляются только в приложении к одному виду животных, некоторые к двум и больше видам животных. Так, *қула* — саврасая, *жирен* — рыжая, *курен* — темносерая, *тарлан* — пегая и другие определяют масть только лошади. А масть *көк*¹ — серая — масть не только лошади, но и овцы, коровы, козы.

Четвертая группа слов связана с анатомией человека, животных и болезнями. Сюда относятся слова типа — *бас, көз, арқа, бауыр, сузак* — тиф, *тымау* — грипп, *шешек* — оспа, *жілік* — ляжка, и другие.

И, наконец, пятая группа — слова, относящиеся к животному и растительному миру. Эта группа представляет собой также компактную часть основного словарного фонда. В гербарии Института ботаники АН КазССР, собранном проф. Н. В. Павловым на территории Казахстана, зафиксированы сотни казахских названий растений.

Несмотря на такую дифференцированность основного словарного фонда казахского языка, он по сравнению со словарным составом гораздо ограниченнее. Хотя словарный фонд по своему объему и характеру семантических значений ограничен, он все же, как учит товарищ Сталин, является основой или ядром словарного состава языка. Правила сочетания слов в предложении, равно и звуковые законы казахского общенационального языка, базируются на словарном фонде. Все новые и заимствованные слова подчиняются законам этого ядра.

II

Известно, что "... все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка".² "...словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения".³ "Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык".⁴

Выше мы характеризовали основной словарный фонд казахского языка. Если его сравнить со словарным составом

¹ Слово *көк* в казахском языке еще имеет значения: небо, зеленая трава, овощ, зеленый, синий.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 23.

современного казахского языка, последний, как по количеству, так и по семантическому объему несравнимо больше и разностороннее. В основном словарном фонде и словарном составе дореволюционного казахского языка было чрезвычайно мало научных, технических и политических терминов. После революции словарь казахского языка пополнился множеством новых научно-технических терминов, новыми словами в области хозяйства, культуры и искусства. Многие слова основного словарного фонда в новых условиях получили новое осмысление. Наряду с пополнением и обогащением словарного состава казахского языка за советский период из словаря выпали некоторые устаревшие слова и выражения: *тіс ағаш* — деревянная соха, *қудалық* — сватовство, и т. д.

Каковы пути обогащения словарного состава современного казахского языка за советский период?

Как известно, основой словарного состава общенационального языка является основной словарный фонд. В этом смысле он выступает в роли организующего ядра.

Обогащение словарного состава казахского языка за советский период шло путем внутреннего развития, путем семантического расширения основного словарного фонда. На основе тех же способов словообразования и семантических законов, которые существовали и раньше, появились новые слова с новыми значениями. Таковы, например, новые слова типа *бесжылдық* — пятилетка, *басқарма* — правление, *онеркәсіп* — промышленность, *жұмысшы* — рабочий, *ұйым* — организация, *ұйымдастыру* — организовать, *жетекші* — руководитель, *келісім* — соглашение, *келіссөз* — переговоры, *шығарма* — произведение, сочинение и др.

Наиболее реальным и продуктивным для современного казахского языка является процесс переосмысления, семантическое расширение значения казахских слов. Развитие производства, развитие торговли, образование казахской государственности, создание национальной письменности, развитие печати и расцвет художественной литературы — все эти факторы явились основой семантического развития слов, расширения, обновления их значений. Вот несколько характерных примеров. Слова, значившие прежде: *табыс* — находка, *муше* — конечности тела или доли при распределении находки, партия (в смысле противоборствующая сторона), *жарыс* — состязаться (преимущественно на лошадах), *эріс* — предел пастбища, и многие другие, сейчас получили новые значения, сохраняя прежние: *табыс* — достижения, успехи, *муше* — членство (партия — *мушесі*), *жарыс* — соревнование (в общественном смысле), *эріс* — сфера (деятельности или действия чего-либо).

С новыми значениями этих коренных слов связаны образования новых выражений, например: *табысқа жету*, *табысқа ие болу* — добиться успехов, иметь достижения, *социалисттик жарыс* — социалистическое соревнование, *іс эрісі* — сфера деятельности, и т. д.

Выражения как лексическая категория представляют собой сочетания слов, в которых уточняются и фиксируются точные их значения, поэтому они (т. е. выражения) бывают устойчивыми. Следовательно, выражения могут быть определены как устойчивые словосочетания, уточняющие и фиксирующие точные значения слов.

В расширении значений коренных казахских слов, в образовании новых лексических единиц и в образовании новых устойчивых сочетаний самое благотворное влияние оказывал и оказывает русский язык. Это вытекает из его выдающейся роли, как языка интернационального общения, как языка прогресса. Нет в Советском Союзе представителя отдельных языков, который в условиях сталинской дружбы народов не пользовался бы русским языком. Русский язык, кроме того, является источником знания. Творческие работники — ученые, писатели и другие, всех национальностей Советского Союза, создавая свои произведения на своем родном языке, творчески используют лексические богатства русского языка.

И в казахском языке творческие работники широко применяют способ калькирования слов и выражений русского языка. Правда, не всякие калькирования бывают удачными. Но все же они являются реальным путем обогащения словарного состава казахского языка за счет русского языка. Например: такие слова, как *көздейсок*, *көзқарас*, *кәсіпорын*, и такие выражения, как *жазушылар одағы*, *сақтық қассасы*, *сайлау өкірігі*, *құрмет тақтасы* и другие, твердо укоренившиеся в казахском литературном языке, являются переводами русских слов: случайность, взгляд, предприятие, союз писателей, сберегательная касса, избирательный округ, доска почта.

Таким образом, научно-технические, политические термины, неологизмы и семантическое обогащение основного словарного фонда (или новое значение старых слов) — все это является новым элементом, накопленным в период бурного расцвета политической и хозяйственной жизни казахского народа.

Процесс обогащения и развития словарного состава современного казахского языка идет по определенным каналам. Такими каналами являются:

а. Развитие политической, научно-технической и художественной литературы на казахском языке, где находят отражение результаты познавательной, творческой деятельности людей, возникают новые слова, новые выражения. Глубоко, всесторонне, каждодневно изучая словарь произведений литературы, создаваемой на этом языке, можно знать те изменения и развитие, которые происходят в нем.

б. Канал живой разговорной практики. Широкие массы трудящихся, занятые созидательным трудом во всех областях производственной жизни, воспринимают новые процессы, новые явления, создают новые слова, новые выражения. Например, *балғашы*—молотобоец, *табілші*—табельщик и многие другие. Такие слова постепенно входят в основной словарный состав общелитературного языка, но эти новообразования в практике разговорного языка следует различать от таких просторечий, как *от арба*—поезд, *шайтан арба*—велосипед и других.

Все эти просторечия представляют собой семантически искаженные слова, возникшие вследствие неточного восприятия или понимания заимствованных слов. Поэтому они не должны входить в состав литературного языка.

Повседневное наблюдение и систематическое изучение новообразований в разговорном языке и введение их в литературный обиход—одна из важных задач языковедческой работы;

в. Канал заимствования. Марксизм не отрицает реальности скрещивания, взаимосвязи языков, ибо нет народов, которые не соприкасались бы в своей истории с другими народами. Однако условия или законы скрещивания языков в классовом обществе и бесклассовом социалистическом не одинаковы.

Процесс обогащения словаря казахского языка словами русского языка начался несколько веков тому назад, усиливаясь со времени присоединения Казахстана к России. Еще более усилился этот процесс после Великой Октябрьской социалистической революции, став одним из постоянно действующих каналов обогащения казахской лексики. Он, безусловно, будет продолжаться и дальше.

В словарный состав современного казахского языка вошло и продолжает входить большое количество слов из русского языка. Слова эти обогащают казахскую лексику через живое общение казахского народа с великим русским народом, через переводы политической, научной и художественной литературы на казахский язык.

В связи с этим изучение практики перевода и разработка определенных правил перевода на казахский язык является одной из важных задач, которой, к сожалению, до сих пор уделялось мало внимания.

В словарном составе казахского языка имеется некоторое, сравнительно небольшое количество слов, имеющих параллели в других языках. К таким словам казахской лексики относятся: *әкім*—администратор (араб. *хаким*—правитель), *өкімет*—правительство, *үкімет*—власть (араб. *хукумат*—управление), *кітап*—книга (араб. *китаб*), *әрекет*—действие (вост. иранск. *харакат*), *нан*—печеный хлеб (таджик.—то же), *қырман*—ток (тадж.—время уборки урожая), *аймақ*—край (монг.—то же), *алма*—яблоко (монг. *алим*), *арша*—можжевельник (монг. *нари*), *сүт*—молоко (монг. *сун*), *арқа*—спина (монг.—то же), *арстан*—лев (монг. *арсалан*, др.-кипч. *арслан*), *сара*—ясный, чистый (монг.—луна), *арал*—остров (монг.—то же) и другие.

Языковеды до сих пор считали слова тюркских языков, имеющие параллели в других языках, иностранными. Такие слова считать иностранными нет оснований, так как они бытуют со времени, когда казахский язык как таковой еще не выделился из кипчакского языкового единства. В период выделения или обособления собственно казахского языка они были органической частью его словаря. Они уже давно утратили свою иноязычную форму и многие переосмыслились. Казахско-таджикские параллели возникли в глубокой древности, когда отдельные казахские племена, как и другие тюркские—огузы, уйгуры,—тесно общались между собой и с восточно-иранскими племенами. Например, слова: *каз*—гусь, *шарбы*—внутреннее сало по значению одинаковы в казахском и таджикском. Как можно казахские слова *өкімет*—правительство, *үкімет*—власть считать арабскими, когда они уже далеко отошли от арабского *хукумат*?

Такие лексические параллели должны считаться особым лексическим пластом основного словарного фонда казахского языка, возникшим в результате соприкосновения казахов с различными народами и племенами в период древнейшей истории казахского языка.

Ф. К. КАМАЛОВ

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Корифей науки—великий Сталин в своем классическом труде „Марксизм и вопросы языкознания“ дал исчерпывающие ответы на вопросы о возникновении, развитии и будущем национальных языков.

По учению И. В. Сталина: „Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.¹

В работах товарища Сталина подчеркивается единый, всенародный характер языка. Язык „создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык“.²

И. В. Сталин в работе „Марксизм и вопросы языкознания“ ярко показал пути развития языка и общность языка на всех этапах его развития. Указывая, что в первобытно-общинном родовом строе язык был „общий, единый для всего коллектива“, товарищ Сталин о дальнейшем развитии языка говорит:

„Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным,—то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения“.³

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 22.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 12.

Указания И. В. Сталина имеют прямое отношение к формированию и развитию узбекского языка.

Узбекский язык есть средство общения, орудие борьбы и развития узбекского народа. История узбекского языка теснейшим образом связана с историей узбекского народа, с историей его материальной жизни и духовной культуры. Узбекский язык, как средство общения, всегда был и остается единым и общим для узбекского народа.

По данным истории, археологии и этнографии, узбеки являются одной из древнейших народностей Средней Азии, обитавших на территории нынешнего Узбекистана. „Узбекский народ формировался как тюркоязычный народ на территории Узбекистана за много веков до появления в оседлых районах Средней Азии кочевников-узбеков, хотя и не носил их имени“.¹

Следовательно, узбекский язык, выработанный еще задолго до появления узбеков-кочевников, с течением времени постепенно расширяется и развивается. Кочевники-узбеки в процессе перехода на оседлый быт воспринимают культурное наследие, а также языковые особенности основного местного населения.

Этнический состав носителей узбекского языка охватывает очень многие, причем различные племена и представители разных народностей. „... в состав современного узбекского народа входят не только древнейшее тюркское население среднеазиатского Междуречья, не только тюркские племена, пришедшие в конце X и XI вв. вместе с караханидской династией, но и отюреченные согдийцы и хорезмийцы, а потом и таджики, причем в ряде районов (долины Зарафшана, Кашка-дарьи, Чирчика и Ферганы) этот слой довольно значителен. Вошли в состав узбекского народа и некоторые отюреченные монгольские племена...“²; а в XV веке кочевники-узбеки, обитавшие тогда на территории нынешнего Казахстана.

История узбекского народа свидетельствует о том, что узбеки, как единый народ, слагались в течение продолжительного времени в процессе слияния различных племен, слияния местного населения с другими народностями. В различных источниках этнический состав узбекского народа указывается по-разному. „Узбекские родовые деления,—пишет акад. В. В. Бартольд,—не были постоянной величи-

¹ История народов Узбекистана, т. I, изд. АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 8.

² Там же, стр. 11.

ной. Сперва как в бухарском, так и хивинском царстве считалось всего 32 рода, со второй половины XVIII в. официальное число родов было уже не 32, а 92.¹ Однако узбекский язык, как средство общения, был и остается единым для всего узбекского народа.

Узбекский народ, как и другие народы мира, по данным археологии, шел по пути единого процесса исторического развития человека на земле.

Племена и народности дробились и смешивались с другими племенами и народностями. Все это обогащало словарный состав узбекского языка, уточняло и улучшало его грамматический строй. С ростом и развитием феодализма племенные языки развились в язык узбекской народности.

Несмотря на самостоятельное историческое образование узбекский народ имеет языковое родство с казахами, киргизами, каракалпаками, туркменами, а также с другими тюркоязычными народностями. Когда речь идет о языковом родстве тюркоязычных народностей, следует особо выделить среди них те, которые переплетены в территориальном, экономическом, политическом и культурном отношениях. Необходимо учитывать, что языки тюркской системы не представляют единого происхождения, наоборот, каждый из них является собой сложное своеобразие историческое образование, и они отличаются друг от друга по своему словарному составу и грамматическому строю.

Хотя у узбеков с тюркоязычными народностями имеется общая принадлежность к одной языковой системе, однако по другим данным узбеки стоят ближе к таджикам. „Таджики и узбеки—наиболее древние из культурных народов Средней Азии, их история связана с Согдом, Хорезмом, Бактрией, Ферганой, Шашем, на территории которых находились очаги богатой в древности цивилизации“.² Таким образом, история сложения таджикского и узбекского народов обнимает десятки веков и охватывает целый ряд племен и народностей. Своеобразный процесс сложения таджикского и узбекского народов нашел отражение в их языковом строительстве. Узбекский язык испытал влияние таджикского языка, а таджикский—узбекского языка.

Достаточно указать на такие слова, которые прочно вошли в словарный состав узбекского языка: *писанд, пешво, пештоқ, пешқадам, поя, гузар, жомашу, раҳбар, най,*

дугор, доира, сартарош, чўпон, дарахт, сабзавот, пахтакор, дурадгор, мискара, заргар, шолпоя, ғўзапоя, серҳосил, ноёб, бенуқсон, ватанпарвар, халқпарвар, сулҳпарвар, созанда, дўзанда, аврбанд, хунарманд, донишманд, номзод и т. д.

Как известно, коренное население Средней Азии, в том числе население Узбекистана, с древних времен, начиная с периода перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, подвергалось нападениям иноземных захватчиков—греков, арабов, монголов и других. Иноземцы оставили следы в культуре и в языке местного населения.

Арабские завоеватели насильственно провели исламизацию Средней Азии, навязали совершенно чуждый местному населению арабский язык. Арабский язык применялся в проповедях и молитвах, в мусульманской богословской и юридической литературе и в научных трудах. Несмотря на это сохранились грамматический строй и основной словарный фонд узбекского языка. Этот факт показывает „...большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции... Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда“.¹

Развитие производства, изменение социального строя, развитие культуры, науки и другие социально-экономические факторы внесли большое изменение в развитие узбекского языка. С течением времени узбекский язык претерпевал изменения: словарный состав языка пополнялся новыми словами; некоторые слова и выражения получили новое смысловое значение: ряд устаревших слов вышел из употребления; совершенствовался грамматический строй языка, улучшались и уточнялись грамматические правила. Но основы грамматического строя узбекского языка и основной словарный фонд сохранились и с успехом обслуживают узбекский народ на протяжении ряда эпох.

Дальнейшее развитие производства материальных благ, рост производительных сил требовали от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями. Языки народов Средней Азии, следовательно, и узбекский язык, непосредственно отражая такие требования, пополняют свой словарный состав и улучшают грамматический строй.

Появление письменности внесло большое изменение в развитие языка. Узбекский народ имеет много письменных памятников, которые свидетельствуют о том, что народы

¹ В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928.

² История народов Узбекистана, т. 1, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 7—8.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 26.

Средней Азии в своей культурной жизни применяли различные системы письменности и разные алфавиты.

Своими оригинальными открытиями ученые, вышедшие из среды узбекского народа, а также из других народов Средней Азии, обогатили мировую культуру. На староузбекском (тюркском), таджикском и арабском языках оставлено богатейшее культурное наследие. Имеются труды в различных областях наук: физико-математической, астрономической, медицинской, историко-философской, филологической и других.

Созданные на староузбекском (тюркском) языке научные труды и культурные памятники свидетельствуют о богатстве его словарного состава и гибкости грамматического строя.

Художественные произведения, созданные на узбекском языке, занимают особое место в истории культуры узбекского народа и в истории тюркоязычных народностей Средней Азии.

Развитие литературы, в свою очередь, оказало влияние на развитие единого общенародного языка.

Узбекский классический литературный язык был создан на базе общенародного языка еще за несколько веков до Великой Октябрьской социалистической революции в условиях господства религиозной идеологии феодально-аристократического класса и в условиях параллельного существования многочисленных говоров.

Если до XII века в письменных памятниках имелись лишь отдельные элементы узбекского литературного языка, то к XIV веку эти зачаточные элементы развиваются в определенные языковые нормы. В XV веке создаются условия для формирования узбекского классического литературного языка.

Основоположник узбекского классического литературного языка, великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои (1441—1504) раскрыл и теоретически обосновал особенности родной речи, поднял роль и значение узбекского языка, как единого общенародного языка, способного отразить научные и культурные достижения своего народа. „Алишер Навои был великим узбекским поэтом. Впитав в себя самые лучшие традиции таджикской, персидской и азербайджанской литературы, владея в совершенстве персидским и арабским языками, он вместе с тем бесконечно любил свой родной тюркский (староузбекский) язык, который довел в своих произведениях до большого совершенства“¹.

¹ История народов Узбекистана, т. 1, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 400.

О характере классического узбекского литературного языка, основанного Алишером Навои, существуют различные мнения. Это объясняется тем, что узбекский язык эпохи Навои не изучен. Член-корреспондент АН УзССР А. К. Боровков в своем исследовании постарался внести некоторую ясность в определение характера литературного языка Навои. В работе „Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка“ проф. А. К. Боровков утверждает, что „звуковой состав языка Алишера Навои в части гласных отличается от современных нам говоров ташкентского, бухарского и самаркандского типа и может быть сопоставлен скорее с современными ферганскими говорами андижанского и кокандского типа, в которых сохраняется, в частности, противопоставление гласных *o* (в Коканде) и *u* (в Андижане) заднего и переднего ряда“¹. Это мнение приближается к мнению Бабура.

Во второй половине XIX века в культурной жизни узбекского народа происходят серьезные изменения. Эти изменения связаны с присоединением территории Средней Азии к Российскому государству. Политика царского самодержавия основывалась на жестоком национально-колониальном угнетении народных масс. Однако наряду с колонизаторской политикой царского правительства объективно выявилось новое общественное явление, а именно—борьба русского рабочего класса против всякого гнета, в том числе национального и колониального гнета, имевшая большое прогрессивное значение для местного населения.

Рост революционного движения в России нашел свое отражение и в Узбекистане. Значение единого узбекского языка как средства борьбы трудящихся масс против эксплуататорских классов и как средство пропаганды демократических идей особенно сказывается во второй половине XIX века. В расширении рамок классического литературного языка значительную роль сыграли поэты-демократы.

В лирических произведениях, написанных на узбекском языке, Фуркат призывал трудящихся к освобождению, воспевал дружбу узбекского народа с великим русским народом, указывал на благотворное влияние науки и культуры. Например, в стихотворении „О науке“ Фуркат показывает огромную роль науки в развитии человеческого общества.

Поэт Муками до конца своей жизни боролся против несправедливости, деспотизма, угнетения. „Творчество Муки-

¹ А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, Сб „Алишер Навои“, Изд. АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 106—107.

ми резко отличается от старой придворной поэзии; оно выделяется не только силой таланта и мастерства, но и богатством и разнообразием тематики и особенно своей демократичностью. Поэт стремится к изображению реальной жизни, он откликается на темы большого общественного значения.¹ Содержательные лирические произведения, целеустремленная и острая сатира Мукими поднимают роль и значение единого народного языка в новых социальных условиях.

Во второй половине XIX века, особенно после первой русской революции, происходит оживление в культурном строительстве узбекского народа. Увеличивается книгопечатание, появляются в узбекском переводе произведения русской классической литературы.

В период 1905—1917 гг. развиваются новые формы литературы, зарождается театр в виде отдельных любительских театральных групп, в школах такие дисциплины, как история, география и другие, преподаются на родном языке, появляется периодическая печать — газеты и журналы.

Характер узбекского письменного литературного языка в период 1905—1917 гг. представляется иным. В нем имеется большое количество арабских, турецких и татарских слов и отдельных морфологических элементов.

„Литературный узбекский язык периода 1905—1917 гг. вообще производил впечатление не народного „смешанного“ языка. В литературе поэзия господствовала над прозой, стихи по форме оставались старыми и язык их более архаическим. Наибольшим влиянием был подвержен язык прозы, драматических произведений и газетный язык. Разнообразие влияний создавало впечатление чего-то бесформенного, переходного, смешанного в литературном языке. Это общее впечатление отражало до некоторой степени действительное состояние узбекского литературного языка в дооктябрьский период. Читателю бросались в глаза в первую очередь чуждые формы, татаризмы и „западно-тюркские“ элементы...

Татаризмы и западно-тюркские элементы занимали действительно большое место в узбекском литературном языке, особенно в языке периодической печати, что объясняется, в первую очередь, идейными влияниями из Центральной России, Крыма, Азербайджана и отчасти Турции“.²

Смешанный характер в то время имел не только узбекский письменный литературный язык, но и другие языки

тюркоязычных народностей, например казахский. Об этом говорил в докладе „К истории казахского языка“ член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов:

„Книги, в редком случае появлявшиеся до революции и считавшиеся национальными на казахском языке, на самом деле были написаны на татарском языке с некоторым смешением этого языка с элементами языка казахского; или они писались на том книжном мусульманско-тюркском жаргоне, которым пользовались ученые без различия национальностей: и турки, и башкиры, и казахи, и киргизы...“.¹

Это объясняется прежде всего тем, что во второй половине XIX века в России возникла идея о создании „общетюркского“ литературного языка для всех тюркоязычных народностей. Буржуазные националисты, пантюркисты в начале XX века крепко стояли на позициях узаконения „единого тюркского языка“.

Вопрос об „общем тюркском языке“ часто обсуждался на страницах татарских, азербайджанских, узбекских газет и журналов.²

Однако стремление буржуазных националистов втянуть широкие массы в борьбу за мнимый язык успеха не имело. Это стремление не могло также стать преградой для развития самобытного языка каждого тюркского народа. „После бесчисленных споров в турецкой, татарской, азербайджанской, казахской и узбекской прессе молчаливо было признано самостоятельное существование анатолийско-турецкого, татарского, казахского и „чагатайского“ (т. е. староузбекского) языков, хотя этому меньше всего способствовали литературные дебаты“.³

Несмотря на это, вопрос о национальных литературных языках тюркских народов, в частности, узбекского народа, не был разрешен в условиях царской России.

Это ясно. Вопрос о национальном языке стоит в прямой связи с решением национального вопроса в целом.

„Национальный вопрос нельзя считать чем-то самодовлеющим, раз навсегда данным. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития. Это особенно ярко сказыв-

¹ М у к и м и, Лирика и сатира, Госиздат, М., 1950, стр. 5.

² А. К. Б о р о в к о в, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Учпедгиз УзССР, Ташкент, 1941, стр. 19.

¹ С. Е. М а л о в, К истории казахского языка, Известия АН СССР, 3, 1941, стр. 99.

² А. К. Б о р о в к о в, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Учпедгиз УзССР, Ташкент, 1941, стр. 6.

³ Там же.

вается в период революции в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняют свое содержание в зависимости от хода и исхода революции".¹

Только преобразование существующего строя, ликвидация старого строя и построение нового и новая социальная обстановка дали возможность успешно разрешить национальный вопрос и создали условия языкам народностей развиваться в национальный язык.

Процесс развития языка узбекской народности в национальный язык своеобразен. Раздробленность и разобщенность узбекского народа, отсутствие единого экономического и культурного национального центра не давали возможности народным массам Узбекистана до Великой Октябрьской социалистической революции слиться в нацию. Народные массы Узбекистана до Октября "... были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций "власть имущих".²

Так как до Октябрьской революции не было узбекской нации, следовательно, язык узбекской народности не мог развиваться в национальный язык.

"Конечно, элементы нации—язык, территория, культурная общность и т. д.,—пишет товарищ Сталин,—не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях".³

Следовательно, узбекский язык, существовавший до формирования нации, был языком узбекской народности с элементами национального языка. Элементы узбекской нации—язык, культура и т. д. дооктябрьского периода представляли собой предпосылку для образования при благоприятных условиях нации и национального языка.

Благоприятные условия для развития узбекского национального языка были созданы Советской властью.

Национальные языки в Советском Союзе есть языки социалистических наций.

Исторический путь развития языков точно очерчен в глубоко научном труде товарища Сталина по вопросам языкознания. Основными этапами развития единого узбек-

ского языка являются развитие от языка родового к языку племенному, от языка племенного к языку народности, от языка народности к языку национальности. Таким образом, единый узбекский язык существует с давних пор: до VI в. он был родовым языком с элементами племенного языка, до XII в.—племенным языком с элементами языка народности, до первой четверти XX в.—языком народности с элементами национального языка, а с 1924 года—после национального размежевания Средней Азии—узбекский язык стал языком социалистической нации. Развитие узбекского языка происходило "путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка", а не путем "уничтожения существующего и построения нового".

Узбекистан, как один из равноправных членов Великого Советского Союза, наряду с грандиозными успехами в области хозяйственной, политической и культурной жизни, имеет большие достижения и в области узбекского национального языкового строительства.

Язык как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе "... связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки...

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй".¹

Современный узбекский язык как средство общения узбекской социалистической нации непосредственно отражает в себе изменения в производстве и всякой иной деятельности носителя этого языка, достижения всего дружественного советского народа, а также прогрессивного человеческого мира.

В настоящее время в словарном составе узбекского языка имеются слова или словосочетания, отражающие все отрасли советской промышленности. Так, например, *қора металлургия, рангли металлургия, кўмир саноати, нефть саноати, электростанциялар, химия саноати, электр саноати,*

¹ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 155.

² И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 137.

³ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 11.

алоқа воситалари саноати, оғир машинасозлик, автомобиль ва трактор саноати, станоксозлик, машинасозлик ва асбобсозлик, қурилиш ва йўл машинасозлиги, транспорт машинасозлиги, қишлоқ хўжалик машинасозлиги, бинокорлик материаллари саноати, ўрмон ва қоғоз саноати, енгил саноат и т. д.

Промышленная продукция также нашла свое выражение в отдельных словах или словосочетаниях: *чўян, пўлат, прокат, рельс, қувур, мис, руҳ, кўрғошин, кўмир, нефть, бензин, керосин, еқилғи, табиий газ, электр қуввати, магистраль электровозлари, товар вагонлари, юк автомобиллари, автобуслар, мотоцикллар, шарикоподшипниклар, экскаваторлар, буг турбиналари, автопогрузчиклар, станоклар, счет машиналари, комбайн, плуг, сеялка, культиваторлар, минераль ўғит, синтетик каучук, автопокрышка и т. д.*

В Узбекистане в настоящее время имеются машиностроительные заводы, которые обеспечивают машинами не только хлопководство, но и другие отрасли народного хозяйства, например, строительную, транспортную и легкую промышленность. Продукция промышленных предприятий Узбекистана в современном узбекском языке также выражается отдельными словами и словосочетаниями: *ўғитловчи машиналар, окучниклар, пуркагичлар, пичан ўриш машиналари, ғўзапоя юладиган машиналар, кўсок чувиш машиналари; ер кавлайдиган машиналар, ариқ кавлаш машиналари, йўл тузатиш машиналари, кранлар, лебедкалар, лентали транспортерлар, тола ва момиқ тозалайдиган машиналар, сабзавот қирқадиган, картошка арчийдиган машиналар и т. д.*

Таким образом, в советский период роль и значение единого национального языка повышается, язык становится еще более гибким и мощным.

Бесконечно многообразны языковые средства, которые, позволяя выразить самые тонкие и самые сложные оттенки мысли.

Единый национальный узбекский язык, получивший в советский период социалистическое содержание, стал основой современного письменного узбекского литературного языка.

Создание единого узбекского национального литературного языка, соответствующего духу социалистической нации, сопровождалось упорной борьбой. Под руководством партии Ленина—Сталина были разгромлены панисламисты, лантюркисты, буржуазные националисты, а также разгромлен великодержавный шовинизм, отрицавший существование национальных особенностей в развитии языков в период

построения социализма. Разоблачены идеалистические, вульгарно-материалистические и формалистические взгляды на узбекский язык. В результате всего этого и на основании глубокой научной разработки актуальных проблем в области национального языкового строительства создан общенациональный письменный литературный язык.

В создании современного узбекского письменного литературного языка велика заслуга перед узбекским народом поэта-революционера, драматурга и композитора Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Хамза Хаким-заде в ранних своих произведениях, наряду с богатым узбекским народным творчеством, широко использовал творческую продукцию великого Алишера Навои и поэтов-демократов Муками и Фурката. Первый сборник стихотворений Хамзы, содержащий его газели, написанные в период 1907—1914 гг., сохраняет традиции узбекской классической литературы. Язык, стиль Хамзы этого периода напоминают литературные приемы Алишера Навои и поэтов-демократов.

Затем последовательный новатор Хамза Хаким-заде создал свои произведения на существующем живом общенародном языке. Хамза высоко ценил свой родной язык и сделал много для его развития.

Узбекские советские писатели, поэты и драматурги, научные работники, работники периодической печати и издательств в новых условиях, в обстановке социалистического строительства, в годы Великой Отечественной войны и в период мирного строительства, совершенствовали и совершенствуют современный узбекский письменный литературный язык.

С первых же дней Октябрьской социалистической революции в современном узбекском литературном языке появляются и развиваются все языковые жанры, вырабатываются особые формы монолога и диалога, различные формы переписки, разговора по телефону, по радио, формы докладов, сообщений, бесед, формы команды, рапорта и т. п. среди военнослужащих; появляются новые термины, словосочетания и речевые обороты в трудах по отдельным отраслям науки и техники, а также в области культуры—музыки, искусства; появляются новые речевые обороты в газетных статьях, объявлениях, в учебниках, вырабатываются новые формы лозунгов, телеграмм, циркуляров и декретов, протоколов, резолюций и ряда других документов.

Таким образом, современный узбекский литературный язык поднимается на такую степень, на которую он никог-

да еще не поднимался в процессе всего своего предшествовавшего исторического развития.

В сотрудничестве наций велика роль русского языка, языка великого народа, на котором создал свои бессмертные труды гениальный Ленин и на котором творит мудрый Сталин. С помощью русского языка, посредством переводов с русского языка на узбекский произведений классиков марксизма-ленинизма, классиков художественной литературы и произведений писателей советского периода, переводов научно-технической и политической литературы, стабильных учебников и т. д., национальные языки, в частности узбекский язык, обогащаются и развиваются. Словарный состав национальных языков пополняется новыми словами, научно-техническими терминами, вошедшими непосредственно из русского языка или через русский язык. В результате сотрудничества с русским народом в национальных языках происходят изменения как в фонетике, так в морфологии и синтаксисе.

Большим достижением узбекского народа в области национального языкового строительства является создание новой системы письменности на основе русской графики.

Как известно, узбекский народ после Великой Октябрьской социалистической революции три раза перестраивал свою письменность. Начиная с 1922 года на практике применяется новая система письменности, созданная на основе реформированного арабского алфавита, с 1929 года — на основе латинского алфавита.

В мае 1940 года узбекская латинизированная письменность была переведена на новый алфавит, основанный на русской графике. С тех пор прошло одиннадцать лет; за это время десятки тысяч человек в Узбекистане ликвидировали свою неграмотность и малограмотность.

Новый алфавит дал возможность, на основе опыта великого русского народа и других братских народов Советского Союза, разработать новую систему письма и урегулировать вопросы нормализации узбекской орфографии. Он явился средством дальнейшего развития и усовершенствования узбекского национального языка и узбекской письменности.

Новый алфавит, основанный на русской графике, намного облегчил процесс преподавания в школах узбекского и русского языков, усилил таким образом культурную связь народов нашей великой социалистической Родины.

При создании узбекской письменности на основе русской графики, естественно, возникли проблема единого литературного произношения, вопрос о структуре алфавита

на основе русской графики, алфавита, необходимость введения в алфавит дополнительных знаков для выражения специфических узбекских фонем и т. п.

Вопрос о нормах единого литературного произношения нельзя было бы разрешить, не опираясь на живой узбекский разговорный язык. Но для узбекского языка характерны диалектальное разнообразие, различные говоры, поэтому возникла необходимость выбора опорных говоров. Для этого надо было определить историческую роль существующих узбекских живых говоров в формировании и развитии национального литературного языка и в культурном строительстве. Опорными говорами оказались говоры центральных городов Узбекистана.

Узбекские городские говоры отличаются от кишлачных говоров своими лингвистическими особенностями: фонетическим составом, морфологическими и частично лексическими признаками. Особенно ярко бросается в глаза отличие звуковой системы, в частности системы гласных фонем.¹

Гласных фонем в городских узбекских говорах шесть (в некоторых городах семь): О, А, Ä, Ü, Э, У, И. „Окающее“ произношение и отсутствие гармонии гласных являются характерной чертой ведущих городских узбекских говоров.

В ряде других узбекских говоров, главным образом в кишлачных, гласные фонемы различаются по „твердости“ и „мягкости“ и составляют пары: А—Ä, О—Ö, Ü—Û, Ы—И. Девятигласный состав, „акающее“ произношение и гармония гласных являются характерной чертой кишлачных узбекских говоров.

Для отдельных узбекских говоров, например для южно-хорезмских, характерна долгота гласных; долгие гласные в этих говорах являются самостоятельными фонемами.

Необходимо особо подчеркнуть то положение, что не все опорные городские говоры в одинаковой мере могут служить основой литературного языка и единого литературного произношения. Среди опорных говоров необходимо выделить ведущий. Таким ведущим говором является ташкентский.

Ташкентский говор выделяется среди опорных городских говоров своими фонетическими особенностями, словарным составом и грамматическим строем. Только некоторые грамматические формы, например суффиксы сказуемости, форма первого лица мн. ч., форма настоящего конкретного времени этого говора не характерны для действующего уз-

¹ А. К. Боровков, Узбек тилининг янги орфография проекти, УзССР Фанлар Комитети Нашриёти, Тошкент, 1939, бет 6—8.

бекского литературного языка. Но эту сторону ташкентского говора заменяет андижанский говор, т. е. некоторые морфологические форманты андижанского говора — форма настоящего конкретного времени — *ЯП* в словах *бояпти*, *келяпти*, *ўкияпти*, *ёзяпти* и форма сказуемости, форма первого лица мн. ч. — *МИЗ* в словах *борамиз*, *келамиз*, *ёзамиз*, *ишлаймиз* — характерны для единого литературного произношения, являются основой современного узбекского литературного языка.

Таким образом, своими фонетическими особенностями, словарным составом с основным словарным фондом и грамматическим строем ташкентский и андижанский говоры являются ведущими среди опорных городских узбекских говоров и основой современного общеузбекского национального литературного языка и единого литературного произношения.

Вопрос о введении дополнительных знаков в новый алфавит для выражения специфических узбекских фонем решался с учетом, во-первых, особенностей опорных узбекских городских говоров, во-вторых, — максимального сохранения структуры и стройности русского алфавита, в-третьих, — унификации узбекской письменности с письменностями других народов СССР. В новый узбекский алфавит были введены четыре дополнительных знака: *Қ, Ғ, Ҳ, Ў* на базе русских *к, г, х, у* и орфографический знак (апостроф) для передачи арабского *айн'а* и *хамзы* в словах арабского происхождения.

Сохранение цельности и системы русской графики является главным условием унификации письменности народов СССР. Учитывая эти условия при создании узбекского алфавита, были приняты все русские буквы (за исключением *Щ, Ъ*) без замены формы и функции, названия и порядка.

При переходе на новый узбекский алфавит достигнута в значительной степени унификация письма. Идеографические и цифровые знаки, знаки препинания, научно-технические термины и формулы, которые по-разному применялись в системе арабского алфавита, в настоящее время имеют единую форму. Советско-интернациональные слова, географические названия и имена собственные, принятые, через русский язык, унификация которых отсутствовала при системе латинизированного алфавита, в настоящее время имеют общую форму произношения и единую форму начертания. Эти факты свидетельствуют о том, что вопросы унификации узбекской письменности с письменностями других народно-

¹В. В. Решетов, О категории настоящего времени в узбекском языке, ДАН Уз ССР, 5, 1948, стр. 31–37.

стей, создавших свои алфавиты на основе русской графики, в основном разрешены правильно.

Нельзя, однако, утверждать, что вопрос унификации узбекской письменности разрешен окончательно.

Предстоит еще большая работа по стабилизации и максимальной унификации узбекской письменности с письменностями дружеских народов великого Советского Союза.

Достижением узбекского народа в области национального языкового строительства является развитие науки и культуры, непрерывный рост школ и высших учебных заведений, где обучение проводится на родном языке.

Созданы многочисленные учебники на узбекском языке по всем дисциплинам для начальных, средних школ и, частично, для вузов. Созданы научно-технические термины.

Одно время вопрос об источниках научно-технических терминов вызывал многочисленные споры. Одно направление тяготело к арабским словам и терминам, и очень часто недооценивались интернациональные политические и научные термины. Сторонники же пуризма часто переоценивали роль „национально-чистых элементов“ в узбекском языке. „Практика терминологической работы знает многочисленные случаи засорения языка большим количеством национально-неоформленных заимствований, перенесенных из каких-либо сильно влияющих языков“.¹

Буржуазные националисты, пантюркисты и панисламисты пытались сбить с правильного пути развитие современного узбекского национального языка. Но это им не удалось.

В настоящее время вопрос об источниках научно-технических терминов принципиально разрешен. Источник всякой терминологии — это единый общенародный язык, т. е. родной язык каждого народа. Родной язык для нерусской национальности в СССР — это национальный язык и язык великого русского народа. Следовательно, родной язык для узбекского народа — это узбекский и русский языки.

Лингвистические исследования показывают рост советско-интернациональных терминов в узбекском языке, постепенно вытесняющих арабские слова. По подсчету проф. А. К. Боровкова, в одном номере газеты „Заравшан“ за 25 марта 1923 года количество слов арабско-персидского происхождения составляло 37,4 процента, а советско-интернациональных терминов и в том числе русских — всего 2 процента. В словаре К. К. Юдахина „Узбекско-русский словарь“, издания 1927 года, слова арабского происхождения составляют

28,6 процента, а советско-интернациональные термины и в том числе русские—4,07 процента. По подсчету В. В. Решетова, произведенному им по четырем номерам газеты „Кизил Узбекистон“ в 1934 году, оказалось: слов арабско-персидского происхождения—27 процентов, а советско-интернациональных—12 процентов. По подсчету А. К. Боровкова, в газете „Кизил Узбекистон“ за 6 февраля 1940 года слов арабско-персидского происхождения оказалось 25 процентов, а советско-интернациональных—15 процентов.

„Следовательно, в Узбекском языке увеличивался новый словарный пласт советско-интернационального происхождения“.¹

Однако наряду с достигнутыми успехами в области научной терминологии остается целый ряд проблематических вопросов.

Достижением узбекского народа в области национального языкового строительства является также создание науки о национальном языке. Наука о языке, по определению товарища Сталина, является самостоятельной наукой, имеет свой объект исследования и свою специфику.

Член-корреспондент АН УзССР А. К. Боровков в своей работе „Узбекское языковедение“ констатирует тот факт, что „в свое время в Средней Азии не существовало лингвистической науки в современном смысле слова. Изучение узбекского языка было связано с судьбами тюркологии в России и с политическими и культурными условиями существования узбекского народа“.²

В советский период наука об узбекском языке непрерывно росла и развивалась. В настоящее время эта наука имеет свои отрасли: историю узбекского языка, историю узбекской письменности, диалектологию, современный узбекский язык, грамматику, лексикографию, фонологию и экспериментальную фонетику. По этим отраслям лингвистической науки подготовлены и готовятся научные кадры. Проблема узбекского литературного языка, диалектологические исследования, разработка вопросов узбекского алфавита и орфографии, исследования в области узбекской лексикографии, грамматические исследования, вопросы истории узбекского

¹ А. К. Боровков, Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики). Известия УзФАН СССР, 7, 1940, Изд. УзФАН, Ташкент, стр. 21—22.

² „25 лет советской науки в Узбекистане“, сб., Изд. УзФАН, Ташкент 1942, стр. 280.

языка¹—вот ряд проблем, разработанных за последние годы учеными-языковедами.

В свете учения И. В. Сталина о языке можно выделить следующие актуальные проблемы по вопросам узбекского языкознания:

1. Изучение истории узбекского языка, определение древнего, первоначального состояния узбекского языка, его основного словарного фонда и грамматического строя. Изучение особенностей единого узбекского языка по этапам его развития: содержание, характер и структурные особенности языка родов, племен, народностей и национальностей.

2. Изучение местных диалектов, определение роли и значения местных диалектов в едином общенародном узбекском языке по этапам его развития.

3. Сравнительное изучение языков среднеазиатских народностей и „территориальных“ диалектов, определение взаимоотношений узбекского языка с языками других тюркоязычных народностей в историческом аспекте. Определение элементов арабского и других языков в узбекском.

4. Исследование развития единого общенародного узбекского языка, особенно в советский период: пополнение и изменение фонетического состава; пополнение словарного фонда новыми словами и выражениями; новые смысловые значения ряда слов и выражений; новые морфологические элементы и типы словосочетаний; некоторые изменения в структуре предложений и дальнейшее развитие и совершенствование синтаксической конструкции.

5. Определение степени влияния русского языка на развитие узбекского национального языка: роль русского языка в обогащении словарного состава и в улучшении грамматического строя узбекского языка, в разработке новых словосочетаний и оборотов речи.

6. Изучение путей создания единого национального литературного языка; разработка свода правил орфографии для стабилизации единого литературного произношения. „Изучение научно-теоретической речи как своеобразного типа литературного языка, разных функций или видоизменения стиля научного сложения в силу специфики тех или иных областей научного знания“;² изучение языка художественной литературы.

¹ А. К. Боровков, Узбекское языковедение, сб. „25 лет советской науки в Узбекистане“, Ташкент, 1942, стр. 284—291.

² В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, доклад на объединенной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и АПН РСФСР, М., 1950, стр. 19.

7. Изучение истории узбекской письменности с древнейшего периода до настоящего времени: уточнение форм, характера узбекской письменности до арабского алфавита; выяснение истории проникновения и употребления арабского алфавита; изучение изменений в узбекской письменности в советский период; вопросы унификации письменности народов Средней Азии и народов Советского Союза в связи с переходом на новый алфавит, основанный на русской графике.

При решении этих основных проблем в области узбекской языковой культуры исследователи должны руководствоваться учением классиков марксизма-ленинизма о языке, особенно историческими трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Б. М. ЮНУСАЛИЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Экономическая и политическая разобщенность, беспрерывные феодальные раздоры и войны между главными киргизскими племенами на протяжении последних веков наложили свой отпечаток на киргизский язык. Эти причины сказались, прежде всего, на фонетических и особенно лексических различиях между южными и северными диалектами, которые могли в дальнейшем привести к окончательному разделению на самостоятельные языки или частично влиться в другие языки. Такой катастрофы удалось избежать только благодаря советскому строю, при котором киргизские племена получили возможность не только объединиться экономически и политически в единый коллектив, но и получили свою государственность и выросли в социалистическую нацию. Киргизский язык, став языком государственным, в условиях дружественного сотрудничества русского языка продолжает дальнейшее развитие по своим внутренним законам, служа народу как „важнейшее средство общения“ и как „орудие борьбы и развития общества“. Отсюда вытекает необходимость всестороннего его изучения и исследования.

Начатые примерно с 1930 г. научные исследования в области киргизского языка ведутся небольшим числом специалистов, главным образом, проф. К. К. Юдахиным и И. А. Батмановым, к которым присоединился за последние годы ряд молодых филологов, выросших из среды киргизов. Необходимо отметить значительную работу, сделанную проф. К. К. Юдахиным в области лексикографии. Созданный им в результате многолетних трудов, впервые в истории киргизского народа, киргизско-русский словарь представляет собой ценнейший вклад не только в дело изу-

чения лексики киргизского языка, но и для исследования истории и этнографии киргизского народа. Под редакцией проф. Юдахина выпущен русско-киргизский словарь большого объема, который является незаменимым пособием для изучения русского языка киргизами.

Из других элементов киргизского языка более всего разработана фонетика. В этом отношении важное научное и практическое значение имеет последняя работа И. А. Батманова „Фонетическая система современного киргизского языка“, за которую ему была присуждена степень доктора филологических наук. Немалый интерес представляет серия статей И. А. Батманова по грамматике киргизского языка, которая, безусловно, послужит основой для дальнейшего углубленного исследования морфологии киргизского языка.

Однако все эти и другие работы в области изучения киргизского языка не могут удовлетворить возросших требований ни в количественном отношении, ни по своей научной глубине, ни, особенно, методологически. Дело в том, что почти все авторы, за исключением, быть может, только проф. К. К. Юдахина, в своих исследованиях исходили из лженаучных, немарксистских положений так называемого „нового учения о языке“ акад. Н. Я. Марра. Идеалистические по своей сущности и космополитические по своим практическим выводам формулы акад. Н. Я. Марра и его „учеников“ насчет языка, как надстройки, о классовом характере языков, о скачкообразном развитии языков путем взрыва, о так называемом беззвучном языке будущего и другие их домыслы и рассуждения мешали правильному развитию науки о языке. Все это в той или иной мере находило свое отражение не только в исследовательских трудах по киргизскому языку, но и в работах литераторов, историков, этнографов и др.

Поэтому отказ от ошибок Марра и, в связи с этим, пересмотр своих работ являются первоочередной задачей и необходимой предпосылкой для дальнейшего развития языкознания в Киргизии.

Величайший корифей науки Иосиф Виссарионович Сталин в своих гениальных трудах по вопросам языкознания с предельной ясностью и убедительностью вскрыл лженаучную и антимарксистскую сущность „нового учения о языке“, вооружил советскую науку сталинской методологией исследования, марксистским пониманием природы языка и тем самым открыл перед ней широчайшие перспективы как для разработки общих вопросов советского языкознания, так и для исследований конкретного языка.

Трудно найти научную проблему из основных разделов языкознания, которая не была бы в той или иной мере освещена в выступлениях И. В. Сталина. В основополагающих положениях величайшего мыслителя нашей эпохи нашли яркое освещение такие важнейшие вопросы, как „язык и мышление“, „язык и общество“, вопросы о специфике языка, о внутренних законах развития языка, о родстве языков, о сравнительно-историческом методе, о „социальных“ и „территориальных“ диалектах и другие. Трудно (в кратком сообщении) перечислить все задачи, непосредственно вытекающие из гениальных сталинских трудов, которые надлежит разрешить исследователям конкретного языка и, в частности, такого малоизученного языка, как киргизский.

В своем сообщении нам хотелось лишь коснуться некоторых неотложных вопросов из почти незатронутой области языковедения—лексикологии, важное значение которой впервые было указано в трудах И. В. Сталина.

Лексикологическая проблема в сталинских трудах получила новое освещение и подлинно марксистскую методологическую базу. Марровское гадание по так называемым четырем элементам уступило место подлинной науке.

„Основной словарный фонд“, наряду с „грамматическим строем языка“, составляют „основу языка, сущность его специфики“. Успешное исследование одной из этих сторон специфики языка обусловлено правильным пониманием природы языка, как общественного явления, действующего, как учит И. В. Сталин, за все время существования общества, „рождающегося и развивающегося с рождением и развитием общества“. Поэтому вполне естественно, что изучение лексики тесно и органически переплетается с историей образования и дальнейшего развития самого народа, которому принадлежит изучаемый язык.

Отсюда вопрос об основном словарном фонде, являющемся „продуктом ряда эпох“, и элементы которого „заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства“, находится в непосредственной связи с проблемой этногенеза киргизского народа. В разрешении этих проблем как нигде требуется объединенное усилие языковедов, историков, археологов и этнографов.

Две стороны по существу одной и той же проблемы об этногенезе и о принадлежности древнейшего пласта современного словарного фонда одному мощному племени или роду, язык которого оказался победителем во всех последующих скрещенных и развился до современного состояния, не имели под собой до сталинских выступлений правильной

методологической базы, не могли быть решены или решались неправильно.

Теперь эти вопросы в плане изучения последовательно-го процесса развития языков от родового к племенному, от племенного к народному и т. д. приобретают исключительное научное и практическое значение.

Трудность, вызванная отсутствием надежных и достаточно полных письменных памятников на киргизском языке до начала XX века, нам кажется, может быть в значительной мере облегчена широким привлечением фактов современных киргизами через многие века до наших дней родоплеменные названия, которые, к сожалению, все еще не уточнены и не обобщены нашими советскими историками и этнографами после ценных трудов русского ученого А. С. Аристова.¹

Кроме того, изучение этнического состава киргизского народа поможет осветить многие вопросы диалектологии как фонетического, так и в особенности лексического порядка.

В области лексикологии первоочередным является основной словарный фонд, который служит основой словарного состава, следовательно, всей лексики любого языка. Но и в самом основном фонде, как вытекает из сталинского указания, имеется главное звено—корневые слова, которые представляют собой ядро словарного фонда.

Отмеченные И. В. Сталиным „большая устойчивость и колоссальная сопротивляемость насильственной ассимиляции“, характерные для основного словарного фонда, наряду с грамматическим строем, в еще большей степени относятся к его ядру, корневым словам, в которых следует искать элементы древнейшего состояния языка. Этот древнейший, „скудный“ и „несложный“, словарный фонд отличался, надо полагать, тем, что слова обозначали наиболее конкретные, одинаково для всех членов общества важные, жизненно необходимые предметы и понятия. В этом отношении обращает на себя внимание характерный не только для киргизского языка факт, что предметы и понятия, составляющие постоянную и жизненную необходимость человека, выражаются несложными в звуковом отношении сло-

¹ А. С. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов. . . , Живая старина, вып. III-IV, 1894 г; он же, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей . . . , Живая старина, вып. III-IV, 1896.

вами: ср. *суу, сут, эт, жер, май, ит, чөн*; названия домашних животных: *кой, ат, уй*; названия частей человеческого тела: *баш, көз, тил, кол, бут*; ср. также 26 вспомогательных глаголов, из которых 23—односложные. В то же время названия неодамашенных животных и зверей оказываются более сложными: *тулку, харышкыр, или бору, коён, бугу, марал, кулжа, теке, кашкулах* и т. д.

Характерно также и то, что в семантическом отношении многие из односложных слов отличаются многозначностью, например, *баш, кой, ич* и др.

Язык,—как учит товарищ Сталин,—„...связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки“.¹ Почти безграничная сфера действия языка охватывала на протяжении всей истории общества все стороны деятельности человека, которая отражалась в самом языке и, в частности, в ядре словарного фонда. Поэтому не случайно, что даже в современном состоянии языка мы находим факты, по которым удастся восстанавливать детали древнейшей истории народа. Слово *тай*, как отмечено в словаре В. В. Радлова, в телеутском, лебединском, сагайском, алтайском и др. языках обозначает родственников по линии матери: деда, дядю, бабушку, тетку и ее мужа. В современном киргизском языке это слово самостоятельно не употребляется, но, скажем, в сочетании с глаголом *тааны* (признавай) передает значение „родственников“ без различия по отцовской или по материнской линии: *тайынды тааны*—признавай родственников. Это слово встречается, как указано в киргизско-русском словаре К. К. Юдахина, во всех терминах, состоящих из парных слов и обозначающих родство по материнской линии; например, *тай ата*—дед по матери; *тай эне*—бабушка по матери, *тай аке*—дядя по матери, *тай эже*—старшая или младшая сестра по матери, *тай жэне*—старшая родственница матери или жена старшего родственника по матери. Абсолютное же отсутствие этого слова в номенклатуре терминов родства по отцовской линии дает нам право подтвердить высказанное П. Потаповым в его „Очерках по истории алтайцев“ предположение, что „по происхождению своему этот термин означал, повидимому, вообще родню со стороны матери, т. е. членов материнского рода“.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 11.

С другой стороны, этот же факт проливает свет на процесс расчленения понятий и способы образования слов, что очень важно для изучения внутренних законов развития словарного фонда.

В связи с исследованием основного словарного фонда, как никогда, требует объяснения известная всем, но никем еще, к сожалению, не затронутая проблема родства тюркских языков. Интересно отметить при этом, что наблюдаемое лексическое сходжение идет главным образом за счет корневых слов, в то время как словарный состав в этом отношении мало характерен.

Территориальная близость, довольно подвижный кочевой образ жизни, какой вели почти все тюркоязычные народы вплоть до монгольского нашествия и значительно позднее, многовековые торговые и культурные связи, многочисленные почти непрерывные войны между ними, завершавшиеся в большинстве случаев пленением иноплеменных, иноязычных людей, многократные военные и политические союзы, считая только от известных нам усуньского и хуннского периодов (а сколько произошло не менее важных исторических событий до них!),—все это и многие другие факты, конечно, не проходили без следа и не могли не оказывать серьезного влияния на сходжение языков. Поэтому лексическое сходство следует объяснять не только этническим родством. В этой связи находится никем еще не опровергнутая и основанная на сообщениях китайских источников теория о происхождении енисейских киргизов от смешения тюркоязычного племени монгольского типа с динлинами, с иным языком и антропологическим типом.

Возникает, таким образом, вопрос о лексических взаимоотношениях и взаимодействиях, происходивших на протяжении всей истории киргизов, в особенности в такие ее значительные периоды, как неоднократное завоевание со стороны Китая, согдийская колонизация, арабское и монгольское нашествия, господство дзунгаров, которые оставили в той или иной мере свои следы в лексике. Поэтому представляется более целесообразным, с точки зрения исторической последовательности, в основном словарном фонде выделить путем сравнительного анализа такие пласты, как манджуро-китайские элементы, монгольские, ирано-арабские пласты и дореволюционное заимствование из русского языка. Заимствования происходили и между родственными народами. Например, киргизский язык заимствовал через узбекский язык не только слова ирано-арабского происхождения, но и узбекские слова. Слово *кишлак* воспринято в форме *кыштак*. Об узбекском проис-

хождения этого слова свидетельствует не только грамматическая его форма, но и исторический фактор: узбеки осели на несколько веков раньше, чем киргизы.

Прослеживание в каждом пласте таких вопросов — время и каналы заимствования, отрасль или сфера хозяйства, быт и культура, объем заимствования, морфологическая характеристика заимствованных слов и т. д.—должно способствовать раскрытию закономерности развития накопленного в течение веков основного словарного фонда.

В сталинском учении о языке даны ясные указания и по вопросам исследования словарного состава, оказывающегося „наиболее чувствительным к изменениям“, находящегося „в состоянии почти непрерывного изменения“. „Однако,—учит товарищ Сталин,—словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.“¹ Поэтому историю словарного состава невозможно понять без тесной связи, без сопоставления лексики с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей мировоззрения народа—творца и хранителя изучаемого языка. Необходимо знать не только историю изучаемого языка данного народа, но и историю материальной и духовной культуры других народов, так или иначе соприкасавшихся и взаимно оказывавших политическое, экономическое и культурное влияние, не говоря уже о родственных этнически и по языку народах. Так, происхождение и изменение значений таких, например, терминов, входящих в киргизский словарный состав, как *дыйкан*, *чайрыкер*, *сарай*, *устат* и многих других, невозможно понять без знания истории узбекского и таджикского народов. Причем обращает на себя внимание изменение значения такого термина, как *дыйкан*, который до средних веков в Средней Азии обозначал аристократов, крупных землевладельцев, в то время как в современном киргизском, узбекском и других языках этот термин употребляется в значении крестьянина вообще.

Нельзя забывать и того обстоятельства, что лексические заимствования и взаимовлияния между среднеазиатскими народами происходят и в наши дни.

Выше речь шла о фактах прошлой истории, которую нужно знать, чтобы лучше и полнее понять настоящее.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 25.

А в настоящей, современной нам истории киргизского народа, всего лишь за тридцать лет советского строя во всех без исключения областях жизни народа произошел такой прогресс, который в иных условиях невозможен за многие века. Смена экономического строя, включая коллективизацию и оседание бывших кочевников; коренное переустройство старых и создание многочисленных новых отраслей промышленности и сельского хозяйства; политическое объединение бывших разрозненных племен и появление разветвленной сети государственных, культурно-политических и других учреждений с привлечением к управлению широких слоев населения; расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры; появление новых многочисленных отраслей культуры, искусства и науки, ставших достоянием всего народа, и многие другие факторы, перечисление которых составило бы целую книгу, превратили киргизский народ в цветущую социалистическую нацию, стоящую в одном ряду с другими нациями, имеющими многовековую историю духовной и материальной культуры.

Происшедшие в жизни народа эти коренные перемены внесли, в свою очередь, грандиозные изменения в наиболее чувствительную часть языка—в его словарный состав, при сохранении его грамматического строя и основного словарного фонда, которые почти не подверглись изменениям. В этом можно видеть наглядное подтверждение гениальных сталинских положений об устойчивости главных элементов языка. Не понадобилось коренной ломки основного словарного фонда и грамматического строя языка, так как они, совершенствуясь, вполне удовлетворяют предъявляемым к языку требованиям—быть средством общения членов нового социалистического общества. Подтверждением этого служат переводы на киргизский язык гениальных творений классиков марксизма-ленинизма, переводы научной литературы, создание на родном языке диссертационных работ по различным отраслям современной науки и создание художественных произведений, в числе которых имеются удостоенные Сталинской премии.

Во всем этом, конечно, нельзя не видеть ведущей роли обогащения словарного состава, без чего невозможно было бы выразить многочисленные новые понятия.

Поэтому исследование небывалого по темпам в истории языков процесса обогащения словарного состава, постепенного накопления словарного фонда и совершенствования правил грамматики именно на данном этапе развития языка представляется наиболее важным и актуальным для советского языкознания.

В условиях непрерывного притока новых понятий язык мобилизует все свои внутренние ресурсы для их звукового выражения. Появление понятия „птицеводство“ и организация „птицеводческих ферм“, несмотря на отсутствие в языке родового наименования птицы, вызвало необходимость его выражения: например, *куш фермасы*, хотя *куш* обозначает род хищных птиц, или *канаттуу фермасы*, хотя *канаттуу* (крылатыми) можно считать и мух, и ос и других насекомых.

В словотворческом процессе наблюдается перенос значения: например, слово *уюл* (завиток на макушке головы человека или лошади) употребляется и в значении полюс (северный полюс—*тундук уюл*). Словом *ок*—обозначаются и стрела, и пуля, и снаряд.

Наряду с образованием новых слов на базе наличного языкового материала в языке широко применяются заимствования, которые стали, надо сказать, главным источником пополнения словарного состава. Поэтому исследование словарного состава современного киргизского языка невозможно без всестороннего изучения этого источника, остающегося, к сожалению, до сих пор вне внимания исследователей.

В разработке проблемы заимствования должны быть освещены следующие разделы.

1. Сферы заимствования, то есть к каким отраслям производства, культуры, быта и науки они относятся. Это даст возможность определить степень культурного и экономического взаимоотношения народов, раскроет картину колоссальных преобразований в жизни народов Советского Союза.

2. Формы заимствуемых слов и способы их освоения и восприятия, принимая во внимание префиксально-суффиксальные формы заимствуемых слов.

3. Заимствование сложных слов и выражений.

4. Неполные по форме заимствования, например, машиностроение—*машина куруу* или *жасоо*, переквалификация—*кайтадан квалификациялануу*.

5. Неполные заимствования значений, например, глагол переключить заимствован в значении переключить электрический ток—*токтору* *эт* или *кыл*, но глагол переключить в значении переключить внимание не заимствован.

6. Подчинение заимствованных слов грамматическим законам заимствуемого языка.

7. Связь лексического заимствования с фонетическим, имевшая место в прошлой истории ряда среднеазиатских

народов и наблюдаемая в киргизском языке в наши дни, например, заимствование фонем *ф, х, в, ц* и других у русского языка.

8. Не менее важным представляется изучение степени заимствования слов различными слоями населения.

Необходимо предостеречь от возможных ошибок при изучении истории заимствования. Наличие заимствованного слова не всегда является свидетельством отсутствия обозначенного этим словом понятия в заимствовавшем языке. Так, арабское слово *умут* (надежда) заимствовано киргизами и вошло в словарный фонд, хотя в киргизском языке живет слово *кудер*, имеющее то же значение.

Без разрешения проблемы заимствования нельзя раскрыть закономерности развития словарного состава, неизменно выросшего под благотворным влиянием самой передовой в мире русской культуры и русского языка.

В словарном составе языка происходят и другие изменения, исследование которых также важно для науки. Нужно иметь в виду процесс отмирания некоторых отживающих понятий и слов их обозначающих; например, термины старого 12-месячного животного цикла (*коён жылы, уй жылы, чоогкон жылы* и т. п.), старые меры длины (*сере*—ширина четырех пальцев, *чаыкрым*—расстояние, на которое долетает звук человеческого голоса), некоторые названия старых орудий труда и оружия (*ай-балта, чоюн-баш, буурусун* и т. д.).

Существенным представляется исследование внутренних закономерностей развития основного словарного фонда.

С этой точки зрения привлекают внимание наблюдаемые изменения даже в корневых словах, которые, повидимому, произошли в течение веков. Еще в VI веке енисейские киргизы называли своих начальников, старших, как свидетельствует китайская история по Иакинфу Бичурину, термином *ажо*, который дожил до наших дней благодаря тому, что вошел в устойчивые словосочетания: *ай деген ажа жок, кой деген кожо жок*. Первоначальное значение его, однако, настолько стерлось, что о нем можно лишь догадываться. Причина живучести, устойчивости таких слов пока еще загадочна.

Корневые слова обладают исключительной притягательностью: даже заимствованные слова переосмысливаются как корневые и подчиняются словопроизводным законам языка. Однако инородность заимствований все же обнаруживается. Так, киргизское корневое слово *бас*—давать, ступать, печатать и т. д. образует 34 производных, в то время как *бас* иранского происхождения (от *пас*—низ, низ-

кий) дает лишь 5 производных слов; киргизское корневое *ак*—белый образует до 15 производных, а *ак*—истина (арабского происхождения)—только два производных слова.

„Главное в словарном составе языка, — пишет И. В. Сталин, — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро“.¹ Следовательно, в основной словарный фонд входит, кроме корневых слов, и много производных. К ним прежде всего, повидимому, относятся слова исторически производные и поэтому вполне разложимые на морфологические элементы, но на современном этапе воспринимаемые как непроемные. Например, *кийим*—одежда—от глагола *кий*; *муздак*—холодно, холодный—от *муз*—лёд; *тайгак*—скользящий—от глагола *тай*—скользить и т. п.

Проследивание и анализ встречающихся в подобных словах аффиксов, ныне мертвых, но когда-то вполне продуктивных, помогут раскрыть словопроизводные возможности в разные периоды истории языка, увидеть историческую изменчивость способов словообразования, помогут установить внутренние законы развития лексики, действующие и в настоящее время.

Расширение основного фонда может происходить, оказывается, не только с помощью словообразовательных, но и словоизменяющих аффиксов. Однако для этого грамматическое значение аффикса должно модифицироваться или исчезать: например, *башта*—раньше, прежде, из *баш*+аффикс местного падежа *та*; *баштан*—сначала=*баш*+аффикс местного падежа *та*+аффикс исходного падежа *тан* и т. д.

Такие синтаксические приемы, как словосложение (парные слова), идиомы и устойчивые фразеологические обороты, также являются продуктивными способами пополнения как основного словарного фонда, так и словарного состава. Для иллюстрации достаточно привести пример со словом *коз*, с участием которого образуются 19 идиоматических выражений, более 10 устойчивых фразеологических оборотов и 5 сложных слов: 1. *көзмө көз*—лично (дословно с глазу на глаз); 2. *көз караш*—точка зрения, взгляд; 3. *ач көз*—жадный, завистливый; 4. *көз акы*—право получения доли; 5. *балык көз*—блестка.

Отмеченные тюркологами устойчивость и общенародность этих типов образования слов и выражений позволяют отнести их к основному словарному фонду.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 23.

Исследование всех этих вопросов поможет нам раскрыть закономерность развития основного словарного фонда и словарного состава и в результате установить границы между ними.

Пока лишь можно констатировать, что то или иное слово для того, чтобы попасть в основной словарный фонд языка, должно быть **общенародным**.

Трудно перечислить все те задачи, которые встают перед исследователями киргизского языка в связи с гениальными трудами И. В. Сталина по языкознанию.

Когда речь идет об исследовании лексики языка, нельзя не обратить внимания на взаимосвязь словарного состава и грамматики. И. В. Сталин учит, что „...словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер“.¹

Основной словарный фонд, прежде всего его ядро—корневые слова поступают, как строительный материал, в распоряжение грамматики и подчиняются во всем ее законам.

По этим внутренним законам языка идет дальнейшее расширение и обогащение самого словарного фонда и словарного состава. По этим же законам происходит взаимопереход из фонда в состав и наоборот.

Однако регулируемые внутренними законами грамматики взаимообмен и взаимопроникновение наблюдаются не только между словарным фондом и словарным составом. Взаимосвязь существует с момента зарождения языка и между грамматикой и словарным фондом. Здесь сказывается абстрагирующая черта грамматики, создающая „правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности“.² Лишенные конкретности слова в грамматическом строе речи находятся между собой в определенных отношениях, выполняя соответствующие им функции. Некоторые в течение веков повторяющиеся в определенной функции слова выделяются из словарного фонда и переходят к обслуживанию других слов. Так, видимо, возникли в тюркских языках категории слов, по терминологии проф. Н. К. Дмитриева, лексемато-морфемы и морфемы, в то время как большинство слов сохранило за собою лексическую значимость.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 23.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 24.

Можно предположить, что длительному, многовековому употреблению и отшлифовке могли быть подвергнуты лишь корневые слова, и поэтому не случайно, что они превратились уже и отчасти превращаются на наших глазах в служебные слова. Все вспомогательные глаголы, не говоря уже о превратившихся в аффиксы, принадлежат к основному словарному фонду.

Таким образом, когда-то в глубокой древности самостоятельное корневое слово, благодаря абстрагирующей и регулирующей роли грамматики, в течение длительного времени настолько отшлифовывается, что превращается в морфологический формант. Корневое же слово становится грамматическим элементом: *бар—а—т*, где *т* от *тур*, *бара жатат*→*баратат*.

Получается, что словарный состав языка поступает, как строительный материал, в распоряжение грамматики, которая, в свою очередь, вырабатывает для этого материала грамматические элементы.

Вот почему, нам кажется, исследование основного словарного фонда было бы неполноценным, если бы оно велось в отрыве от грамматики, обуславливающей закономерность развития словарного фонда и словарного состава не только киргизского и не только тюркских языков.

К. УБАЙДУЛЛАЕВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРУДОВ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ

Под руководством партии Ленина—Сталина, с помощью великого русского народа, благодаря заботе великого вождя товарища Сталина, возрожденный каракалпакский народ достиг больших успехов во всех областях социалистического строительства и культуры. Построены новые города, выросли новые промышленные предприятия, изменились до неузнаваемости аулы, в корне перестроилось сельское хозяйство, быстро развивается культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Все эти достижения имеют место благодаря правильной ленинско-сталинской национальной политике, благодаря заботам Советского правительства и лично товарища Сталина.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед народами Советского Союза широкие творческие перспективы и поставила перед ними ряд важнейших задач. Среди этих задач важное место занимает изучение родного языка.

„До сих пор,—указывает товарищ Сталин,—дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных... Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие“.¹

За годы советской власти каракалпакский народ превратил свою страну в культурную социалистическую республику. С развитием техники, науки и культуры словарный

состав каракалпакского языка пополнился многими новыми словами, такими как *колхоз, совхоз, трактор, отечество, родина, печать, колхозник, тракторист, совет, герой, писатель, актив* и другие.

И. В. Сталин в своем замечательном труде „Марксизм и вопросы языкознания“ писал: „Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой ответственности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов“.¹

Так происходило и в каракалпакском языке. Отдельные слова получили новое смысловое значение, как, например, *дихан, бай, минет, кудиретли*.

Раньше словом *бай* называли человека, имеющего крупную собственность, эксплуатирующего чужой труд. Сейчас *бай колхоз* обозначает богатый колхоз, т. е. слово *бай* дает совершенно иное понятие. Словом *дихан* называли человека, который трудится для другого, а сейчас под этим словом мы понимаем человека, который хорошо знает крестьянское дело и собирает богатые урожаи с колхозных полей.

Слово *кудиретли* имело религиозное значение. Сейчас *кудиретли* значит—могучий: *кудиретли совет мамлекети*—могучее советское государство.

Некоторые слова, такие, как *ылгаллы, тепериш, жапакес* и другие, совершенно вышли из словарного состава каракалпакского языка.

До Октябрьской революции каракалпакский язык был очень мало изучен. Начало изучению и исследованию каракалпакского языка положили член-корреспондент Академии Наук СССР Сергей Ефимович Малов, доктор филологических наук Николай Александрович Баскаков. Начиная с 1926 года под руководством Н. А. Баскакова и А. С. Морозовой группа языковедов исследовала язык районов Чимбая, Кара-узьяка. В 1930 году С. Е. Малов исследовал каракалпакский язык ряда других районов. В 1930 году Н. А. Баскаков, А. С. Морозова и Т. Бекимбетов с целью исследования каракалпакского языка посетили районы Муйнак и Кунград (местность Сургуль). В 1932 году Сафиев И.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 139.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 6.

Дарибаев исследовали язык района Тахта-купыра. В результате появились работа проф. С. Е. Малова „Фонетика каракалпакского языка“ в 1931 году, а через год—работа проф. Н. А. Баскакова—„Краткая грамматика каракалпакского языка“. В Кара-Калпакии были организованы исследовательские учреждения, в которых воспитывались национальные научные кадры.

В результате исследовательской работы тт. Малова и Баскакова по изучению каракалпакского языка и литературы, коллективом (К. Аимбетов, Б. Ергалиев) была издана книга „Учебник каракалпакского языка“ („Тил сабақлыгы“). Этот учебник лег в основу изучения каракалпакской грамматики. Грамматические термины этого учебника употребляются и до настоящего времени.

Алфавит каракалпакского языка в 1928 году был составлен на основе латинской графики и имел 32 буквы, причем прописные буквы в нем отсутствовали.

Созданная в 1932 году орфография каракалпакского языка была пересмотрена в 1938 году. Проект Аимбетова, Давкараева и Убайдуллаева был принят конференцией и узаконен постановлением Президиума Верховного Совета КК АССР. Однако латинский алфавит не мог обеспечить дальнейшего бурного роста и расцвета каракалпакского языка. Он не отвечал возросшим его требованиям. В связи с этим на повестку дня был выдвинут вопрос о переводе каракалпакской письменности на алфавит, построенный на основе русской графики.

Создание нового алфавита явилось огромнейшим культурным событием, новым этапом в истории развития каракалпакского литературного языка. Новый алфавит дал возможность правильно писать те слова, которые появились в каракалпакском языке с развитием социалистического производства, науки и техники; облегчилось изучение братского русского языка, что приблизило каракалпаков к самой передовой культуре великого русского народа.

Переводы на каракалпакский язык произведений классиков марксизма-ленинизма, художественных произведений классиков русской литературы, выход русско-каракалпакского словаря под редакцией проф. Н. А. Баскакова, словарей по физике, математике, ботанике и другим наукам—все это явилось могучим стимулом для обогащения и дальнейшего развития словарного состава каракалпакского языка. Но словарный состав, как учит И. В. Сталин, нужно отличать от основного словарного фонда.

Главное в словарном составе языка—основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Сло-

варный фонд менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго и дает языку базу для образования новых слов. Такими словами в каракалпакском языке являются слова *таслақ, кундиз, қолтық, отын, отақ*, образованные от корней *тас, кун, қол, от*.

В „Кратком курсе современного каракалпакского языка“ доц. А. Кдырбаев делит словарный состав и основной фонд каракалпакского языка следующим образом: слова *қалуен, нарете, емек, жанай, ауқам, шолкем, турнайы, кше, ауш*—исконно каракалпакские, а слова *бала, қыз, аз, коп, ай, кун, жер, қол, қзыл, қара*—общие для всех языков тюркской семьи; слова *мектеп, ктай, бақа, кеселхана*—заимствованы из арабского и персидского языков: *печь, суд, самаурын, гербиш, совет, колхоз, совхоз, тракторшы, самолет, стахановшы, колхозшы, рабочий, ударник*—основы слов заимствованы из русского языка.

Товарищ Сталин так характеризует словарный состав языка: „Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“.¹

На основании этого можно сказать, что слова *колхоз, совхоз, трактор, самолет, стахановшы, ударник, бесжылык, колхозшы, тракторшы, бригадир, звено* и другие, появившиеся в результате развития социалистического производства, сельского хозяйства, техники, науки, прочно вошли в словарный состав каракалпакского языка.

В настоящее время в программах вузов и педучилищ, а также в учебниках по языку имеется ряд недостатков.

Учебники Кдырбаева „Грамматика каракалпакского языка“ (фонетика и морфология), Давкараева „Синтаксис каракалпакского языка“, программа по каракалпакскому языку для семилетних школ, составленная Кдырбаевым, „Краткий курс современного каракалпакского языка“ Кдырбаева необходимо переработать в соответствии с основными положениями И. В. Сталина о языке.

Труды И. В. Сталина вооружают нас марксистским пониманием основных вопросов языкознания, они предъявляют нам определенные требования—в самые кратчайшие сроки перестроить всю работу по изучению каракалпакского языка. В связи с этим необходимо:

1) глубже изучить работы товарища Сталина по вопро-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 11.

сам языкознания, внимательно исследовать основной словарный фонд и словарный состав каракалпакского языка;

2) пересмотреть орфографию каракалпакского языка, уточнить и дополнить ее;

3) создать терминологические словари по основным отраслям науки;

4) создать толковый словарь каракалпакского языка;

5) усилить работы по изучению говоров и диалектов каракалпакского языка;

6) пересмотреть программы по каракалпакскому языку для семилетних и средних школ, исправить грамматику для этих школ и вновь пересоставить учебники каракалпакского языка для вузов.

Так в общих чертах выглядит перечень тех первоочередных задач, которые стоят перед языковедами Кара-Калпакии.

Научные работники и преподаватели Кара-Калпакии приложат все силы для того, чтобы успешно справиться с поставленными перед ними задачами.

Н. А. БАСКАКОВ

СОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания являются выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Вскрыв антимарксистскую сущность и всю порочность „нового учения о языке“, И. В. Сталин поставил перед советскими языковедами ряд актуальнейших проблем как в части изучения грамматического строя языка, так и в области исследования его лексического богатства. Исключительное значение имеет всестороннее изучение внутренних законов развития каждого конкретного национального языка в отдельности. В этом отношении не составляет исключения и каракалпакский язык, который до сих пор остается еще мало изученным.

Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка выдвигает на очередь дня детальное изучение лексического состава и способов словообразования. „...все слова, имеющиеся в языке, — говорит И. В. Сталин, — составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов“¹ И дальше: „Однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет ещё языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 23. Подчеркнуто нами, Н. Б.)

здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер".¹

В свете этих сталинских указаний изучение вопросов словообразования в различных языках приобретает особо важное значение.

В современных языках тюркской системы, в том числе и в каракалпакском языке, следует различать две группы глаголов, образованных синтаксическим способом словообразования:

- а) составные глаголы, состоящие из имени или именной формы глагола + вспомогательный глагол или связка, и
- б) сложные глаголы, состоящие из деепричастия основного глагола и вспомогательного глагола.

Как в том, так и в другом случае семантически более значимым является препозиционный элемент, вспомогательный же глагол, в зависимости от каждого конкретного составного или сложного глагола, или теряет полностью свое знаменательное значение и превращается в грамматический формант — связку, или же утрачивает знаменательное значение частично и превращается в служебное слово с неполной знаменательной семантикой.

К разряду составных глаголов в каракалпакском языке относятся глаголы, состоящие:

- а) из имени и глаголов-связок *ды* /|*дыр* < *тур* — „быть“ (< „стоять, жить“); и *е* — < *ер* — /| *ир* — „быть“²;
- б) из имени и глагола *бол* —, образующие основы переходных глаголов, и из имени и глагола *кыл* — или *ет* — „делать“, образующие основу переходных глаголов;
- в) из имени и различных вспомогательных глаголов, образующих, в зависимости от семантики вспомогательного глагола, и переходные и, переходные глаголы.

Первая группа может быть отнесена к составным глаголам в значительной мере только по своему происхождению,

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 23

² Все примеры в статье даны из фольклорных записей автора в фонетической транскрипции на основе русского алфавита; из условных обозначений укажем на следующие соответствия международной транскрипции, гласные: *ё* — *ё*, *ю* — *й*, *я* — *о*; согласные: — *х* — *h*, *хэ* — *х*, *кэ* — *q*, *гэ* — *γ*, *дж* — *dz*, а также на условные сокращения ЮЗ — юго-западный диалект, СВ — северо-восточный диалект каракалпакского языка.

так как в современном языке в процессе дальнейшего развития семантики и формы вспомогательный глагол подвергся дальнейшему процессу грамматикализации и превратился в качественно иную форму — связку, редуцируясь соответствующим образом и фонетически.

Составные глаголы второй группы в современном каракалпакском языке занимают среднее положение в процессе семантического и грамматического развития и также уже не сохранили следов синтаксических отношений между именем и вспомогательным глаголом, образуя как бы единое лексическое целое, где вспомогательный глагол имеет только отвлеченное грамматическое значение.

Что же касается составных глаголов последней, третьей группы, то элементы последних, обозначая единое лексическое целое, вместе с тем сохраняют также логические и формальные отношения между собою, как:

- а) подлежащего и сказуемого;
- б) прямого дополнения и сказуемого;
- в) косвенного дополнения или обстоятельства и сказуемого.

1. Глагольные образования, исторически восходящие к составным глаголам

Эту группу составляют семантически глагольные образования, состоящие из сочетаний имени с одной из связок, к которым в широком значении этой категории относятся следующие:

1. Связки, восходящие к причастной форме глагола *тур* — „стоять, жить“:

ды || *ты* ; *дыр* ;
ди || *ти* ; *дир* ; *тыр* || *дур* || *тур* ; *туруп*.

Все эти варианты связки, кроме последнего, представляя собой стяженные формы и происходят от полной формы *тур-ур*, состоящей из основы глагола *тур* — „стоять, жить“ и аффикса причастия будущего времени, и употребляются в современном языке в сочетании с именами, образуя сочетание имени со связкой, которое исторически восходит к составному глаголу, состоящему из имени и вспомогательного глагола *тур* — „стоять“ в значении „быть, существовать“. Правда, в современном языке это сочетание является пережитком и не служит уже основой глагола, а употребляется, как это видно из формы причастия на —*ыр* —*ур* в застывшей форме третьего лица, образуя форму —*ир* —*юр*

утверждения или бытия спрягаемого имени, соответствующую сочетанию русского имени и вспомогательного глагола *есть*, с особым, однако, для каракалпакского языка модальным оттенком аудитивного отношения к данному утверждению, делающемуся на основании сведений, полученных по слухам, напр.:

ат жажъшысы жавмыт ты, тон жажъшысы мавут ты— „лучшая из лошадей (говорят)—йомудская, а лучшая из шуб (говорят) суконная“;

адамгъа ахъыл керек дур хър джерде болсанъ— „человеку (говорят) ум нужен, где бы он (букв. ты) ни был“;

бир кăсăда еки тюрлю сув турур (мăйек)— „в одной чашке—(говорят) две различные воды (яйцо)“.

Таким образом, сочетание имени со связкой *ды* < *турур* на различных стадиях его фонетического развития в современном языке сохранилось только как пережиток словообразовательной формы составного глагола.

2. Связки, образованные от недостаточного глагола *е*— < *ер*—// *ир*— „быть“.

Недостаточный глагол *е*—, как указывает и само название глагола, имеет неполную систему словообразования и используется в каракалпакском языке в качестве связки с различными, в зависимости от его формы словообразования, модальными оттенками.

Глагол *е*—, как вспомогательный в составных глаголах, используется в следующих формах:

а) *е*+*кен*, т. е. в форме причастия на *—гъан* / *—ген* с модальным оттенком констатации наличия данного предмета или факта действия постфактум, т. е. обнаружения данного предмета или факта действия после того, как появление данного предмета или действия совершилось или совершается, напр.:

ол бала екен— „он, оказывается,—ребенок“;

бир адамнынъ юш баласы бар екен— „оказывается, что у некоего человека было три сына“;

Таким образом, сочетание имен или именных форм со связкой *е-кен* восходит к причастию прошедшего времени от составного глагола, напр., *бала е*— „быть ребенком“.

б) *е*+*ди*, т. е. в спрягаемой форме на *—ды* (< *—дыкъ* / *—дигъ*), образуя вместе с именем сочетание со связкой в прошедшем времени, напр., *ол бала еди*— „он был ребенком“, также исторически восходит к составному глаголу, состоящему из имени и глагола. В современном языке, од-

нако, сочетания имени со связкой *е-ди* осознаются как спрягаемые основы имен со связкой прошедшего времени, а сочетания некоторых именных форм глагола со связкой

е-ди, напр., с формами на *—гъан* / *—ген*: *баргъан еди*— „он ходил“, как синтетические спрягаемые основы данного глагола в прежде-прошедшем времени.

Итак, сочетания имен со связкой *е-ди* также исторически восходят к форме прошедшего времени составного глагола, напр., *бала е*— „быть ребенком“, или *баргъан е*— „быть ушедшим“ и проч.

Примеры: *къарры бѣз токъувчы адам еди*— „старик был человеком, занимающимся тканьем холста“;

атадан тувгъан алтав едик, ёле-ёле жетев болдыкъ— „нас было шестеро, родившихся от отца, но мы поумирили и стало нас семеро“;

в) *е-мес*, т. е. в спрягаемой отрицательной форме причастия будущего времени на *—мас* / *—мес*. Вместе с этой формой

имена образуют сочетания с отрицательной связкой, соответствующие русским сочетаниям со связкой *не есть*, напр.: *ол бала емес*— „он не (есть) ребенок“.

Эти сочетания имен со связкой *е-мес* также исторически восходят к отрицательной форме причастия будущего времени от составного глагола *бала е*— „быть ребенком“.

Примеры: *байлыкъ мырат емес, жокълыкъ уйат емес*— „богатство не (есть) цель, бедность не (есть) стыд“;

балыкъшы—балыгъым еркек те емес, ургъашы да емес, акъта деп джаван къайтарды— „моя рыба ни самец, ни самка, а мерин,—ответил рыбак“.

Таким образом, от недостаточного глагола образуются три связки с модальным значением: *е-кен*, *е-ди* и *е-мес*, которые в сочетании с именем исторически представляют собой отдельные формы составного глагола, состоящего из имени и вспомогательного глагола *е*—. Реже, и главным образом в ЮЗ диалекте, к формам этого глагола можно также отнести:

а) формы *е-миш* // *и-миш*, состоящие из основы *е*— и продуктивного в огузских языках аффикса причастия прошедшего времени—*миш* //—*миш*, которые для каракалпакского языка в целом не являются характерными и, как правило, превратились уже в аффикс

—мыс / *—мис*, и

б) форму *е-се*, т. е. условную форму, которая в каракалпакском языке, как правило, замещается формой *бол*+

са, хотя в некоторых застывших формах встречается и в форме *е-се*, ср., напр., *нәрсе*—„вещь. что?“ (< *не ер-се*).

Итак, особенностями недостаточного глагола *е*—являются: а) наличие ограниченного количества грамматических форм этого глагола в виде именных образований: *е-кен*, *е-ди*, *е-мес*, и непродуктивных, встречающихся sporadически только в ЮЗ диалекте, *е-миш* и *е-се*; б) отсутствие самостоятельного значения этого глагола и превращение указанных выше его форм в служебные грамматические частицы—связки.

3. Связка *түвел* // ЮЗ *түги*—„не есть только“, напр.: *сен түвел Кэутлумырат бийдинъ кэара аты жаланъаш тур*—„не только твоя, но и вороная лошадь Кутлумурата не оседлана“.

Связка *түвел* // ЮЗ *түги* является общей по корню с *түвел*—„целый“ и происходит, повидимому, от основы глагола *түге*—„кончаться“ (ср. ново-уйг. *түгә*—„кончаться“), причем семантически *түвел* (*түгел*)—„целый, весь“ и *түге*—„кончаться“ соотнесены между собой так же, как *пютюн* // *бютюн* // *пюткюл*—„весь целый“ с глаголом *бют*—„кончать, кончаться“.¹

Таким образом, исторически сочетание имени со связкой *түвел* // *түги* также восходит к структуре составных глаголов.

Все перечисленные выше сочетания имен со связками только исторически могут быть возведены к структуре составных глаголов, т. к. в современном языке они имеют уже принципиально иную семантику и грамматическую форму и представляют собой только результат развития данного способа синтаксического словообразования.

2. Составные глаголы из имени и вспомогательных глаголов с отвлеченным значением

Во вторую группу входят составные глаголы, состоящие из имени и вспомогательного глагола—связки с полным словообразованием и словоизменением. К данной группе относятся два типа составных глаголов, противоположные по своему значению:

а) глаголы, состоящие из имени и вспомогательного глагола *бол*—„быть“, который придает составному глаголу семантику непереходности действия;

¹ Впрочем, существуют и другие этимологии для данной связки, ср. спец. статью J. Deny, *Türkçede „ler“ edatının menşei*, *üçüncü Türk Dil Kurultayı*, İstanbul, 1937, а также А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, М.—Л. 1949, стр. 49.

б) глаголы, состоящие из имени и вспомогательного глагола *ет*—или *кыыл*—„делать“ в значении переходных глаголов.

Все составные глаголы этой группы, как нормальные глагольные основы, имеют полную систему форм словообразования и словоизменения точно так же, как обычные глаголы.

В составных глаголах имя и вспомогательный глагол *бол*—„быть“ не сохранили пережитков синтаксических отношений, хотя глагол *бол*—„быть“, как самостоятельный, также употребляется в каракалпакском языке, ср. напр.: *соннан сонъ узакъта бир той болды*—„затем где-то далеко был пир“, где глагол *болды* имеет самостоятельное значение и выражает сказуемое в данном предложении;

тиси шыккъан балагъа шайнап берген тамакъ болмайды—„детям, у которых прорезались зубы, не годится пережеванная пища“, где сказуемое выражено самостоятельным глаголом в отрицательной форме третьего лица настоящего будущего времени—*болмайды*.

Что же касается составных глаголов с вспомогательными глаголами *ет*—„делать“ или *кыыл*—„делать“, то обычно, но не всегда, составные их элементы—имя и глагол по отношению друг к другу сохраняют логически синтаксическую связь прямого дополнения и сказуемого, хотя вместе с тем, являясь в целом сочетании переходными глаголами, требуют вместе с тем грамматического прямого объекта, ср., напр., *соны сонъ мен бир йе(р)ге кетип бир балдызым бар еди, сол мени адам кылып жиберер деп соны изледим*—„затем я отправился в одно место, у меня была свояченица, в надежде, что она меня превратит (букв. сделает) в человека, вот ее то я и искал“; где глагол *адам кыыл*—управляет винительным падежом *мени*—„меня“.

Вспомогательные глаголы в составных *бол*—„быть“ и *кыыл*—*ет*—„делать“ противопоставляются друг другу и служат как бы признаками: первый—непереходного глагола, напр., *тайын бол*—„быть обеспеченным, обеспечить“, а второй—переходного, напр., *тайын ет*—или *кыыл*—„обеспечивать“.

1. Составные глаголы с вспомогательным глаголом *бол*—„быть, стать, становиться“:

а) именная часть выражена именем существительным, образует глаголы с семантикой быть, становиться кем-либо или чем-либо, напр.:

Мюйтен деген кылыкълар—„так называемые Мюйтенны являются народом“;

бир тюлю менен сары шымлык дос болады—„какая-то лиса с воробьем стали друзьями“

бар болса айтып бер—деди—„если есть, то скажи,—сказал он“;

онда магъан кемпир боласанъ-ба?—деп сораиди „тогда не будешь ли моей матерью?“—спросил он“;

б) именная часть выражена производным именем, образует глаголы в том же значении, напр.:

пайдасыз болса байдан без, панасыз болса ойдан без—„если бесполезно, то откажись от богатства, а если без кровли, то откажись от низины“;

в) именная часть выражена именем прилагательным, указывает на семантику „быть, стать определенного качества“, напр.:

къош, аман бол къарындаслар—„до свидания, будьте здоровы, братья“;

Темирбек жатып аш болады—„Темирбек лежал и проголодался“;

полаттан да къатты бол—„будь крепче стали“;

г) именная часть выражена наречием, напр.:

къан кеп болса, жав кеп болады, бий кеп болса, дав кеп болады—„если много ханов, то много и войн, а если много судей, то много и сутяжничества“;

д) именная часть выражена именем числительным, образует глаголы с семантикой „быть, становиться в количестве...“, напр.:

тогъыз болды он болды, токъван болды джюз болды—„было девять, стало десять, было девяносто, стало сто“;

е) именная часть выражена местоимением, напр.: сиз—сиз бол—„быть на Вы“;

ол болалардан сорады: сенлер мундай болып неге турасынъ?—деди „он спросил у детей: вы что стоите таким образом?“;

ж) именная часть выражена именной формой глагола:

1) причастием будущего времени на ^{—ар}_{—ер}, которое в сочетании с глаголом бол—образует глагол с семантикой „вздумать, намереваться, решать, быть обязанным произвести действие“, напр.:

сугъа салгъан къабакътай къалкъар болур, келиншек—„он должен всплыть как (пустая) тыква, брошенная в воду, невестка“;

мен берер болдым—„я должен, я обязан дать“;

бурылып босагъада турар болсанъ ийесинънинъ кевни не келер кәдик—„а если повернешься и вздумаешь стоять на пороге, то твоему мужу будет подозрительно“;

2) причастием настоящего-будущего времени на—*атугъун* с той же семантикой, напр.:

бир вакълары къойды сайатугъун болгъан—„однажды он решил зарезать барана“;

бир кисиге балыкъты астырып екеви джейтун болды—„они попросили кого-то приготовить рыбу и решили оба покушать“;

екеви джоллас болуп бир къалагъа баратугъун болды—„оба стали друзьями и оба решили отправиться в один город“;

3) именем действия на ^{—макъ}_{—мек} и именем действующего лица на ^{—макъ—шы}_{—мек —ши}, ^{—увшы}_{—ювши}, напр.: юшөви авкъат-танбакъ болады—„они решили все трое поест“;

сәхәр вакъта кёрмек болды бир бири—„утром на рассвете они решили встретиться друг с другом“;

бала ёзюнъ шәхәринен баскъа бир шәхәрге кетмекши болады—„парень решил уйти из своего города в другой город“;

аш болгъан сонъ екеви тамакъ издевши болады—„после того, как они проголодались, они оба решили поискать (себе) пищу“; ср. сочетание с обычными именами профессии или пристрастия с иной семантикой, напр.:

гъарры туюе бакъыравыкъ болады—„старый верблюд становится крикуном“;

4) именем действия на ^{—макъ}_{—мек} в направительном падеже образует особую форму возможности, которая обычно конструируется из деепричастия основного глагола, напр.:

бизим менен джуван айтыспагъа боласанъ-гъой—„а ведь ты намереваешься состязаться со мной в джувабах (в состязаниях говорить экспромты—четверостишия)“;

5) именная часть выражена парным или сложным именем, напр.:

джумыс исленгенсымакъ бол—„работать на скорую руку, делать вид, что работаешь“;

майда-майда бол—„измельчать, стать мелким“;

аш-арыкъ бол—„изголодаться“;

есен-сав бол—|| сав-саламат бол—„здоровствовать, быть здоровым“;

ырым-джырым бол—„рваться, разрываться (об одежде), расползаться (о материи).“

3. Составные глаголы с вспомогательными глаголами *ет*—или *кбыл*—„делать“

Следует отметить, что в каракалпакском языке характерным для образования этого типа глаголов является вспомогательный глагол *ет*—, но не *кбыл*—, однако в современном языке намечается некоторая семантическая дифференциация в употреблении того и другого глагола и, например, в значении превращения кого-либо во что-либо или в кого-либо употребляется только глагол *кбыл*—, напр.: *түйе кбыл*—„превращать в верблюда“, *хайал кбыл*—„сделать женой“ и т. п. Во всех же остальных случаях употребление глагола *кбыл*—можно рассматривать как диалектальную особенность ЮЗ диалекта, где употребление этих глаголов в некоторой степени факультативно.

Все составные глаголы с вспомогательным глаголом *ет*—или *кбыл*—, за исключением отмеченной выше особенности, характерной для употребления глагола *кбыл*—, имеют семантику переходных глаголов.

а) именная часть выражена именем существительным, напр.:

джокъ ет—; // ЮЗ *джокъ кбыл*—„уничтожать“;

ызгъар // *хёл* // *суз ет*—„промочить, увлажнять“;

къан ет—„окровавить“.

Чаще посредством глагола *ет* и *кбыл*—образуются составные глаголы от заимствованных слов, напр.:

тәсир ет—„влиять, воздействовать“; *кәр ет*—„делать, заниматься“; *сен не кәр етесенъ—деди* „он спросил,—чем ты занимаешься?“; *авкъат ет*—„добывать пропитание, кормить“; *талап ет*—„требовать“; *сарп ет*—„тратить, расходовать“; *гюррюнъ кбыл*—„говорить, рассказывать“; *зорлукъ кбыл*—„обижать, делать насилие“; ср. также составные глаголы, образующиеся главным образом посредством вспомогательного глагола *кбыл*—с семантикой „делать кем-либо, превращать во что или в кого-либо“, напр.:

сөйттип хайал кбылып алды—„итак, он сделал ее (своей) женой“;

шопан кбыл—„делать пастухом“; *жанъагъы баланы кбөйдунъ кейнини шопан кбылып салгъан*—„он поставил того парня пастухом над овцами“; ср. также глаголы: *кбөй кбыл*—„превратить в овцу“; *түйе кбыл*—„превратить, обрратить в верблюда“ и проч.

Впрочем, в том же значении иногда употребляется и глагол *ет*—, ср., напр.: *усу айелди сагъан ана етип алдым—деди* „я взял себе в жены эту женщину, сделал ее старшей твоей сестрой,—сказал он“;

б) именная часть выражена именем прилагательным, напр.:

бикар ет—„аннулировать, сделать недействительным“;

кёр ет—// *сокъыр ет*—„ослепить, сделать слепым“;

тенъ ет—„уравнять, сделать равным“;

в) именная часть выражена отвлеченным именем, напр.:

меммеллик ет—„завнаваться, гордиться, возгордиться“;

кбайркъомлыкъ ет—„оказать милосердие“;

дөйхъаншылыкъ ет—„заниматься сельским хозяйством“;

сөйттип юшөви калхозгъа кирип дөйхъаншылыкъ етеди—„итак, все трое вошли в колхоз и стали заниматься сельским хозяйством“;

г) именная часть выражена подражательным словом, напр.: *тарс ет*—„громыхнуть“ и проч;

д) именная часть выражена местоимением, напр.: *ёзиники ет*—„присваивать“; *кбайлай ет* // *кбайт*—„каким образом поступать?“—вопросительный глагол, реализуется главным образом в деепричастной форме *кбайтит*—„каким образом?“, хотя может встретиться и в прочих глагольных формах, ср., напр.: *кбайтейин!*—„каким же образом я поступлю!“;

былай ет—// *бөйт*—„делать вот этак“; *бизлер бөйт—нейик—дейди* „мы не будем этак поступать,—сказали они“; *сизлер бөйтпенъ—деди* „вы не поступайте этак,—сказали они“;

сөлай ет—// *сөйт*—„делать вот тем самым образом“, напр.: *сөйттип*—„таким образом“, букв. „сделав вот тем самым образом“;

е) именная часть выражена именной формой глагола, напр. *шашылыккы ет*—„распылять, разбрызгивать“;

кбыдырысна ет—„совершать прогулку, прогуливаться“;

бала Арслан менен екеви согъус кбылады—„мальчик с Арсланом вдвоем воевали“.

4. Составные глаголы, состоящие из имени и вспомогательных глаголов с конкретной семантикой

Последняя, третья группа объединяет глаголы, состоящие из имен и именных форм глагола и различных вспомогательных глаголов, которые в сочетании с именами образуют и переходные и непереходные основы. Составные глаголы данной группы сохраняют логически, а иногда и формально, следы синтаксических отношений между именами и вспомогательными глаголами, их образующими.

а. Глаголы, элементы которых сохраняют следы синтаксических отношений подлежащего и сказуемого, напр.:

джин ур—„сходить с ума“, напр.: *кызын джин урды*—„его дочь сошла с ума“ букв. „его дочь ударил джин (не-чистый, злой дух)“; *кыайгы ал*—„опечалиться“; *сары ал*—„пожелтеть, побледнеть“, напр.: *джюзин сары алды*—„его лицо пожелтело“, букв. „его лицо взяла желтизна“; *кыан кел*—„выступить, пойти (о крови)“, букв. „кровь пришла“, и др.

Все составные глаголы, сохранившие логически и формально грамматические отношения подлежащего и сказуемого, могут выступать в предложениях, как это видно из примеров, только в семантически осознанном единстве, в то время как в формально-грамматическом плане эти части семантического единства разобщены между собой.

6. Глаголы, элементы которых сохраняют следы синтаксических отношений прямого дополнения и сказуемого.

1. С вспомогательным глаголом *ал*—„брать, взять“:

дем ал—„отдыхать, дышать“; *алдын ал*—„предупреждать, предотвращать“.

2. С глаголом *сал*—„класть, положить“: *кёзин тёмен сал*—„потупить взор“; *гыайрат сал*—„приложить старание, постараться“; *жар сал*—„объявлять, кликнуть клич“; *сейтип жар салады*—„затем он кликнул клич“.

3. С глаголом *бер*—„давать“: *пара бер*—„давать взятки“; *баха бер*—„оценивать, давать цену“; *джардем бер*—„оказывать помощь“; *джол бер*—„давать дорогу, пропускать“; *кыарыз бер*—„давать в долг“; *пайда бер*—„приносить пользу“.

4. Прочие глаголы, напр.: *ань авла*—„охотиться, букв. ловить зверя“; *май шыгзар*—„добывать масло“; *кзорра таста*—„гадать“; *алгыс айт*—„благословлять, благодарить“.

В большинстве же случаев сюда относятся составные глаголы, представляющие собой идиоматические выражения, напр.:

дэвран сюр—|| *ёмир сюр*—„прожить жизнь“: *армансыз дэвранды сюрди йаранлар*—„он, друзья, прожил жизнь бес-печно“;

кевил аш—„позабавиться, поправиться (о настроении), букв. „открыть сердце“;

кзулак сал—„слушать“, букв. „класть ухо“;

кюн елт—|| *кюн кёр*—„жить, существовать“, букв. „видеть день, солнце“;

тайак дже—„получать удары палкой“, букв. „есть, кушать палки“; *пара дже*—„получать взятки, заниматься „взятничеством“, букв. „есть, кушать взятку“; *кыадем ур*—„шагать, идти“, букв. „бить, отбивать шаги“; *джер айда*—

„пахать“, букв. „гнать землю“; *гыам дже*—„заботиться, хлопотать“, букв. „есть, кушать заботу“; *шара кёр*—„принимать меры“, букв. „видеть меры“; *бойсындыр*—|| *бойын*—|| *мойын сындыр*—„подчинять“, букв. „ломать шею“; *барды—джокты айт*—„плести, говорить небылицы“; *ёлдим-талдым де*—„быть в изнеможении“: *ол киси кыаша береди, ёлдим-талдым дегенде бир кыалагы барын зордан кыу-тулады*—„тот человек побежал, он еле-еле извёлся и до-шел до города, когда уже был в полном изнеможении“.

в. Глаголы, элементы которых сохранили между собою следы синтаксической связи косвенного дополнения и ска-зуемого, напр.:

аджелине джет—„умирать“, букв. „достигать смертно-го часа“; *джоргы мин*—„ездить на иноходце“; *кыатлам-гы айырыл*—„расслоиться на слои“; *астына бас*—„под-жать под себя“; *кыаткы бас*—„записать“; *кейинде кыал*—„отставать“; *мылык ат*—|| *мылык тан ат*—„стрелять из ружья“; *машинка бас*—„печатать на машинке“; *орыны орнына белип кыой*—„раскладывать“; ср. также составные глаголы, где синтаксическая связь между именем и вспо-могательным глаголом остается неясной, напр.:

джол джюр—„ехать, идти“: *олар отуз кюн джол джю-реди*—„они идут по дороге тридцать дней“; *ел гез*—„объез-жать, ездить по странам“: *Етекте ел гезип урарлар лап-ты*—„о нем идет слава, как он ездил по Етеку“ и др.

Здесь непереходные глаголы *джюр*—*гез*—„идти, ездить“ управляют именами в основном (неопределенном) падеже.

г. Глаголы, элементы которых сохранили между собою следы синтаксической связи обстоятельства и сказуемого, напр.: *сайак джюр*—„жить в одиночестве“; *улы тут*—„почивать“; *тёмен тюз*—„сбегать вниз“; *кейин шегин-дир*—„теснить назад“; *кейин кыарай сюр*—„гнать назад“, и пр.

Некоторые из составных глаголов образуют видовые от-тенки глаголов. В качестве дифференцирующих вид эле-ментов в этих сочетаниях выступают слова, находящиеся в позиции перед глаголом, напр.: *юстен сал*—„подложить“, *юстен кыуй*—„подлить“, где видовой оттенок образует де-е-причастие *юстен*, придающее глаголу оттенок добавочно-го действия; *кыайта ёлше*—|| *кыайтадан ёлше*—„пере-весить“; *кыайтадан джув*—|| *джангыдан джув*—„пере-мыть“, где видовой оттенок повторения действия выражен словами: *кыайта*, *кыайтадан*, *джангыдан*—„снова“;

бир аз аш—„приотворить, приоткрывать“, *бир аз ашыл*—„приотворяться“, употребляется параллельно с *ашылын*—

къыра—синтетической формой в том же значении, *бир аз джыла*—„поплакать“, *бир аз кѣтерил*—(*кѣтерилинъки* *ре*)—„приподняться“, где видовой оттенок, выражающий неполное действие, выражен словами *бир аз* „немного“.

Так в общих чертах выглядит синтаксический способ словообразования в каракалпакском языке.

В. В. РЕШЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЗБЕКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Научное советское языкознание вступило теперь в новую стадию своего существования. Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию обогатили науку новыми положениями, совершили глубокий переворот в советской науке о языке. Постановка вопросов И. В. Сталиным настолько широка и принципиальна, что ученый любой отрасли знания извлекает из этих трудов выводы первостепенной важности. И. В. Сталин дал нам блестящий образец того, как нужно проникать в живое существо непрерывных общественных преобразований, как анализировать их. Это—боевая сталинская программа построения марксистской науки о языке.¹

Разоблачив так называемое „новое учение“ о языке, как грубейшее извращение марксизма в области языкознания, И. В. Сталин развил дальше и поднял на новую ступень марксистское учение о языке. Отныне оно уверенным шагом пойдет вперед, внедряя в свой исследовательский труд марксистско-ленинскую теорию языка, с гениальной мудростью и простотой изложенную И. В. Сталиным. В этом обнаруживается самая искренняя забота лично товарища Сталина о развитии социалистической науки в нашей стране. „Я не сомневаюсь,—говорит И. В. Сталин,—что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны“.

¹ В. В. Виноградов, Свободная дискуссия в „Правде“ по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науки о языке, Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“. М., 1950, стр. 5—32; он же, О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина по вопросам языкознания, „Большевик“, № 15, 1950, стр. 7—23.

Советский народ, воплощая в жизнь учение Ленина—Сталина, в невиданно короткие сроки осуществил в стране культурную революцию, величайшим достижением которой является создание многомиллионной армии национальных кадров, развитие национальных по форме и социалистических по содержанию культур. На основе ленинско-сталинских положений о роли языка в развитии национальной культуры развернулась громадная работа по изучению национальных языков, по развитию социалистической культуры на всех языках народов СССР. Ранее культурно отсталые бесписьменные языки сейчас настолько обогатили свой словарный состав общекультурной, общественно-политической, технической лексикой и терминологией, что это дало возможность довести до сознания широких трудящихся масс учение классиков марксизма-ленинизма. Народы СССР получили на своих родных языках произведения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина—высшее достояние мировой культуры.

На общем фоне культурного развития и непримиримой борьбы против фальсификаторов марксизма в различных областях знаний вопросы языка и языкознания занимают ведущее место, поскольку „язык—важнейшее средство человеческого общения“,¹ „язык—орудие развития и борьбы“.²

Эти слова В. И. Ленина и классическая формулировка И. В. Сталина являются для нас, советских языковедов, основополагающими указаниями при подходе к проблемам языка в целом, при решении вопросов национального языкознания в особенности.

Зарождение и развитие научного узбекского языкознания, особенно наиболее молодой его отрасли—диалектологии, связано с победами Великого Октября, освободившего узбекский народ от колониального рабства. За 27 лет национально-государственного существования Узбекистана проделана значительная работа в части изучения народных говоров и диалектов.³

Итоги этой работы могут быть объединены по трем основным пунктам.

1. Спорадическое изучение отдельных узбекских говоров, выбираемых в зависимости от индивидуальных интересов исследователей.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 428.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. I, стр. 44.

³ А. К. Боровков, Узбекское языкознание, Сб. „25 лет советской науки в Узбекистане“, Ташкент, 1943; В. В. Решетов, К вопросу об изучении узбекских народных говоров, Юбилейный сборник Академии Наук УзССР, посвященный двадцатипятилетию УзССР, Ташкент, 1950.

2. Длительное систематическое наблюдение над отдельными строго локализованными группами говоров.

3. Систематическое изучение отдельных территориальных участков путем проведения экспедиций.

С организацией Академии Наук УзССР значительно расширился диапазон исследовательской деятельности. Появляются специальные диалектологические интересы, выдвигается организованное и систематическое изучение узбекских народных говоров. Проводятся две экспедиции по изучению узбекских говоров Ферганской долины.

В итоге работ экспедиций и выездов отдельных работников на места уже можно говорить о фонетических, морфологических и лексических признаках, объединяющих или отличающих узбекские говоры обследованных районов. Выявлены и взаимоотношения их с литературным узбекским языком.

Этот далеко не полный перечень уже свидетельствует, что узбекская диалектология в основном миновала ту стадию, когда исследователь узбекского языка ограничивался регистрацией наиболее резко выраженных диалектных особенностей. Однако узбекская диалектология находится пока еще в стадии диалектографии. Объем предстоящих исследовательских работ исключительно велик, и сколько-нибудь серьезные результаты изучения говоров немыслимы без учета диалектологических работ в родственных тюркоязычных республиках (Киргизии, Казахстане, Туркмении, Кара-Калпакии), генетически отличном, но исторически весьма и весьма близком Таджикистане и, наконец, без учета богатого опыта русских диалектологов.

Сейчас нам необходимо не только оживить и расширить объем работ по узбекским говорам и диалектам, но в первую очередь пересмотреть все наши приемы и методы в свете учения И. В. Сталина о языке. Четкое сталинское определение этапов развития языков,¹ скрещивания языков,² грамматического строя и основного словарного фонда,³—вооружает нас правильным марксистским пониманием этих явлений и выдвигает на очередь дня детальное и всестороннее изучение отдельных языков и языковых групп. Чрезвычайный интерес в этом отношении представляет изучение узбекского языка, становление и развитие которого тесней-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 12.

² Там же, стр. 29—30.

³ Там же, стр. 23—26.

шим образом увязывается с концентрацией „диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“.¹ В этом сложном процессе и должен разобраться диалектолог, рассматривая диалектное разнообразие узбекского языка в различных аспектах.

Аспект 1—исторический, рассматривающий узбекский язык и его отдельные говоры в тесной связи с конкретной историей узбекских родо-племенных объединений, давших в сумме узбекский национальный коллектив как этнографическое и государственное целое. Этнографы вполне определенно высказались по этому вопросу:

„Одной из основных задач, которые должны быть поставлены в настоящее время при разработке этногенетической проблемы в Узбекистане, является детальное, углубленное и всестороннее изучение отдельных этнических групп, вошедших в состав узбекского народа. Чрезвычайный научный интерес в этом отношении представляет изучение отдельных узбекских племен, о большей части которых не известно ничего, кроме их названия“.²

В этом кропотливом изучении узбекских родовых и племенных групп не последнее место принадлежит диалектологам, которые таким путем должны осветить ряд вопросов истории узбекского языка, определить его место в ряду родственных языков и попытаться проследить этапы развития, начиная „...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным“,³ на всех этапах вскрывая основное назначение языка, как средства, орудия, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания.⁴

Привлекая язык как исторический источник, мы должны вскрыть роль народных масс в образовании и развитии язы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, М., 1934, стр. 414.

² В. Г. Мошкова, *Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен*, Труды института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 135.

³ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, М., 1950, стр. 12; Р. И. Аванесов, *Учение И. В. Сталина о языке и диалекте*, Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“ М., 1950, стр. 83—100; он же, И. В. Сталин о развитии языков и диалектов, *Известия АН СССР, Отделение языка и литературы*, т. IX, вып. 3, 1950; Г. Д. Санжеев, *Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина*, Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, М., 1950, стр. 101—128; он же, *Изучение исторического развития языков*, *Известия АН СССР, Отделение языка и литературы*, вып. 1, 1951.

⁴ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 22.

ка, показать, что язык порожден всем ходом истории общества. „Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.¹

Блестящий образец исторической интерпретации языковых фактов дал Ф. рЭнгельс в своей работе „Франкский диалект“,² где он разрешил весьма запутанный вопрос об исторических судьбах франкского диалекта. Этой работой Ф. Энгельс особо подчеркнул, что изучение диалектов должно быть включено в исторические рамки, ибо „возникновение и развитие диалектов нужно искать в конкретной истории племен, а возникновение и развитие языков—в конкретной истории народов и племенных объединений“.³ Изучение диалектов не может ограничиваться только какой-либо одной стороной: оно должно быть всесторонним и прежде всего должно учитывать перспективы развития каждого диалекта (resp. языка) в отдельности, вскрывая древнейшие периоды их совместного существования на данной территории.

Сама постановка проблемы изучения узбекских народных говоров в историческом аспекте выдвигает на очередь для решения ряда вопросов. Наиболее актуальными из них являются:

1. Выявление узбекских родо-племенных объединений и изучение особенностей их языка.

2. Выявление культурного прошлого узбеков по данным живых народных говоров.

3. Вопросы этногенеза узбекского народа по данным языка.

4. Основной словарный фонд узбекского языка по данным живых народных говоров.

Изучение исторического процесса сложения узбекского народа параллельно исследованиям в области народных говоров и диалектов может быть эффективным при совместных усилиях археологов, историков, этнографов и лингвистов. Здесь интересы специалистов переплетаются.

Аспект 2—сравнительный, вскрывающий многовековые исторические взаимодействия племен, близких между собой, с их степными сородичами, которые на протяжении нескольких тысячелетий втягивались в процесс консолидации племен на древней территории Узбекистана.

Исторический и сравнительный аспекты определяют ме-

¹ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 22.

² Ф. Энгельс, *Франкский диалект*, Партиздат, М., 1935.

³ Там же, стр. 8.

тод диалектологической работы — **сравнительно-исторический**, рекомендованный еще Ф. Энгельсом, как метод языковедческой работы вообще. „Материя и форма родного языка, — говорит Ф. Энгельс, — становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки...“¹

Сравнительно-исторический метод имеет серьезные недостатки, — указывает И. В. Сталин, — но он все же толкает к работе, к изучению языков.² Этот метод, рассматривая историю становления и развития языка в его динамике, позволит, если поставить технику применения его на твердую материалистическую основу, в широких планах изучать родственные тюркские языки.³

Употребляя термин „тюркский“, мы имеем в виду тюркские племена с широким диапазоном распространения, что и послужило основным мотивом создания целой тюркологической школы, — в отличие от „турецкого“, то есть анатолийского, или османского — главного объекта западноевропейской буржуазной османистики.⁴ Это понятие, то есть тюркские племена, в широком лингвистическом смысле, как параллель к славянским племенам — предкам русского, украинского и белорусского народов, — следует строго дифференцировать от слова „турецкий“, в узком смысле, то есть принадлежащий Турции.⁵ В связи с этим сравнительно-историческое изучение тюркских языков и установление их языкового родства имеет такое же значение для тюркологии, как аналогичное изучение славянских языков для славистики. „...нельзя

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 303—304.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

³ В. В. Виноградов, О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина, „Большевик“, № 15, 1950, стр. 21; Б. А. Серебрянников, Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного англиза Н. Я. Марра, Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, М., 1950, стр. 145—170; он же, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, т. IX, вып. 3, 1950.

⁴ Н. К. Дмитриев, Материалы по османской диалектологии, Фонетика „Карамалицкого“ языка, Записки Коллегии Востоковедов, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 418.

⁵ Такое примечание было сделано к нашей работе „К вопросу об изучении узбекских говоров“ (стр. 475) в силу того, что некоторые товарищи, отказываясь от термина „тюркский“, склонны были отрицать и принадлежность узбеков к тюркским племенам. Этимологию термина тюрк см. проф. А. Н. Кононов, Опыт анализа термина тюрк, „Советская этнография“, № 1, 1949, стр. 40—47, где указана и библиография вопроса.

зая отрицать, — говорит И. В. Сталин, — что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“.¹

В советской тюркологии есть много таких проблем, разработка которых мыслима только при совместном участии ученых братских республик.² Особенно это касается вопросов диалектологии, где, естественно, переплетаются интересы узбеков и казахов, узбеков и киргизов, узбеков и каракалпаков, казахов и каракалпаков и т. д. Здесь не упоминается об узбекско-таджикских связях, поскольку они выходят из круга родственных односистемных языков и должны рассматриваться особо. При этом сравнительно-историческое изучение языков и диалектов должно строиться не только в межреспубликанских масштабах, но и в пределах одной республики, ибо каждая среднеазиатская республика имеет на своей территории в известном количестве представителей различных национальностей. Так, например, узбеки есть и в Казахстане, и в Киргизии, и в Кара-Калпакии. То же можно сказать о казахах, киргизах, каракалпаках, не говоря уже об узбеках, на территории Таджикистана и таджиках в Узбекистане.

Вот пример, касающийся Ташкентского оазиса и подтверждающий сказанное о характере народонаселения. Здесь мы находим большой массив казахов и отдельные, правда, небольшие, группы каракалпаков и киргизов.

Мы далеки от мысли переоценивать значение той или иной современной нам среднеазиатской национальности в этногенетическом процессе населения Ташкентского оазиса, но и недооценивать значение отдельных из них в этом процессе значило бы явно пойти вразрез с действительным положением вещей. Например, наличием именно казахского субстрата объясняются группы қазақ-қурама, чала-қазақ и т. п. Это, несомненно, казахи, которые, находясь в сплошном кураминском и узбекском окружении, впитали в себя некоторые характерные кураминские или узбекские признаки. Среди них мы встречаем представителей Улу-жус (Большой, или Старшей орды), а именно роды Уйшун и Джелайр; Орта-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

² Ср., например, факты, сообщаемые проф. К. К. Юдахиним в его работе „Из лайлакских материалов“, Труды ИЯЛИ КирФАН, вып. II, Фрунзе, 1948, стр. 30. Нужно всемерно приветствовать выход в свет „Тюркологического сборника“ I (См. „Тюркологический сборник“, 1, Сергею Ефимовичу Малову. М.-Л., 1951), вслед за которым желательно, чтобы последовали — II, III...

жус (Средней орды)—Найманы; Кичи-жус (Малой, или Младшей орды)—роды Тама и Алчин. Однако стремление некоторых исследователей представить „кураму“, как „казахский народ в миниатюре“ ничем не оправдано.¹ На наличии в кураминских говорах некоторых элементов, общих с казахским языком, нельзя, разумеется, строить подобных гипотез.

Отправным пунктом в этом вопросе должно служить признание того вполне очевидного факта, что все конкретные языковые данные, которые в известной степени сближают кураминские говоры (геср. джекающие узбекские говоры вообще) с казахской языковой системой, не есть результат казахской языковой подпочвы в истории формирования данных говоров, а, как подчеркивает крупнейший знаток тюркских языков проф. С. Е. Малов, — „самое простое сходство, однотипность, односистемность языков“.² Все это подтверждается историческими материалами по диалектам языков кыпчакской группы и приводит нас к старым письменным памятникам—к сочинению XI века Махмуда Кашгарского³, к памятнику кумак-половецкого языка XIII века Codex Cumanicus⁴, к языку печенегов, отразившемуся в русских летописях и венгерских хрониках, к грамматикам кыпчакского языка XIII-XV вв.⁵ В них мы находим общие признаки, свойственные той группе тюркских языков—западной (по классификации акад. В. В. Радлова) или северо-западной—кыпчакской, к которой относятся языки казахов и каракалпаков, джекающее, или кыпчакское наречие узбекского языка, каракалпакско-узбекский диалект каракалпаков, проживающих в Ферганской долине и в долине Зеравшана, и кураминские говоры долины Ангрена.

С исторической точки зрения данные указанных языков и диалектов свидетельствуют о наличии типично кыпчакских языковых черт и позволяют путем сравнительно исторического изучения провести параллель между кураминскими говорами и теми тюркскими языками, для которых эти признаки являются общими, в которых они прослеживаются и поныне, — в первую очередь с казахским и кара-

¹ М. Тиньшпаев, Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда, Кызыл-Орда, 1926, стр. 10; В. В. Решетов, К вопросу о термине „курама“ и кураминцах, Бюллетень АН УзССР, № 5, 1945, стр. 18—20.

² С. Е. Малов, Каракалпакский язык и его изучение, Сб. „Каракалпакия“, т. II, Л., 1944, стр. 205; он же, К истории казахского языка, Известия АН СССР, № 3, 1941.

³ كتاب ديوان لغات التر اكي, 1333 (=1914).

⁴ С. Е. Малов, К истории критики Codex Cumanicus, Известия АН СССР, № 5, 1930, стр. 347—375.

⁵ С. Е. Малов, К истории казахского языка, стр. 97—99.

калпакским, ибо никаких противопоказаний для такого сближения не обнаруживается.¹ Наоборот, применение сравнительно-исторического метода вскрывает генетическую общность этих языков и диалектов, помогает в деле изучения законов развития языков кыпчакской группы.

Казахи составляли и составляют значительный процент населения Ташкентского оазиса. В итогах первой Всероссийской переписи 1897 года под рубрикой „киргизы“ показаны казахи и киргизы в количестве 163 115 человек. В 1917 году казахов числилось 156 879 человек, а в 1920 году—147 511 человек. Такое значительное сокращение числа казахов в течение трех лет (1917—1920) объясняется, видимо, тем, что в 1920 году киргизы были выделены из казахов и сочтаны особо. При переписи 1926 года в нынешней Ташкентской области (не в оазисе!) оказалось 84 572 казаха.

Эти факты красноречиво говорят сами за себя и выдвигают на очередь изучение казахов Ташкентской области как со стороны истории и этнографии, так и в части особенностей их языка. Казахский элемент представляет несомненный интерес для узбекской диалектологии, поскольку казахи в течение длительного времени играли известную роль в судьбах народов Ташкентского оазиса.²

Изучая Ташкентский оазис в сравнительно-историческом плане, нельзя обойти молчанием каракалпаков.³

По старым русским известиям, на среднем течении Сыр-дарьи жило много каракалпаков („верхние каракалпаки“). П. Рычков сообщает, что „верхние каракалпаки“ живут от Туркестана до Ташкента.⁴

Каракалпаки покинули Сыр-дарью не сразу, а выселялись отдельными группами в разное время.⁵ Остатки их в Ташкентском оазисе мы обнаружили и сейчас. Они встречаются главным образом в нижнем течении р. Келес и спорадически—по оазису. Здешние каракалпаки быстро утрачивают типично каракалпакские черты быта и причисляют себя то к казахам, нередко именуя себя каралпак-казак или казак-каралпак, то к узбекам. В отличие от казахов, они ча-

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М., 1940, стр. 7; Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.-Л., 1940, стр. 10 и след.

² А. А. Семенов, Уникальный памятник агнографической среднеазиатской литературы XVI века, Известия УзФАН СССР, № 12, 1940, № 3, 1941.

³ В. В. Решетов, Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке, Бюллетень АН УзССР, № 3, 1947, стр. 18—22.

⁴ П. Рычков, Топография Оренбургской губернии 1782, изд. 1887 г.

⁵ М. Т. Тиньшпаев, Ак-табан-шубрынды, Сборник „В. В. Бартольд“, Ташкент, 1925, стр. 51, 59, 60.

сто смешивают названия орд и родов. Некоторые относят себя к Орта-жус и называют своими родами Найман, Мангит, Кенегес, а в районах сплошного казахского окружения — к Улу-жус, к наиболее многочисленному здесь роду Дулат.

Численность каракалпаков в нижнем течении Келеса значительно сократилась за счет увеличения числа лиц, признающих себя казахами. Жители пунктов, расположенных среди кураминских поселений долины Ангрена (Найман, Ачамайлы, Джагабайлы и др.), считают себя узбеками-кураминцами. Зброшенные переселенческой волной в гущу узбекского населения, каракалпаки скоро ассимилировались. А. Д. Гребенкин указывает на переселение части каракалпаков из-под Ташкента в б. Зеравшанский округ.¹ Он называет их „узбекским родом каракалпаков“. Н. Ханьков упоминает каракалпаков в северной части Бухарского ханства,² появление каракалпаков в пределах Ферганы В. П. Наливкин относит к XVII веку и тоже называет их „узбекским родом“.³

Отметим, что родовой строй каракалпаков до мельчайших подробностей схож с родовым составом джекающих узбеков кыпчакской группы, представителем которых в Ташкентской области и является основная часть курамы.

При выяснении этимологии имени „курама“ наиболее яркую характеристику дает киргизский фольклор, называя так объединение представителей различных родов: *кулаалы багып, куш кылдым, курама жыйып, журт кылдым* — воспитал я коршуна и сделал из него ловчую птицу, собрал я разноплеменных людей и сделал из них народ; так же называется человек, приставший к чужому роду: *кулаалы кэтер жеринэ, курама кэтер элинэ* — коршун летит на свое место, чужеродец уйдет к своему роду.⁴

Таким образом, факты исторического, этнографического и лингвистического порядка дают богатый материал для сравнений в широких масштабах, привлекая данные узбекского, казахского, киргизского и каракалпакского языков, а в некоторых районах и туркменского.

Аспект 3 — описательный, довольствующийся относительно точной регистрацией и описанием диалектных особенностей отдельных говоров при изучении связей языковых явлений в современном их состоянии. Эта часть имеет большое зна-

¹ Туркестанские Ведомости, 1871 г., № 29—42.

² Н. Ханьков, Описание Бухарского ханства, 1848, стр. 74.

³ В. П. Наливкин, История Кокандского ханства, 1885, стр. 14, 37—39.

⁴ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 401.

чение для прикладного узбекского языкознания — с ней связана вся орфографическая и орфоэпическая практика в пределах устанавливаемой основы национального языка.

Рассматривая эти аспекты в их взаимосвязи, можно вскрыть все диалектное разнообразие узбекского языка и определить особенности каждого диалекта и говора в отдельности. Уже на основании имеющихся данных можно сказать, что ни один из среднеазиатских тюркских языков не имеет такого количества, часто резко отличающихся друг от друга, диалектов, как узбекский язык. Не случайно узбекские говоры в классификационной системе¹ тюркских языков, объединившей классификацию акад. В. В. Радлова² и акад. Ф. Е. Корща³, оказались в различных группах:

1) юго-восточной — так называемое „чагатайское“ наречие,

2) юго-западной — огузское наречие,

3) северо-западной — кыпчакское наречие узбекского языка, обильно представленное джекающими говорами.⁴

Этот перечень свидетельствует о сложности диалектологической карты узбекского языка.⁵ По своему географическому местоположению сейчас узбекский язык оказывается в окружении северо-западной группы тюркских языков, представленной казахским, киргизским и каракалпакским языками; соприкасается он и с туркменским языком, являющимся представителем юго-западной, или огузской группы тюркских языков.

Картина значительно усложняется узбекско-таджикскими взаимоотношениями, культурно-экономические и политические связи которых прослеживаются на протяжении веков. Исторически здесь нужно выделить два периода: 1) доарабский, когда выступали древне-таджикские языки и диалекты, принадлежавшие, вероятно, к северо-восточным или скифским наречиям, быть может, более или менее близкие к согдийскому языку и 2) послеарабский период, когда на арену выступает уже таджикский язык, сформировавшийся

¹ Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Л., 1922; Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, вып. 1, Ташкент, 1934, стр. 3—18.

² W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, Leipzig, 1882, S. 280—291.

³ Ф. Е. Корш, Классификация тюркских племен по языкам, Этнографическое обозрение, кн. 84—85, 1910, стр. 110.

⁴ В классификационной системе проф. С. Е. Малова узбекский язык отнесен к „новым тюркским языкам“, см. „Памятники древнетюркской письменности, Тексты и исследования“, М.-Л., 1951, стр. 7.

⁵ Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, вып. 1, стр. 19.

не одновременно и в разных условиях.¹ Это одна из важнейших проблем не только диалектологии и истории языка, но и древнейшей истории народов Узбекистана, решение которой упирается в вопросы этногенеза древних племен, вошедших существенными слагаемыми и в историческую основу современных нам узбеков и таджиков.² Длительный культурно-экономический симбиоз приводил, естественно, и к взаимовлиянию языков.

Узбекско-таджикские языковые взаимоотношения являются ярким примером, опровергающим антимарксистские утверждения Марра и его „учеников“, представлявших процесс скрещивания языков в виде единичного акта—решающего удара, в результате которого якобы происходит образование языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому. Такая постановка вопроса приводила к отрицанию закономерного развития языка в ходе истории общества. Только благодаря правильной лингвистической интерпретации фактического материала, вооруженной учением И. В. Сталина о характере, причинах и следствии скрещивания языков, можно вскрыть действительное положение вещей, выявить долю участия каждого языка в процессе смещения, выдвинув на первый план закономерности развития данных языков.

Цепь актуальных вопросов узбекской диалектологии крайне велика. Узбекско-таджикские языковые отношения занимают в ней особое место. Несомненен факт многовекового сосуществования этих принципиально-отличных языковых систем, обусловленного всем ходом культурно-исторической жизни узбекского и таджикского народов.

В истории формирования узбекского народа таджики сыграли видную роль, а таджикский язык, относящийся к иранской группе языков, оказал влияние на развитие узбекского языка так же, как узбекский язык оказывал несомненное влияние на развитие таджикского языка, весьма часто приводя к социальному двуязычию.³ Однако едва ли есть

¹ М. С. Андреев, О таджикском языке настоящего времени. Материалы по истории таджиков и Таджикистана, Сталинабад, 1945, стр. 58—59.

² В. А. Шишкин, Варахша, „Звезда Востока“, Ташкент, № 11, 1950, стр. 117.

³ Этот процесс продолжается и теперь и наиболее ярко выражен в городах с явным социальным двуязычием, например в Самарканде, Бухаре, Ленинабаде, Чусте. „Можно взять для примера хотя бы город Бухару. Несмотря на существование в окрестных тюменах тюркского элемента, в самой Бухаре даже в начале XX столетия городское население в массе еще не знало по-тюркски“ (М. С. Андреев, цит. соч., стр. 68).

необходимость особо акцентировать этот момент и закреплять в узбекском языкознании выражение: „теория иранизации“ и в связи с этим выделять говоры „иранизованные“ и „неиранизованные“.

Выдвигая приводящий момент в виде некой „иранской подпочвы“ как решающий фактор в истории сложения узбекского языка, сторонники „теории иранизации“ исключили возможность внутриязыковых процессов в историко-фонетической и историко-морфологической эволюции узбекского языка; чтобы убедиться в несостоятельности этих терминов, достаточно взглянуть на историю их появления.

Известно, что в дооктябрьский период своего существования основная часть (по крайней мере 50% всего современного узбекского массива) живых узбекских говоров объединялась в этнографической литературе общим именем „сартовский“ язык, а богатейшая письменная традиция узбекского народа в востоковедной литературе укладывалась в выражения: „чагатайская“ литература и „чагатайский“ язык. Нет, конечно, необходимости приводить здесь перечень той литературы, в которой затрагивались отдельные вопросы языка, однако само наименование основной части говоров „сартовскими“ нуждается в некоторых справках.

Слово „сарт“ имеет, видимо, древнее происхождение. Оно встречается в письменном памятнике XI века—Кутадгу-билик, позднее, в XIII веке, у Рашидэдина и у Плано Карпини, в поэме Мухаммад Салиха „Шейбани-намэ“, в записках Захириддин Мухаммад Бабура. Последний, характеризую население ферганских городов, в частности Маргелана, определяет его выражением *ایلی سارت*.¹ Во времена Бабура этим словом назывались равнинные таджики. Лыкошин прилагал его к таджикскому населению Ходжента (нынешнего Ленинабада).²

В свое время вокруг этого слова развернулась оживленная дискуссия на страницах старой, по преимуществу этнографической, печати, однако этимология и время появления его так и остались недостаточно уточненными.³ У отдельных авторов обнаруживались противоречивые утверждения.

¹ *بابر نامه*, Казанское издание, стр. 4.

² Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, II, 1916, стр. 114—116.

³ Особенно оживленно обсуждение проводилось в ташкентской прессе (Е. К. Бетгер, Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенных в газете „Туркестанские Ведомости“ за время ее существования, Сборник „В. В. Бартольд“, Ташкент, 1925, стр. 481—515).

Так, например, Н. П. Остроумов, кстати сказать, наиболее рьяный сторонник сохранения этого термина в качестве наименования этнической группы, в одной из опубликованных в 1884 году работ писал: „иранцы, которые не утратили свой язык, зовутся „таджиками“, а которые отуречились, тех зовут „сартами“.¹ Такова же была точка зрения акад. В. В. Бартольда² и Г. Вамбери.³

В одной из более поздних работ Остроумова читаем: „В этнографическом отношении сарты представляют собою тип смешанный, происшедший от слияния древнего иранского населения Туркестана с позднейшими завоевателями тюрко-монгольского племени. Признаками этого типа служат с одной стороны особенности физического строения, с другой стороны язык, в основе тюркский, но отличающийся от киргизского, узбекского, татарского и турецкого и известный под именем *сарт-тили* и, наконец, отсутствие родового быта, до сих пор сохранившегося среди узбеков, киргизов и др.“⁴

Анализируя приведенные определения, нетрудно установить две диаметрально противоположных точки зрения:

1) „сарты“—тюркизованные таджики, утратившие свой иранский язык,

2) „сарты“—иранизованные тюрки, утратившие родовой быт; в основе их языка лежит тюркский языковой субстрат.

В дальнейшем эти противоречивые „выводы“ легли в основу компромиссного определения у Аристов. Он это слово прилагал к „оседлым тюркам и отуреченным туземцам, которые утратили уже родовой быт и связанные с ним родовые деления“.⁵

Таким образом, под „сартами“, по Аристову, понимаются:

1) „оседлые тюрки“ и

2) „отуреченные туземцы“.

Общим признаком их было отсутствие родо-племенных групп. Такая формулировка и удерживалась в этнографической литературе.

Неопределенность в выводах и неточность определений

¹ Н. П. Остроумов, Значение названия сарт, Ташкент, 1884, стр. 4.

² В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 80; он же, Таджики, Сб. „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 105.

³ H. Vambery, Die Sarten und ihre Sprache, Leischrift der D. Morg. Ges., t. 44. 1890, S. 203.

⁴ Н. Остроумов, Этимология сартовского языка, Ташкент, 1910, стр. 6—7.

⁵ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, „Живая старина“ вып. III—IV, 1896, стр. 439.

свидетельствуют о сложности самого вопроса. В наше время, как было уже упомянуто, к нему вернулся покойный проф. М. С. Андреев.

Касаясь быстрого распространения узбекского языка за счет сокращения диапазона употребления языка таджиков, он говорит, что „это и есть тот путь, по которому шел уже давно процесс ассимиляции таджиков тюркскими элементами, создавший на огромном пространстве, начиная от Ферганы и до Хорезма, особый по языку народ, называвшийся сартами. Еще при Бабуре, например, этим словом назывались равнинные таджики, говорившие новотаджикским („персидским“) языком“.¹

Как видим, проф. М. С. Андреев свою точку зрения по данному вопросу сформулировал четко и определенно, но его утверждение о том, что „процесс ассимиляции таджиков тюркскими элементами“ создал якобы „особый по языку народ, называвшийся сартами“ не может быть признано верным и должно быть опротестовано.

Знатоки быта узбекского населения Ферганы В. П. Наливкин со всей категоричностью заявил, что „оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков (или тюрков) и таджиков“.²

Учение И. В. Сталина о скрещивании языков, как о длительном историческом процессе, является ярким образцом применения метода материалистической диалектики к языкознанию и находит свое блестящее подтверждение и на материале узбекско-таджикских языковых взаимоотношений. Две соседствующих языковых системы, несомненно, влияли друг на друга как в части словарного состава, так и в области фонетики. Но это влияние не привело к образованию какого-то нового языка, принципиально отличного от узбекского.

„Совершенно неправильно было бы думать,—говорит И. В. Сталин,—что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них“.³ „...скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“.⁴

¹ М. С. Андреев, Цит. соч., стр. 67.

² В. П. Наливкин, Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, стр. 15.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 30.

Так происходило и в истории формирования узбекского языка.

Как бы ни решался затронутый нами вопрос, какие бы остроумные догадки ни предлагались при установлении значения указанного слова, но сам факт противопоставления „узбеков“ и „сартов“ сыграл определенную роль в выработке суждений об узбекском языке и его говорах.¹ Мнения исследователей не расходились в вопросе о многовековом сосуществовании этих принципиально отличных языковых систем — узбекской и таджикской. Однако представление о двух группах населения (узбеках и „сартах“), прочно укрепившееся в старой этнографической литературе, влияло и на лингвистическую мысль. Исключая исторические перспективы развития узбекского языка в целом, П. Е. Кузнецов, на основании наличия наиболее ярко выраженных лексических элементов, заявил, что „... тюркизованные таджики принимали несомненное участие в формировании того тюркского наречия, которое теперь называется сартовским: доказательством этому, например, множество персидских слов в нем, — часть которых во всяком случае была введена в него аборигенами страны, — и произношение вырабатывалось по образцу таджикского“.²

Несостоятельность этой точки зрения вполне очевидна. Она же красной нитью проходит через другую работу П. Е. Кузнецова — „Борьба цивилизаций и языков в центральной Азии“,³ о которой В. И. Ленин сказал, что излагаемая „точка зрения, кажись, казенная“.⁴

Так появляются предвестники „теории иранизации“, основа которой и была заложена П. Е. Кузнецовым, усмотревшим в узбекском языке „множество персидских слов“ и что „произношение вырабатывалось по образцу таджикского“.⁵

Не вникая в историю образования структурных особенностей языка, исследователи этого толка решали судьбу узбекского языка по наличию ряда лексических соответст-

¹ Ср., между прочим, компромиссное выражение „сарто-узбекский“ (В. А. Богородицкий, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 70).

² П. Е. Кузнецов, Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий, Известия Турк. отд. ИРГО, Ташкент, т. XI, вып. 2, ч. 1.

³ La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie Centrale, Paris, 1912.

⁴ Ленин и Сталин, Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане, Ташкент, 1936, стр. 22.

⁵ Ср. осторожное замечание о староузбекском языке, который „...сложился не без участия иранских элементов“ — П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, СПб., 1903, стр. IX.

вий, так как они более всего бросаются в глаза и доступны оценке даже не специалиста. Сложнее обстояло дело с фонетикой, но и тут проще было отнести все фонетические изменения за счет привходящих факторов, нежели вникнуть в действительное существо происходящих явлений, постараться вскрыть их и объяснить на материале узбекского языка.¹

Впоследствии все эти соображения этнографов и лингвистов были сведены воедино проф. Е. Д. Поливановым, который лингвистически оформил „теорию иранизации“ и возвел ее в фетиш при диалектологических изысканиях вообще.² В интерпретации проф. Е. Д. Поливанова эта „теория“ предусматривала следующую градацию узбекских говоров:

1) 1 тип — „максимально-иранизованный“ (Самаркандско-Бухарско-Ходжентский тип) и

2) 5 тип — „минимально-иранизованный“ (говор кишлака Сарай Андижанской области).

Между этими крайними полюсами располагаются еще три промежуточных типа по степени сокращения „иранизации“, а именно:

2 тип — Ташкентский,

3 тип — Маргелано-Кокандский и

4 тип — Андижано-Шерхонский.³

Так выглядит „теория иранизации“ в своем логически законченном виде. Она пронизывает всю литературу по узбекскому языку, изданную за последние годы на русском и на западноевропейских языках.

Действительно, многовековая история сосуществования узбекского и таджикского народов полна свидетельств всесторонних экономических, политических и культурных взаимоотношений. Особенно литературная жизнь характеризуется напряженной и длительной борьбой за использование того или другого языка в качестве письменного. Это нашло отражение и в творчестве великого Навои, который в своем „Суждении о двух языках“ („Мухакамат уль-Луғатин“) отстаивал права своего родного языка, доказал наличие в нем словарных богатств и средств литературного выражения, создал на этом языке ряд больших замечательных произведений. Факты свидетельствуют, что две искони

¹ Ср. В. В. Решетов, Общая характеристика особенностей узбекского вокализма, Труды Института языка и литературы Академии Наук УзССР, вып. 1, Ташкент, 1949, стр. 15–36.

² И. А. Батманов, Вопросы классификации узбекских говоров, стр. 29–36.

³ Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 34.

«сосуществующие языковые стихии—узбекская и таджикская—развивались параллельно, оказывая влияние друг на друга. Вот поэтому узбекско-таджикские языковые отношения должны интересовать не только узбекское, но и таджикское языкознание. Только общими усилиями лингвистов Узбекистана и Таджикистана можно правильно разрешить проблемы взаимовлияния, вскрыв их историко-экономические и культурно-политические причины.

Таким образом, нельзя не признать, что развитие узбекского языка протекало в очень сложных условиях; узбекский народ на протяжении своей истории пользовался языками различных систем для письменного выражения своих мыслей.¹ Результаты этого сказались и на современном узбекском языке, в словарный состав которого вошло, став его органической частью, значительное количество арабских и таджикских слов.² В послеоктябрьский период узбекский язык значительно пополнился советско-интернациональной лексикой, бурным потоком проникающей через русский язык.

«... словарный состав языка,—учит И. В. Сталин,—изменяется не как надстройка, не путём отмены старого и постройки нового, а путём пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всём основном и используется, как основа словарного состава языка».³

Аналогичное происходило и в истории узбекского языка, происходит и сейчас в части изменений в его словарном составе. Каждая эпоха, каждый период общественной жизни вносил в язык определенные изменения, которые особенно заметно отражались в словарном составе узбекского языка. Для характеристики последнего небезинтересны подсчеты по материалам узбекской прессы.

В 1934 году анализ словарного состава газеты „Кизил Ўзбекистон“ дал следующие результаты: 1) искони узбекских слов (основной словарный фонд языка)—59,3%, 2) слов

арабского происхождения—21%, 3) слов таджикского происхождения—4,9%, 4) советско-интернациональных слов—12%.¹ Через шесть лет картина изменилась таким образом: если в 1934 году слова арабского и таджикского происхождения составляли 25,9%, то в 1940 году процент их упал до 25, а советско-интернациональная лексика возросла до 15%.² В 1947—1948 годах подсчет слов по четырем номерам этой же газеты показал, что из общего количества (в 4 номерах) 33100 слов искони узбекских оказалось 55%, арабских—18,7%, таджикских—4,3%, советско-интернациональных—18%.³

Как видно из приведенных подсчетов трех различных авторов (проф. А. К. Боровкова, В. В. Решетова и М. Мирзаева), сделанных ими в разное время, здесь нет того множества „персидских“ слов, о котором пытался говорить П. Е. Кузнецов. Нетрудно опровергнуть и целый ряд других положений, если обратиться к показаниям фонетических систем узбекских народных говоров.

Сторонники указаний „теории иранизации“ все фонетические сдвиги в узбекском языке относили за счет переосмысления типично-тюркского вокализма на „иранской“ якобы артикуляционной базе, вследствие чего в узбекской фонетике произошли двоякого рода изменения:

1) сокращение лингвально-сингармонических чередований в основах и аффиксах за счет конвергенции гласных переднего и заднего ряда и

2) дивергенция типично-тюркского А нижнего подъема, в результате чего и произошло выделение заднего Ǟ (resp. Ǿ), что и породило собою оканье.

Однако и эти положения оказываются шаткими, если мы обратимся к фактам живых говоров. Именно они убеждают нас в том, что причины историко-фонетического порядка могли привести к деградации сингармонизма, к качественным и количественным изменениям в области гласных звуков. Этот процесс происходил в монгольском языке XIII века и привел к совпадению Ы заднего и И переднего в одном звуке.⁴ Таким образом была нарушена стройная

¹ В. В. Решетов, Лексический состав современной узбекской прессы, Сб. „Проблемы языка“, вып. 1, Ташкент, 1934, стр. 44.

² А. К. Боровков, Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит на основе русской графики, Известия УзФАН СССР, Ташкент, № 7, 1940, стр. 22.

³ По подсчетам М. Мирзаева, зав. кафедрой узбекского языка Бухарского пединститута, произведенным им в 1949 году.

⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 120.

¹ Е. Э. Бертельс, Узбекская литература, БСЭ, т. 55, стр. 610 и след.

² А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 23.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

система деления гласных на два сингармонистических ряда. Аналогичная тенденция прослеживается сейчас в некоторых казахских говорах, где идет явное развитие индифферентного звука Ъ, выступающего заместителем обоих своих исторических источников. А в казахском языке и не может быть речи о какой-либо „иранской подпочве“.

В этой связи рассматривается и появление оканья, которое могло возникнуть как явление факультативное и позиционное, а в дальнейшем уже закрепилось при участии таджикского языка.¹ Позиционная обусловленность оканья вскрывается на материалах ташкентского говора и подтверждается данными узбекских говоров Ангренской и Ферганской долин. Примеры из ташкентского говора интересны еще потому, что он выдвигается в качестве опорного при решении вопросов фонетического порядка.

Не настаивая на включении ташкентской формы настоящего времени данного момента в актив морфологических форм литературного языка, подчеркиваем, что форма *кеватмән* и т. п. является прогрессивной, поскольку в историко-фонетическом отношении стоит на одну эволюционную ступень выше, чем ферганская форма *яп—келяпмән* или форма *йатыр* или *жатыр* в языках кыпчакской группы.

Мы не настаиваем на включение в литературный узбекский язык и другой ташкентской формы—*барсамъз > барсауъз* > *барсауъз*, но звуковой анализ этой формы позволяет проследить процесс зарождения и развития оканья в узбекском языке.

Итак, решая вопрос о природе и характере оканья в узбекском языке, мы прежде всего и должны исходить из произносительных особенностей этого говора, хотя сами формы могут и не входить в морфологический актив литературного узбекского языка.

Как показывают материалы ташкентского говора, оканье в нем развивалось двояко.

1) либо в соседстве с билабиальным *В*, напр.: ташк. *барсамъз > барсауъз > барсауъз*, *баравуъз > барауъз*; джек. узбек *кэләжатыр > кэләйатыр > кэләватыр > келәватыр > келәлатыр* (Ср. в ферг. *сәвзә, брәвдәкьдән > совзә, бровдәкьдан*, где отмечается лабиализованный звук на месте переднерядного *А*);

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 8.

2) либо возникает в непосредственном или смежном соседстве с глубокозаднеязычными *К, F, X* в силу их задней артикуляции, например, ташк. *тәрә > тәрәк, қышлә > қышләк, сәнә > сәнәк*.

Ташкентская фонема *А* обладает значительной комбинаторной абберацией между заднерядным *А* и типом *Э*. Своеобразное ее распространение в словах, особенно в первых слогах этимологически различных слов, например: *в ақт, машъна, март, зал* наряду с отклонениями типа *зәғ > зәғә, сән > сәнә, ат > әтә, аһ > әһлә, кар > кә-рәндә*,— дают основания предвидеть здесь более глубокую

перспективу развития фонемы *А* и возможность факторов историко-фонетической эволюции, независимо от дивергенции заднерядного *А* на „иранской“, якобы языковой подпочве.

Теория „иранизации“ фактически не обнимает всей суммы явлений, происходящих в истории сложения того или иного говора, в особенности городского. Мы здесь учитываем и показания Махмуда Кашгарского о том, что самым чистым тюркским языком говорят те племена, которые не знают другого языка и не привыкли к посещению городов.

„Чистоту тюркской речи“ *لهم ترکیه عصته لغه واحده* он отмечает у киргизов, кыпчаков, ягузов, тухси, ягма, джикиль, экрак и жарук. „У знающих два языка и посещающих города в язык проникло смягчение, как например, Сугдак, Кенжак и Аргу“.¹ Сугдак—согдийцы, население Согдианы; Кенжак—жители Восточного Туркестана.

В формировании городских говоров должны прежде всего учитываться внутриязыковые сдвиги, обусловленные законами развития языка. Они вскрываются путем лингвистического анализа конкретных языковых данных. От неверного понимания языковых явлений предостерегает нас И. В. Сталин. Он говорит: „Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит её,—она просто не замечает, или не понимает её“.²

Едва ли приемлемым оказывается и термин „чагатайский“, который прилагается к ведущим узбекским говорам. Этот термин не имеет никакого отношения к современным

¹ Ук. соч., стр. 29.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

узбекским говорам, а связь их с „чагатайского“ периода нам неясна в силу отсутствия каких-либо положительных данных. Потенциал же монгольского языка, сейчас вскры-
аемый на территории Узбекистана, не так уж велик, что-
бы называть именем монгольской династии чагатаев язык, сложившийся задолго до прихода монголов в Мавераннахр. Такое отождествление дает формальный повод выводить современных узбеков из Монголии или усматривать их предков в выходцах из монголов, явившихся на территорию нынешнего Узбекистана с чагатаидами, что в корне неверно и идет вразрез с фактами гражданской истории.

Несмотря на явную несостоятельность, термин „чагатайский“ получил широкое распространение и прилагался к староузбекскому языку XII—IX вв., а позднее — и к современному¹, что дало, видимо, повод называть „чагатайскими“ все узбекские говоры, утратившие гармонию гласных.

Само население не называло свой язык „чагатайским“. Абулгази под *چغتای ترکی* не подразумевал живые народные говоры узбекского языка,² как и не вкладывал такого понимания в выражение *چغتای ایلی*. Мухаммад Салих.³ Из 18 монгольских родо-племенных наименований,⁴ известных нам на территории Узбекистана, только один род носил собирательное название „чагатай“ и составил, видимо, здесь из осколков отдельных родов, как союз сторонников бывшего величия монгольской империи. Стремление продолжить эти традиции нашло свое выражение в деятельности „чагатай гурунги“, реакционно-националистическая сущность которой была в свое время вскрыта и разоблачена.⁵

„Чагатай гурунги“ пыталась решить вопросы узбекского языка в диаметрально-противоположном плане тому, который сейчас выдвигается при установлении основы национального узбекского языка — литературного и разговорного стандарта общенационального значения. Этот вопрос продолжает быть актуальным со дня национально-государственного существования Узбекистана вплоть до наших дней.

¹ Ср. у Вамбери в его *Sagataische Sprachstudien*, 1867, S. 1—2, 4—5.

² Изд. Демезона, стр. 37, перевод Сиблюкова (Казань, 1914), стр. 33.

³ Мухаммад Салих, Шейбани-намэ, изд. П. М. Мелиоранского, 1908, стр. 75, 211.

⁴ По материалам переписи 1926 г.

⁵ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, „Язык и мышление“ т. II, Л., 1934, стр. 73—97; он же, О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка, Записки ИВ АН СССР, т. VI, Л., 1937, стр. 61—95.

Мы не будем останавливаться на истории его, но подчеркнем, что борьба за подлинно социалистический путь развития литературного узбекского языка обязала приступить к научному исследованию процесса его развития.¹ В результате действительность оказалась сильнее всякого рода домыслов. Узбекские городские говоры явились преобладающим началом в развитии литературного и разговорного стандарта. На городской диалектной базе и складывается современный узбекский язык. Говорящие уже подчиняются литературной норме, подраживая свою речь под её требования. Единообразие и устойчивость в области произношения, грамматического строя, лексики ведут к точности и ясности языка — этого важнейшего средства человеческого общения. А литературный язык как раз и есть средство общения наиболее широких общественных кругов на всей глубине узбекской территории.

Однако и данный стандарт национального значения нуждается в уточнениях, поскольку он не равен ни одному из ведущих говоров в отдельности. Этим и объясняется тот разноречивый, который имеет место в правописании отдельных слов и в использовании некоторых морфологических категорий.

Вопрос о необходимости выделения одного опорного говора из суммы ведущих неоднократно поднимался в печати. Опорным пунктом должен считаться именно Ташкент, как центр политической, экономической и культурной жизни республики. С учетом фонетических особенностей ташкентского говора и может быть окончательно установлена совокупность нормированных средств языкового общения. Он должен определить основные пути развития и общее формирование письменного и устного стандарта. Конечно, это не означает, что все неташкентское, закрепившееся в литературном языке должно быть из него изгнано. Такая постановка в корне неверна — все ферганские морфологические формы в нем остаются.² Дело касается уточнения орфографо-орфоэпических норм: они должны быть решены в пределах произносительных особенностей ташкентского говора. Только таким путем мы сможем ликвидировать тот разноречивый в узбекской орфографии, который дает себя чувствовать вот уже в течение де-

¹ Ср. исследование на материале русского языка — доц. С. И. Ожегов, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, вып. 1, 1951.

² В основу литературного языка должны лечь ташкентский и ферганский говоры — ташкентский в своей фонетической части, а ферганский — в морфологической.

сяти лет. От разговоров о неточностях в узбекской орфографии нужно перейти к делу.¹

В связи с этим необходимо усилить диалектологические работы в кругу ведущих говоров, очистив узбекскую диалектологию от тех терминов и выражений, которые дают повод неправильно понимать как вопросы этногенеза узбекского народа, так и диалектное разнообразие узбекского языка.

А. ИСКАКОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Величайший корифей науки И. В. Сталин в своей классической работе „Марксизм и вопросы языкознания“ не только положил конец той неразберихе, которая царила в советской науке о языке, но и дал исчерпывающие, предельно ясные ответы по основным вопросам языкознания. Эта гениальная работа И. В. Сталина знаменует начало нового этапа в развитии советского языкознания. Блестяще и творчески применяя принципы марксизма к решению сложнейших теоретических вопросов сущности и развития языков, И. В. Сталин дал глубокое научное решение основных теоретических проблем как общего, так и частного языкознания.

Среди основных проблем языкознания, которые нашли выражение и обоснование в гениальной работе И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, особое место занимает проблема изучения основы языка. Согласно учению И. В. Сталина, „...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“.¹ Эти характерные признаки языка сложились в течение ряда эпох, поэтому они наиболее устойчивы и отличаются друг от друга не только языки разных систем, но и языки одной семьи.

„...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет ещё языка,—он скорее всего является строительным материалом для языка“², для его грамматического строя.

До выхода в свет основополагающих работ И. В. Сталина не были разрешены основные вопросы грамматики, а именно: сущность грамматики, состав грамматики (ее основные

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 26.

² Там же, стр. 23.

¹ В. Решетов, За творческое развитие языкознания в Узбекистане, „Комсомолец Узбекистана“ от 12 октября 1950 г.

разделы и их взаимоотношение), объект грамматики, задачи грамматики. Все эти основные вопросы получали разное решение в зависимости от различных направлений в языкознании и от различного подхода к исследуемым явлениям языка. В классических же трудах И. В. Сталина по языкознанию определены отличительные черты грамматики, ее состав и задачи.

Согласно учению И. В. Сталина, объектом грамматики является слово и словосочетание, так как грамматика „...определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придаёт языку стройный, осмысленный характер“.¹ Этим определен и состав грамматики, ее разделы: морфология есть учение о форме слов, синтаксис есть учение о форме соединения слов, ибо „Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении“.² Следует отметить, что задача грамматики—изучение форм слова и предложения „без какой-либо конкретности“. А это значит, что слово и предложение должны быть изучены и в структурном отношении, то есть в отвлечении от их конкретного значения, и таким образом должны быть установлены общие правила изменения слов и сочетания слов в предложении. „Отличительная черта грамматики,—учит И. В. Сталин,—состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она даёт правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения..., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы“.³

Эти гениальные указания И. В. Сталина о грамматическом строе языка дают лингвистам ключ к пониманию сложнейших вопросов языка и языкознания и служат теоретической и методологической основой для исследования проблем морфологии и синтаксиса каждого, конкретно взятого языка.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 23.

² Там же, стр. 23—24.

³ Там же, стр. 24.

Теперь, руководствуясь основополагающими указаниями И. В. Сталина, стало возможным устранение всяких препятствий, мешавших изучению грамматического строя языка, стало возможным освобождение от марровской антимарксистской теории, поставившей на место грамматики семасиологию, базирующуюся на четырехэлементном анализе, и от его же концепции о том, что фонетика является техникой для морфологии, а морфология техникой для синтаксиса, тем самым растворявшей морфологию в синтаксисе и в конечном итоге отрицавшей вообще грамматику как создание „идеалистически-формального научного мировоззрения“¹. Н. Я. Марр и его последователи, пренебрегая морфологией, объявили синтаксис отправным пунктом грамматики и тем самым нанесли серьезнейший ущерб изучению вопросов морфологии и практике школьного преподавания.

Изучение формы Н. Я. Марр и его последователи считали формализмом, а лиц, исследовавших ее,—формалистами. И. В. Сталин указал, что „это и вовсе глупо“ и что „формализм“ выдуман авторами „нового учения“ для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании“².

Сталинское учение о грамматическом строе языка открывает нам широкие возможности для глубокого изучения языка. Известно, что структурный анализ дает возможность понять специфику языка, вскрыть внутренние законы развития языка, выявить отличительные черты не только различных языков, но и одного и того же языка в разные периоды его развития.

Грамматика как наука на всем протяжении своего существования, с древнейших времен до наших дней, не получала столь глубокого и научного определения, какое дал ей И. В. Сталин. „Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления“³.

В соответствии с этими предельно ясными положениями сталинского учения о грамматическом строе языка должно устанавливать грамматические категории каждого языка, исходя из конкретного языкового материала, а не по принципам единой всеобщей грамматики.

Правильная классификация частей речи любого языка (или семьи языков) значительно облегчает изучение грамматического строя данного языка (или данной семьи язы-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 374.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 42.

³ Там же, стр. 24.

ков). Поэтому традиционно принято, что классификация частей речи какого-либо конкретного языка (или семьи языков) обычно связывается с составлением грамматики данного языка (или семьи языков). Известно, что принципы классификации частей речи по мере развития лингвистической науки вообще и по мере накопления материала, изучения и обобщения фактов конкретно взятого языка (или семьи языков) пересматривались и изменялись. Не излагая здесь историю вопроса, ограничимся лишь ссылкой на некоторые авторитетные источники, где данный вопрос, хотя и вкратце, но в достаточной мере освещен.¹

Итак, как в описательных, так и в практических школьных грамматиках тюркских языков, в том числе казахского, узбекского, киргизского, туркменского, татарского, башкирского, каракалпакского, уйгурского и других, твердо укоренилось деление слов на восемь грамматических групп, а именно: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, служебные слова (последоги, союзы и частицы) и междометия. Следует отметить, что те же части речи насчитывал и Иосиф Гиганов в своей грамматике татарского языка, изданной в Санкт-Петербурге ровно 150 лет тому назад (1801 г.), и авторы грамматик тюркских языков, составленных в последующий период.²

Кроме того, за редким исключением, в абсолютном большинстве этих грамматик отдельные категории частей речи получают более или менее подробную характеристику (определение) лишь с точки зрения лексико-семантической, а характеристика (определение), обрисовывающая синтаксические функции этих частей речи, абсолютно аннулирует характеристику лексико-семантическую, так как для тюркских языков незыблемое правило русской грамматики, что имена существительные в предложении служат подлежащими и дополнениями, не приемлемо. То же самое можно сказать в отношении синтаксических функций и других частей речи, например, в казахском языке из двух рядом

¹ А. К. Боровков, О частях речи в языках тюркской системы, Революция и письменность, сб. 2, М., 1936; Н. Т. Сауранбаев, Части речи в казахском языке и об их классификации, журн. „Халық Мұғалімі“, № 21, 1939.

² А. Казембек, Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846; Грамматика алтайского языка, Казань, 1869; М. Терентьев, Грамматика турецкая, киргизская, узбекская и персидская, СПб, 1875; П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб, 1894; то же, ч. II, 1897; Грамматика киргизского языка, Оренбург, 1897; то же, второе изд. 1906; С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, Алма-Ата, 1944, и др.

стоящих существительных первое, не изменяясь, выполняет функцию определения. Сравним сочетание *калта сағат* — карманные часы и сочетание *сағат калта* — часовой карман, или же функцию слова *жақсы* в предложении *жақсы оқушы жақсы оқайды* — хороший ученик хорошо учится, где слово *жақсы* перед существительным выступает в качестве определения, а перед глаголом — в качестве обстоятельства образа действия и т. д.

Что касается морфологической характеристики, то она отдельным частям речи либо не дается, либо дается приблизительно такая: „имена существительные склоняются, а глаголы спрягаются“.

Такая морфологическая характеристика частей речи настолько путает учащихся, что читая предложения типа *жақсыдан улгі ал* — от хорошего человека пример бери или *сіз жақсыз* — вы хороши, учащийся остается в полном недоумении и при разборе предложения не может отнести те или иные слова к определенной части речи.

Учебники казахского языка такого рода грамматическими правилами доводят учащихся до того, что они по окончании школы не могут отличать существительное от прилагательного, прилагательное от наречия, наречие от междометия и т. д. Представьте себе, что в школе на очередных уроках казахского языка проходя с учащимися категорию имен существительных, объясняют, что существительные обозначают названия предмета; морфологически они склоняются по падежам, принимая аффиксы притяжательности, множественности, сказуемости; синтаксически выступают в функции подлежащего, дополнения и т. д. А спустя определенное время, на последующих уроках, согласно программе, учитель проходит категорию имен, прилагательных. Давая определение прилагательным с лексико-семантической и синтаксической сторон, он ни слова не говорит об их морфологических признаках. Мало того, в процессе прохождения этой категории тут же дается правило: „В казахском языке прилагательные относительные определяются их местом в предложении, то есть из двух рядом стоящих существительных первое является прилагательным (*ағаш үй* — деревянный дом, *куміс сағат* — серебряные часы). При этом относительные прилагательные не принимают падежных и иных приставок. Например: *ағаш үйде* — в деревянном доме, *ағаш үйдін* — из деревянного дома, *шай қасық* — чайная ложка, *шай қасықпен* — чайной ложкой; *куміс қасығым* — моя серебряная ложка и т. д.¹

¹ С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, Алма-Ата, 1947, стр. 41.

Через определенный промежуток времени учитель проходит с учащимися другую категорию—наречия, причем эта категория явно смешивается с категорией прилагательных. Приведем примеры: „Отдельные наречия в казахском языке,—читаем мы в учебнике,—в зависимости от словосочетаний в предложении (от контекста), могут играть роль прилагательных, то есть разница между такими наречиями и прилагательными носит чисто синтаксический характер. Например: *мен бір жақсы кітап сатып алдым*—я купил одну хорошую книгу (в этом предложении слово *жақсы*—прилагательное); *мен мектепте жақсы оқыймын*—я хорошо учусь (в этом предложении слово *жақсы*—наречие); *ұзақ жер*—далекие места (слово *ұзақ*—прилагательное); *ол ұзақ сөйледі*—он долго говорил (*ұзақ*—наречие) и т. д.“¹

Или же возьмем другую категорию—категорию служебных слов, о которых в учебнике читаем следующее: „Служебные слова не имеют самостоятельного значения; они лишь уточняют (дополняют) значение отдельных слов и показывают связь между этими словами и предложениями. Служебные слова относятся к неизменяемым частям речи“².

После таких правил обычно в учебниках служебные слова делят на послелогии, союзы и частицы, причем к числу наиболее употребительных послелогов причисляют слова, изменяемые так же, как и имена существительные типа *астында, астынан, астына; ішінде, ішінен, ішіне* и другие. Их причисляют к категории послелогов лишь по той причине, что они частично по значению и полностью по функции соответствуют русским предлогам, употребляемым в сочетании с соответствующими русскими падежами. Несмотря на наличие специальной работы, посвященной изучению особенностей такого рода слов в тюркских языках,³ несмотря на признание их самостоятельной категорией и на включение их в состав грамматических категорий⁴ в наших учебниках они трактуются неправильно. Мы полностью разделяем взгляды Н. К. Дмитриева и А. Н. Кононова и считаем необходимым не только признать, но и „паспорти-

¹ С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, Алма-Ата, 1947, стр. 96.

² Там же, стр. 98.

³ Н. К. Дмитриев, Служебные слова в турецком языке, Советское языкознание, т. III, 1937.

⁴ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 188; он же, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 228—233; А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 78—92.

зовать“ эту самостоятельную и своеобразную категорию во всех типах учебников тюркских языков¹.

В учебнике казахского языка читаем, что: „междометия, как и наречия, относятся к категории неизменяемых слов; они выражают чувства или переживания (радость, восторг, удивление, возмущение, страх, боль, горе, сожаление и т. д.)“. А когда для этих грамматических правил приводятся примеры, то к наиболее употребительным междометиям причисляются образно-подражательные слова, абсолютно не соответствующие этому правилу, например, типа *дүңк, дүңк-дүңк, сатыр-сұтыр, бұрк-сарк, қарқ-қарқ* и другие, которые в казахском языке, так же как и во всех тюркских языках, составляют особую категорию слов.

Следует оговориться, что изучением вопросов этой категории слов занимался известный тюрколог, покойный профессор Ашмарин, занимался профессор Н. К. Дмитриев, занимался также и проф. Н. А. Баскаков, которые называют эти слова „категорией звукоподражания“, категорией „мимемы“ и т. д. Однако недостаток заключается в том, что все эти ученые указанную группу слов относят к междометиям. А наши наблюдения, то есть наблюдения над фактами казахского языка, глубоко убеждают нас в том, что слова типа *кілт, сылт, сырт-сырт, бұлаң-бұлаң, сылақ-сылақ* и другие, как уже было сказано, являются совершенно самостоятельной категорией, не имеющей ни генетической, ни смысловой (лексической), ни структурной, ни по функции связи с категорией междометий, не только в казахском языке, но и во всех тюркских языках².

Эти недостатки в классификации частей речи в казахском языке, так же как и в других тюркских языках, новы. Они существуют в отечественной тюркологической науке в продолжение полутора веков, если признать грамматику татарского языка И. Гиганова первой более или менее систематизированной описательной грамматикой одного из языков этой системы. Если же историю вопроса начинаем с „Общей грамматики турецко-татарского языка“ Казембека, то и этот промежуток времени составляет больше столетия.

В течение этого большого периода времени составлялись то общие, то отдельные грамматики тюркских языков. Изучение категорий частей речи начиналось и развивалось в тесной связи с изучением этих языков и составлением

¹ А. И ска ков, Кодекій есім туралы, журн. „Халық мұғалімі“, № 9, 1948.

² А. И ска ков, Еліктеуіш сүздер туралы, журн. „Халық мұғалімі“, № 8, 1948.

грамматик по ним. Наличие грамматической категории частей речи признавалось всеми исследователями, но почти все они находились в плену искусственно воздвигнутой схемы, которая приводила к недооценке специфических особенностей грамматического строя тюркских языков в целом и каждого из них в отдельности. Если не все, то абсолютное большинство исследователей как дореволюционного, так и послереволюционного периода прикладывало и прикладывает к этим языкам схемы исследования других языков, тем самым искусственно подгоняя их к нормам языков иной системы (например, индо-европейских) и рабски подражая исследованиям этих последних. Даже такой крупный знаток тюркских языков и тонкий лингвист как покойный профессор П. М. Мелиоранский при описании частей речи в этих языках сформулировал свои грамматические правила весьма осторожно: например, „Имена прилагательные часто употребляются в смысле наречий без перемены формы“ или „Имена прилагательные ... в киргизском языке формально не отличаются от существительных“.¹

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры. Казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены и каракалпаки, как и многие другие народы под руководством партии Ленина — Сталина, при поддержке великого русского народа, впервые в своей истории не только политически и экономически окрепли, но и превратились в новые социалистические нации. В связи с этим роль национального языка возросла как никогда.

Разработка грамматики родного языка в каждой национальной республике с тюркоязычным населением стала актуальнейшей проблемой со дня установления Советской власти. Необходимо было обеспечить школы, курсы, техникумы учебниками по родному языку. На первых порах на основе описательных и иных трудов дореволюционных тюркологов создавались такие пособия для школ по родному языку, а в дальнейшем разрабатывались отдельные проблемы грамматики. В результате этого во всех национальных республиках сейчас есть учебники по родному языку для начальных, семилетних и средних школ, включая педучилища; видные русские ученые-тюркологи и выросшие за время Советской власти лингвисты из местных национальностей начали работу по составлению науч-

¹ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1.

ных грамматик национальных языков для высших учебных заведений.

За это же время были составлены и изданы на русском языке описательные грамматики отдельных тюркских языков. Эти грамматики как по охвату материала, так и по научному анализу выгодно отличаются от уже упомянутых нами дореволюционных трудов. Разработка проблем грамматики в этих работах принимает более обобщенный и более современный характер. И вот теперь, освободившись от угнетающего влияния „нового учения о языке“, пора вспомнить о недостатках, которые существуют в изучении грамматического строя тюркских языков, пора пересмотреть вопрос квалификации частей речи в этих языках. Это вытекает из настоящей нужды упорядочения практики школьного преподавания.

Наши ведущие тюркологи за последние 10—15 лет неоднократно поднимали вопрос о классификации частей речи в тюркских языках¹. Тем не менее, многие наши лингвисты-тюркологи продолжают освещать вопросы частей речи, как в учебниках, так и в исследованиях, по-старому.

О необходимости пересмотра вопроса классификации частей речи в тюркских языках убеждают и высказывания авторитетных русских ученых. Еще в прошлом веке крупнейший русский лингвист И. А. Бодуэн де-Куртенэ писал, что „Видеть в известном языке без всяких дальнейших особенностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав... Следует брать предмет исследования таким, каким он есть, не навязывая ему чуждых ему категорий“.² Другой крупный ученый, ныне покойный академик Л. В. Щерба в работе, посвященной вопросам о частях речи в русском языке, писал: „В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категорий „частей речи“ вообще..., и мало говорят о том, что и сами категории могут значительно разниться от языка к языку, если подходить к каждому из них, как к совершенно автономному, и не рассматривать его сквозь призму других языков“.³ Да-

¹ А. Боровков, О частях речи в языках тюркской системы, стр. 90—9; Н. Сауранбаев, Части речи в казахском языке и об их классификации, стр. 67—77; Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка.

² И. А. Бодуэн де-Куртенэ, Некоторые замечания о языковедении и языке, СПб, 1871, стр. 26—27.

³ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, Сб. „Русская речь“, новая серия, II, Л., 1928, стр. 5—6.

лее: „В вопросе „о частях речи“ исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой... какие общие категории различаются в данной языковой системе“.¹

Бесспорно, что „навязывание“ тюркским языкам „чуждых им категорий“ и „рассматривание их сквозь призму других языков“ очевидны. Мы должны и обязаны „разыскивать“ для этих языков такую классификацию, которая „особенно настойчиво навязывается самой языковой системой“. В этом плане мы полностью солидарны с мнениями неоднократно уже упомянутых советских тюркологов—Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова и Н. Т. Сауранбаева, настойчиво требующих пересмотра данного вопроса.

Мы не предлагаем при этом какого-либо нового принципа классификации частей речи в этих языках. В языкознании имеется общепризнанный, общепринятый и известный принцип классификации частей речи по совокупности трех признаков: лексико-семантического значения, формально-морфологического показателя и синтаксической функции слов. Этот же принцип вполне приемлем и для классификации частей речи в тюркских языках. Однако в тюркских языках при отнесении какого-либо слова к определенной части речи мы должны принимать во внимание прежде всего лексико-семантическое значение слова и его морфологический показатель, а не синтаксическую функцию слова, роль которой чересчур преувеличивалась до сих пор и преувеличивается и сейчас. Нужно сказать, что все те трудности, которые встречаются при отнесении какого-либо слова к определенной части речи, связаны с преувеличением именно синтаксической функции слова. В тюркских языках любое слово, кроме слов, относящихся к категории служебных слов и междометий, в зависимости от занимаемой позиции в контексте (и в связи с этим от интонации в устной речи), а также благодаря сильной развитости явлений субстантивации, адъективации и адвербиализации отдельных частей речи, может выступать любым членом предложения. Сравните, например, функции прилагательных в следующих казахских пословицах-предложениях: *жаман—жақсының таразысы*—плохое—мерило для хорошего; *жақсыдан қашпа, жаманға баспа*—не избегай хорошего, не подходи (близко) к плохому; *ескіге жаңа өлшеуіш*—новое—мерило старому и т. д. В отдельных случаях субстантивируются даже и служебные сло-

ва и междометия, например: *Даның қызметі аса қушті* (вместо: *да'шылаушының қызметі аса қушті*), *ойпырмаайық-ды қой* и другие.

К этому следует добавить, что в силу развитости субстантивации, хотя она и не чужда любому языку, в казахском языке, так же как и во всех тюркских языках, очень мало слов, которые не приняли бы в нужных случаях аффиксов склонения, притяжательности и множественности. Точно так же в казахском языке почти нет слов, которые не приняли бы лично-предикативных окончаний, если они будут выступать сказуемыми в предложении (сравните: *мен инженермін, мен улкенмін, мен кіммін? мен осындамын, мен келгенмін, мен келермін* и др.); отсюда грамматическое правило, что „имя существительное склоняется, глагол спрягается“, также является не совсем приемлемым для тюркских частей речи, а если и приемлемо, то весьма условно. Следовательно, не только при отнесении какого-либо слова к определенной части речи, но и при изучении ряда других вопросов грамматики тюркских языков, в том числе казахского, нельзя не учитывать особенностей грамматического строя, сложившихся согласно внутренним законам, изучение которых, по указанию И. В. Сталина, является главной задачей языкознания.

При установлении синтаксических функций слова, относящегося к той или иной части речи, следует обращать внимание на выяснение того, во-первых, каким членом предложения является оно, во-вторых, с какими частями речи оно сочетается и, в-третьих, местоположение его в предложении. Такое изучение синтаксических функций слов даст возможность брать то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строить из него грамматические правила, вытекающие из тех же внутренних законов, которые действуют как „результат длительной, абстрагирующей работы“ языкового мышления этих народов.

Таким образом, те трудности, которые возникают при различении частей речи в тюркских языках, происходят из-за недоработанности критериев различения частей речи вообще и в особенности из-за преувеличения синтаксических функций слова.

Мало того, пренебрежение морфологическими формальными показателями отдельных частей речи в этих языках еще более осложняет различие их друг от друга.

При попытке установления внешних формальных признаков отдельных частей речи в тюркских языках, в том числе и в казахском, обычно рассматривают их сквозь призму русского и других языков индо-европейской системы. Не

¹ Л. В. Щербач, Цит. соч., стр. 6.

обнаруживая в них таких внешних показателей, сходных с таковыми в указанных языках, некоторые лингвисты приходят в отчаяние и задают альтернативный вопрос: „есть ли в этих языках части речи?“ И на основании того, что, например, „... на одну и ту же букву (вернее на один и тот же звук — А. И.) может оканчиваться по значению и существительное и прилагательное ...“¹ что „имена существительные и прилагательные... по значению... весьма часто совпадают, кроме того, и падежные окончания, и окончания множественного числа, и притяжательные местоименные аффиксы принимают одинаково как существительные, так и прилагательные...“² что „... из двух рядом стоящих существительных первое является прилагательным (*ағаш үй* — деревянный дом, *күміс сағат* — серебряные часы)³, что „... число прилагательных, принимаемых как наречия, очень значительно“⁴ или же „... разница между ... наречиями и прилагательными носит чисто синтаксический характер...“⁵ и так далее, некоторые исследователи сомневались прежде и сомневаются сейчас, есть ли в тюркских языках такие части речи, как прилагательные, наречия и другие, а некоторые из них просто отказывают в существовании, например, категории имен прилагательных как самостоятельной части речи.⁶ При этом обычно ученые исходят или из синтаксической функции слов или из отсутствия таких внешних признаков, какие есть, например, во флективных языках.

В тюркских языках, в том числе и в казахском, прилагательные формально, внешне не обособлены от наречий, как не обособлены они внешне и от существительных. Вообще такая внешняя, формальная недифференцированность частей речи не должна смущать, так как формальные, морфологические показатели каждой категории слов — частей речи в тюркских языках выражаются не чисто внешне-звуковой стороной коренных слов, как, например, в русском языке, а специальной лексико-грамматической формой, свойственной каждой отдельной категории слов — частей речи. К таким формальным, морфологическим показателям отдель-

ных частей речи в казахском языке можно отнести следующее:

1. Категории существительных свойственна изменяемость по падежам, числам и лично-притяжательной форме, например: *инженерге* (напр. пад.), *инженерден* (исходн. пад.), *инженердін* (родит. пад.), *инженерлер* (мн. число), *инженерім*, *инженерің*, *инженері* (лично-притяжательные формы) и т. д.¹

Кроме этих трех словоизменяющих форм, существительные имеют также и специальные словообразующие аффиксы, которые и дополняют характеристику их внешних признаков², например: *құрылыс*, *ондіріс*, *жақсылық*, *колхозшы*, *үйшік* и т. д.

2. Категории прилагательных свойственны следующие показатели: показатели степеней сравнения, обнаруживающиеся в присоединении препозиционных слоговых форм интенсификации (*сап-сары*, *кеп-кен*, *ап-ала*), постпозиционных аффиксов *рак-рек* и *лау-леу* с его фонетическими вариантами (*сарырақ*, *кекірек*, *аларак*, *сарылау*, *кеңдеу*, *ала-лау*), сочетания прилагательных с усилительными наречиями (*асасары*, *оте малды*, *тым үлкен*, *тіпті ұйқышыл*, *ең*, *жақсы* и т. д.) и специальные словообразующие аффиксы прилагательных от других частей речи (*малды*, *малсыз*, *малшыл* и др.).

3. Категория числительных имеет специальный аффикс *шы—ші* (*ыңшы—інші*), который, присоединяясь к количественным числительным, образует порядковые (*алтыншы*, *бірінші*).

4. Категория местоимения не вызывает особых сомнений, ввиду своей отвлеченности. Местоимениям свойственны формы соответствующих других категорий, в роли которых они и выступают.

5. Категории глагола свойственна богатая система аффиксов, например, аффикс отрицательной формы (*барма*, *келме*), аффикс условной формы (*барса*, *келсе*), аффиксы причастных и деепричастных форм, выражающие различные видо-временные оттенки, которых нет в других частях речи (*барған*, *келген*, *барар*, *келер*, *барғалы*, *келгелі*, *баратын*, *келетін*, *барып*, *келіп*, *барды*, *келді*), и многие другие.

6. Категории наречий свойственны прежде всего омертвелые, застывшие формы, исторически когда-то принадлежавшие к именным и глагольным основам, благода-

¹ Грамматика алтайского языка, Казань, 1869, стр. 19.

² Н. В. Катанов, Опыт исследования ..., Казань, 1903 г.

³ С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, Алма-Ата, 1947, стр. 41.

⁴ Казембек, Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846.

⁵ Там же, стр. 96.

⁶ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945.

¹ Более подробно об этом в цитированной статье А. Боровкова, стр. 92—93.

² Там же, стр. 93.

ря которым они (наречия) несклоняемы или частично склоняемы, и то по адвербиальным падежам, и не принимают аффиксов сказуемости. Эти наречия в звуковом отношении совпадают с теми частями речи, из числа которых выделились *тысқары, шалқасынан, ақдаусызда, әріде, ертекінде, қайта, қайта-қайта, сұрай-сұрай, жата-жастана, асықпай-саспай, кірмей-білмей, айтып-айтып* и другие. Сюда же следует отнести и некоторые специальные аффиксы, образующие наречия от других категорий (*менінше, сонша, балаша, стахановша, танктайын, аттайын* и др.¹

7. Образно-подражательные слова в казахском языке, так же как и в других тюркских языках, составляют особую и весьма своеобразную категорию, не изменяющуюся в прямой форме ни по одной из известных в тюркских языках четырех словоизменяющих групп аффиксов (падежные аффиксы, лично-притяжательные, аффиксы множественности и сказуемости). К ним относятся вполне лексически самостоятельные две группы слов, которые вступают в синтаксическую связь с другими словами без особой формы и всегда выступают в предложении в качестве обстоятельства образа действий. Одна из этих групп служит названием разнообразных звуковых впечатлений, полученных от внешнего мира в результате слуховых восприятий (*қарқ-қарқ, сарт-сарт, самбыр-кумбір, салдыр-гулдір, кумбір-кумбір, сырт-сырт, тырс-тырс*). Другая группа служит названием разнообразных зрительно-образных впечатлений (качеств), полученных в результате зрительно-образных восприятий (*қалт-кілт, сылқ-сылқ, желп-желп, жалп-жұлп, бұлан-бұлан, қалбаң-құлбаң, қалтақ-құлтақ* и т. д.). В школьных учебниках эти группы слов по недоразумению включаются в разряд междометий, хотя ни в каких отношениях не имеют связи с ними.

8. Слова, относящиеся к категории междометий, не имеют определенных морфологических форм или показателей. Они не вступают в синтаксическую связь с другими словами в предложении, а также не служат ни главными, ни второстепенными членами предложения. Их значения уточняются, становятся ясными лишь в связи с контекстом. Они являются словами, выражающими разнообразные субъективно-чувственные и эмоционально-волевые изъяснения, и поэтому обычно их даже не считают полноценной грамматической категорией. Однако при всем этом они все же играют существенную роль в речи, давая

¹ Подробнее об этом в работе А. Искакова, Наречие в современном казахском языке, Алма-Ата, 1950.

разнообразную окраску высказываемой в предложении мысли, а иногда даже употребляются в виде нерасчлененного целого предложения¹.

9. Категория служебных слов представляется значительно шире, чем это освещено в грамматиках тюркских языков описательного характера. Следует отметить, что все лексико-грамматические средства, объединяемые под это название, независимо от того, являются ли они послелогами, союзами, частицами и т. д., исторически восходят к первоначальному лексически самостоятельным словам-корням. Можно предположить, что такой процесс развития слов в языке выработался в ходе развития самой основы языка, то есть основного словарного фонда и грамматического строя, согласно „внутренним законам развития языка“, и по линии морфологии и по линии синтаксиса, в тесном их взаимодействии. Только этим можно объяснить специфику некоторых служебных слов, совершенно утративших свои первоначальные лексические значения и перешедших всецело в синтаксические средства, как, например, *да* с его фонетическими вариантами в казахском языке в предложениях: *мен де мектепке келдім, қоқрау да соғылды; мен айттым да отырдым, ол тыңдады да отырды; сен де жүр, бірге барайық* и т. д., где они выполняют не только простую роль связи, но и выражают семантико-грамматическую функцию. Этим же можно объяснить и причину того, что часть служебных слов ослабила свои первоначальные лексические значения, сохранив в себе какую-то долю из них, и формы, свойственные им в прошлом (ср., напр., семантику и форму слов *алдында* и *жаздады* в казахских предложениях: *терезенің алдында кісі отыр; кісі жығылып қала жаздады*). Внутренними же законами развития языка можно объяснить причину того, что в казахском языке одно и то же слово *әрі* в одном случае выступает как лексически самостоятельное слово, относящееся к категории наречий (*сен әрі кет*), в другом—выступает как послелог, употребляющийся с полнозначным словом в исходном падеже (*бұдан әрі оқыма*), в третьем—оно выступает как союз, связывающий элементы предложения (*әрі жел соқты, әрі қар жауды*), и, наконец, то же самое слово *әрі* в таких сочетаниях, как *қойшы әрі*—брось-ка, *қойықшы әрі*—бросьте-ка, имеет тенденцию перейти в совершенно другую, новую категорию, несколько приближающуюся к русской частице „ка“ (читай-ка).

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 30—31. Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 48—50.

Из всего сказанного видно, что как формы, так и семантика, а следовательно и функции служебных слов в казахском языке не одинаковы. В зависимости от этого их можно делить на три группы: служебные имена, служебные глаголы и служебные частицы речи.¹

Все эти слова с точки зрения лексической являются неполноценными словами, то есть их реальные (вещественные) значения или ослаблены или же всецело утрачены и, в связи с этим, они несут служебные функции. В зависимости от того, насколько каждая из этих групп сохранила элементы своего первоначального реального значения и первоначальной их функции, формы проявляются в языке также различно. Например, служебные имена и служебные глаголы не только ближе друг к другу по функции, но очень сходны и в смысле сохранения семантических оттенков, хотя бы ослабленных, и в смысле сохранения за собой форм тех групп знаменательных слов, из среды которых они выделились и перешли в другую категорию. Речь идет о том, что если служебные имена являются именами с ослабленными реальными значениями, сохранили способность принимать аффиксы склонения, множественности и лично притяжательные аффиксы и выполняют служебные функции,² то служебные глаголы тоже являются глаголами с ослабленными реальными значениями, сохранили способность изменяться по тем же формам, по которым изменяются настоящие основные глаголы, и выполняют служебные функции (ср., например, *терезенің алдында, уй ішіміз, келе алмады, келе алған жоқ* и т. д.).

Оговоримся, что как сочетание служебных имен с существительными (или субстантивированными словами), так и сочетание служебных глаголов с основными глаголами при синтаксическом разборе в школе должны быть определены как один (составной) член предложения.

Что касается служебных частиц речи, куда входят послелоги, союзы и частицы, то они (сюда не включаем переходные категории слов) не обладают свойствами служебных имен и служебных глаголов. Иначе говоря, служебные части речи—это слова, утратившие свои реальные значения. Они неизменяемы, связочны. Говоря словами академика В. Виноградова: „В них „вещественное“ содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения

тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем“.¹

10. Наконец, несколько замечаний о так называемых **модальных словах**. В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, есть слова, например, *эрине, әсіресе, бәсе, әлбетте, әйтеуір, мүмкін, ықтымал, тиіс, қайсет, бар, жоқ, әгерек, тугіл, емес* и некоторые другие, которые в школьных учебниках не причисляются ни к одной из категорий частей речи. Поскольку такие слова бытуют в языке, они, несомненно, встречаются и в текстах, которые обычно приводятся в учебниках. Хотя учителя при морфологическом разборе просто не упоминают о них, так как эти слова „бесфамильные“ и „беспаспортные“, они все же не минуяют внимания наблюдательных учащихся, которые, обращаясь к учителю, не могут получить от него вразумительного ответа.

Эти слова и по значению и по функции в предложении не являются однородными. Они должны быть изучены, чтобы можно было разобраться в них более детально.

Учение И. В. Сталина о языке дает языковедам неограниченные возможности разрабатывать конкретные вопросы грамматики. Следует надеяться, что и вопросы классификации частей речи в языках тюркской семьи, куда входит и казахский язык, будет, наконец, разрешен.

¹ По терминологии акад. В. Виноградова (см. его книгу „Русский язык“).

² Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М., 1948, стр. 228—229.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 30.

Ж. ДОСКАРАЕВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ КАЗАХСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Дореволюционные исследователи казахского языка (П. И. Ильминский, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский) отрицали наличие диалектов в казахском языке и утверждали, что казахский язык монолитен.

В результате работ Института языка и литературы АН КазССР и ряда организованных им диалектологических экспедиций были накоплены обширные материалы, на основе которых было выявлено наличие диалектов в казахском языке.

При изучении диалектных особенностей казахского языка были поставлены следующие задачи:

1. Выявление основных диалектов казахского языка и их отличительных особенностей, а также установление границ каждой отдельной особенности.

2. Выяснение взаимоотношений и взаимовлияний казахского языка и языков других народов, живущих в Казахстане, а также изучение особенностей языка казахов, живущих вне Казахстана.

3. Выявление словарного богатства устной речи населения, на базе которой сформировался и образовался казахский литературный язык.

4. Выявление языковых особенностей разных групп и коллективов, занятых каким-либо промыслом (рыбным, охотничьим и другими) или работой на предприятиях (горнорудных, нефтедобывающих, угольных и т. д.).

5. Выявление изменения и развития языка, а также процесса сглаживания диалектных особенностей его в период после Великой Октябрьской социалистической революции.

6. Выяснение семантики и истории происхождения некоторых слов и грамматических форм. Некоторые слова и отдельные компоненты парных слов, не употребляющихся в литературном языке, встречаются в диалектах, на-

пример: парные слова *ер-турман* (седло со всеми принадлежностями), *жон-жосын* (буквально — путь и правило); в народном говоре *турман* имеет значение — седло со всеми принадлежностями (*атка турман сал*), *жосын* — переводится, как правило, положение (*шеше алмады осыны табылмады жосыны*).

Слово *биз* (шило) в некоторых районах юга употребляется в форме *бигиз* (прототип этого слова *мигиз*, *мугиз-муйиз* — рог; Теперь нетрудно определить, что *шило* когда-то делалось из рога).

Материал, собранный участниками экспедиций, оформлен и первично обработан. На основе фактических материалов уже написаны и составлены следующие работы монографического типа:

1. Об основных проблемах казахской диалектологии.

2. О некоторых вопросах южного диалекта казахского языка.

3. Особенности диалектов казахского языка.

4. О народном говоре Убаганского и Тургайского районов.

5. Некоторые диалектные особенности Мангистауского района.

6. Употребление аффрикатов в казахском языке.

Учение И. В. Сталина о языке и его диалектах представляет собой яркий образец теоретического развития марксистско-ленинской науки, науки о языке. В работе товарища Сталина советские языковеды нашли исчерпывающие ответы на многие важные и неясные вопросы теоретического порядка и получили ориентацию для своей дальнейшей научно-исследовательской работы.

И. В. Сталин в своих классических трудах подверг исчерпывающей критике марровскую теорию „классовости“ языка, смешивания языка с надстройкой, скрещивания и т. п. Теория „классовости“ языка приводила к отрицанию общенародного и общенационального языка. Поэтому некоторые языковеды пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, а реально существуют „классовые“ диалекты.

И. В. Сталин устранил путаницу в вопросах языка и его диалектов и показал, что „Классовые“ диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда.¹

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 43.

Совершенно иначе обстоит дело с диалектами местными. И. В. Сталин резко отграничивает их от „классовых“ диалектов, придавая местным диалектам весьма большое значение в истории формирования языков. И. В. Сталин говорит, что „Диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки“.¹

Это положение в известной мере относится к диалектам и говорам казахского языка.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания ставят перед казахскими языковедами ряд кардинальной важности проблем. Одной из основных проблем является изучение диалектов местных („территориальных“). Здесь имеется ряд спорных вопросов. Едва ли можно согласиться, что каждый казахский „жуз“ имел свой язык—диалект. Принципы деления диалектов, основанные лишь на этническом составе племенных союзов, каждого „жуза“ в отдельности, не имеют под собой доказывающей силы, так как в этом делении не сделан упор на социально-экономические, исторические и языковые факты, характерные для определения различительных особенностей диалектов.

Фактические материалы, собранные нами, говорят о том, что казахские племена, относящиеся к каждому из „жузов“, не имеют отдельных диалектов. Это положение подтверждается следующими данными:

1. Каждый из „жузов“ не имел определенных территориальных границ. В условиях кочевого хозяйства казахские племена одних „жузов“ часто сталкивались с племенами других „жузов“, поэтому единство казахских племенных союзов нарушалось и они беспрерывно смешивались друг с другом. Например, в южных и юго-восточных районах Казахстана живут с древнейших времен канглы, шанышкылы, уйсуну-дулаты, олбаны, жалайыры — Старшего „жуза“; найманы, кыпчаки, конграты и другие — Среднего „жуза“, а также некоторые племена (джарпассы, табыны и др.) Младшего „жуза“. Подобное явление (смещение) имеет место в районах Центрального Казахстана, где живут не только аргыны, кыпчаки, керей-найманы и другие, но и некоторые племена младшего „жуза“.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Гослитиздат, М., 1950, стр. 43.

Включение в северо-восточный диалект говоров аргынского, найманского, керейского, кыпчакского, конгратского племен не соответствует действительному положению вещей. Обследованные нами говоры конгратского и дулатского племен близки между собой, за исключением некоторых звуковых особенностей, что находится в соответствии с их территориальной близостью и общностью экономической жизни. В диалектологическом отношении особенности разговорной речи конгратского племени представляют собою характер переходного говора.

Говор найманского племени Курчумского, Тарбагатайского, Зайсанского районов Восточно-Казахстанской области и Копальского, Аксуского и других районов бывшей Джетысуйской области не входит в северо-восточный диалект. В течение долгого времени этот говор подвергался влияниям других говоров, в частности жетысуйского, а также влиянию северо-восточного диалекта. Эти влияния отразились на нем неравномерно. Наиболее ярко выражены в говоре найманов южные черты, что находится в соответствии с их территориальным расположением между югом и северо-востоком и общностью экономической жизни данных районов бывшей Джетысуйской области. В народном говоре указанных районов имеются различия, характеризующие особенности и взаимоотношения его с другими говорами юга и севера (или северо-востока). Приведем несколько примеров:

а) *кос* — соха или плуг со всеми принадлежностями и рабочим скотом, *нор* — кучка, *содегей* — отдельно, одиноко, *отау* — стог, *тошала* (*шошала*) — холодный чулан, *косайдау* — пахать землю, *шуркан салу* — буянить, дебоширить, *пысу* (вм. *пису*) — созреть, свариться, *чегу* (вм. *жегу*) — запрягать;

б) наличие чередования *ш, ч, б, п, д, л*, сохранение заднеязычных *г, к* в словах *сугару* — поить, орошать, *ракайласу* (*райласу*) — примериться, и употребление таких слов, как *сыйнкты* (вм. *сыкылды*) подобный, подобно, вроде и др;

в) употребление таких грамматических форм слов, как *ати жонелу* — убежать, *уры қылу* — заниматься воровством, *чығар чығу* — выходить на улицу, *шект* — до, предел.

Эти лексические, семантические, фонетические и морфологические особенности не свойственны говорам севера и запада.

2. Некоторые исследователи считают диалекты за остаток языков родов, племен. Это положение неправильно, ибо язык, по учению И. В. Сталина, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обо-

гащается, развивается, шлифуется. Поэтому нельзя отнести все диалектные отличия языка к говорам родов, племён.

3. Некоторые исследователи языка и его диалектов, не обращая внимания на лексические, грамматические особенности, принимают за основу только фонетические отличия слов. В данном случае имеем в виду концепцию проф. К. К. Юдахина о классификации киргизских диалектов, построенной лишь на учете фонетических особенностей, например, *кысыл* и *кызыл*.

Некоторые формы слов, указанные проф. К. К. Юдахиным, по нашему мнению, не являются диалектной особенностью. Например, выпадение звука *л* в слове *бовайт*. Подобное фонетическое явление имеется и в казахском языке. В действительности же, по учению И. В. Сталина, не только фонетические отличия слов, но и грамматические и лексические особенности имеют важное значение в установлении основных диалектов.

Казахский язык, как язык особой народности, образовался, разумеется, не сразу. Он имеет свою длинную историю. В работах проф. Н. Сауранбаева есть ряд высказываний, подтверждающих образование казахского языка на базе кыпчакского языка.

Язык, как явление социального порядка, развивается не сам по себе. Он не мог появиться раньше формирования племен и их объединения. Отсюда вполне понятно, что история казахского языка тесно связана с историей объединения казахских племенных союзов и их языков в различные периоды существования казахского народа. Существование племенных союзов уйсун и канглов и кыпчакского, а затем узбекского союза племен на территории Казахстана является одним из этапов, подготовивших формирование казахского народа и его языка.

По историческим данным, древние казахские племена имеют в истории своего существования ряд объединений, возникших на определенной социально-экономической базе. К числу их относятся объединение племенных союзов уйсун и канглов, существовавших до образования тюркского каганата (они с древнейших времен обосновались в пределах южной части Казахстана и в Семиречье).

В основе казахского языка лежат племенные языки. История племенных языков начинается с того периода, когда на территории Казахстана образовались племенные союзы уйсун и канглов (III—IV вв.) и кыпчакский союз племён (X—XII вв.)

Изучение языковых особенностей уйсун и канглов имеет большое значение для казахской диалектологии, по-

скольку они принимали ближайшее участие в формировании казахского языка.

В X—XI вв. большинство казахских племен на территории Казахстана вошло в кыпчакский союз.

Слово *кыпчак* как народное название совершенно исчезло, но сохранилось в наименовании многих родов; несомненно, что при образовании целого ряда новых тюркских народностей, в том числе и казахов, ядро составляли кыпчаки.

Не случаен тот факт, что Махмуд Кашгарский в своей книге, написанной в XI веке, даёт названия всех тюркских племён, но в числе их не упоминает древние казахские племена (уйсуни, канглы и др.), исключение составляют кыпчаки.

Из этой книги видно, что кыпчак как объединение тюркоязычных племён (в их числе есть казахские племена) имеет языковые особенности, которые в настоящее время свойственны казахскому языку и его диалектам, например: употребление *дж* вместо *й* в начале слов, *ч* вместо *ш* — *ол чақмақ чақты, чиқты* и др. (в говорах уйсун и канглов — *чақпақ, чақты*), сохранение заднеязычных *қ, ғ* во многих словах и употребление грамматических форм *сы, си* (*ол бизга келаси болды*), *мыш, миш* (*уйга бармыш, келмиш*), *барур* (*ол барур*), *барын кару* (*гару*) и других.

Большинство признаков, указанных Махмудом Кашгарским как черт, свойственных кыпчакскому языку, можно наблюдать в говорах казахского языка.

В XIV—XV вв. в восточной части владений потомков Джучи существовало объединение казахских и других племён (узбекский союз) под названием узбек.

Слово *узбек* возникло лишь в XIV веке. Сначала оно обозначало имя золотоордынского хана, а потом узбеками называлось кочевое население восточной части Золотой орды.

В XV—XVI вв. существовало объединение казахских племён под названием казах, связанное с образованием казахской народности.

История языка свидетельствует, что развитие его сопровождалось массовым переносом названий с одного предмета на другой, и словами *узбек* (в XIV в.) и *казах* (в XV в.) обозначали совсем другие понятия, чем теперь.

Казахский народ в основном сложился из восточной кыпчакской группы племен, живших между Иртышом и Сыр-дарьей, между Уралом и хребтом Алатау, то есть на территории Казахстана.

В письменных памятниках X в. имеются данные о языках кыпчакской группы, которые и являются той основой, на которой сложился казахский язык.

Все это говорит о древности казахского языка, о существовании его не только в XIII—XV вв., но и в X—XII вв.

На современном этапе развития советского языкознания основной задачей является изучение тюркской группы языков народов Средней Азии и Казахстана со всем многообразием их даже самых мелких диалектных отличий, во всей сложности их междиалектных и межъязыковых отношений. Тщательное изучение современных диалектов в свете учения И. В. Сталина о языке, составление диалектологического атласа языков народов Средней Азии и Казахстана, без чего не могут быть построены диалектология, история и научная грамматика этих языков, позволят успешно разрешить задачу полного изучения казахского языка и его диалектов.

Л. В. УСПЕНСКАЯ

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ

И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ

Свободная дискуссия по вопросам языкознания, развернувшаяся в 1950 году на страницах центрального органа нашей партии газеты „Правда“, имела огромное значение как для развития науки о языке, так и для дальнейшего движения вперед всей советской науки. Труды товарища Сталина о языке, являющиеся неопенимым вкладом в сокровищницу марксизма, знаменуют собой начало нового, подлинно марксистского пути, по которому должно пойти советское языкознание. В них с гениальной простотой и ясностью изложены основы марксистско-ленинского учения о языке. Они положили конец всей путанице, во власти которой оказались руководящие круги советской лингвистики и, в первую очередь, ученики и последователи академика Н. Я. Марра, и, ликвидировав „аракчеевский режим“ в советском языкознании, вывели его из тупика, оздоровили его.

Только сейчас стало ясно, насколько несостоятельна была теоретическая основа, на которой строил науку о языке академик Н. Я. Марр и его приверженцы. Товарищ Сталин дал глубокий последовательный анализ всех основных ошибок марровского, или, как его принято было называть, „нового учения о языке“, и доказал, что Марр был только вулгаризатором марксизма, что он опошил эту, единственно верную научную теорию о законах развития природы и общества, что он не понимал сущности марксизма, его творческого характера. Товарищ Сталин разбил на голову положения о надстроечном и классовом характере языка, о стадийном процессе развития языков, основанном на внезапных взрывах, показал полную несостоятельность идеалистического четырехэлементного анализа, подверг подлинно научной критике марровский тезис о том, что скрещивание языков является решающим фактором для образования новых

языков. Он наглядно показал грубые, принципиальные ошибки в высказываниях Марра о природе диалектов и о национальном языке.

Сталинская разработка вопроса о национальном языке, данная им в его трудах по языкознанию, является огромным вкладом в марксистское учение о нации, созданное Лениным и Сталиным, является блестящим примером дальнейшего творческого развития марксизма-ленинизма.

Сталинское учение о языке является цельной, единой системой, отдельные элементы которой тесно связаны между собою. Товарищ Сталин говорит, что „Язык относится к числу общественных явлений... Он рождается и развивается с рождением и развитием общества... Вне общества нет языка“.¹ Отсюда следует вывод о том, что язык и его законы должны всегда изучаться в связи с историей народа, которому этот язык принадлежит. Товарищ Сталин говорит, что язык — явление не классовое, а общенародное, что язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов, следовательно, язык одинаково обслуживает все классы общества, проявляет безразличие к классам. Однако социальные группы, преимущественно верхушечные слои имущих классов, стремятся использовать язык в своих интересах. Они вводят в обращение свои особые слова и выражения, стремясь обособить свой язык, противопоставить его языку народа, который им ненавистен. Так возникают салонные жаргоны, „классовые“ диалекты — „язык дворян“, „язык буржуазии“. Товарищ Сталин говорит, что на этом основании „...некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки“.² Этот вывод, по словам товарища Сталина, является ошибочным, ибо „классовые“ диалекты или жаргоны не являются языками. Они не имеют ни своего отдельного грамматического строя, ни своего особого словарного фонда, и, обращаясь в узкой сфере, лишены перспективы какого-либо развития.

Совершенно иначе рассматривает товарищ Сталин местные, территориальные диалекты. Он резко отграничивает их от „классовых“ жаргонов и придает местным диалектам очень большое значение в истории формирования общенародных и национальных языков. Он говорит: „Диалекты местные („территориальные“), наоборот, обслуживают народные

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 22.

² Там же, стр. 13-14.

массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки“.¹

В свете этого сталинского положения становятся ясны большие задачи, стоящие перед той областью науки о языке, которая занимается изучением местных территориальных диалектов, то есть перед диалектологией.

Наша страна представляет собою великий союз социалистических наций. В союзных и автономных республиках, в национальных краях и областях бурными темпами растет и развивается национальная по форме и социалистическая по содержанию культура. Язык той или иной социалистической нации является одной из основных форм ее национальной культуры. Изучение исторического процесса образования национального языка упирается в изучение местных, территориальных диалектов этого языка. Кроме того, данные, полученные при изучении диалектов, при историческом к ним подходе, дают богатый материал для понимания истории, материальной и духовной культуры народа. Все это свидетельствует о том, насколько актуальна и увлекательна работа диалектолога, какие большие перспективы раскрыло перед советской диалектологией сталинское учение о языке.

В дореволюционной науке господствовало мнение, что таджикский язык и все его говоры являются разновидностями персидского языка. Это, собственно, вытекало из того, что и сам-то таджикский народ рассматривался буржуазными учеными как ирано- или персоязычное население Средней Азии. Старое востоковедение отождествляло таджикский народ с персидским, отрицало его собственную историю, культуру, литературу и искусство. Здесь уместно сказать, что эти взгляды старого буржуазного востоковедения долго жили и в умах некоторых наших ученых, находя свое отражение в пан-иранистских тенденциях при подходе к изучению истории и культуры не только таджикского, но некоторых других народов Средней Азии.

Из представления о том, что таджикский язык является лишь разновидностью персидского, определился и метод его изучения дореволюции, а именно, характеристика особенностей отдельных таджикских наречий по отношению к персидскому языку. Таким образом, изучение таджикского языка до революции шло по пути изучения его диалектов. Чтобы

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 43.

убедиться в этом, достаточно просмотреть положившую начало изучению таджикского языка работу В. В. Григорьева „О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре“, изданную в 1861 году в Казани, которая содержит главы: „Описание диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка“, работу проф. А. А. Семенова „Материалы для изучения наречий горных таджиков Центральной Азии (1900), работы П. Е. Кузнецова „О таджиках Ташкентского уезда“ (1900), „О таджиках Наманганского уезда“, „Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий“ (1915).

Однако отметим, что начало изучению таджикского языка было положено этими русскими учеными и что они первые указали на ряд существенных отличий таджикского языка от персидского, хотя и не называли изучаемый ими язык таджикским.

Работа проф. А. А. Семенова, в которой даны материалы и грамматическая характеристика таджикских говоров Дарваза, не утратила своего значения и до сих пор, так как по языку таджиков этого района опубликованы после нее лишь две небольшие работы: Н. А. Кислякова „Описание говора таджиков Вахио-боло“ (1936) и А. З. Розенфельд „Каратегинские говоры“ (1950).

Перечисленными выше работами в основном исчерпывается все, что унаследовало таджикское языкознание от дореволюционных лингвистов-таджиковедов.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала таджикскому народу право на национальное самоопределение, на государственность, создала все условия для развития таджикской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Советская наука положила начало глубокому всестороннему изучению языка таджикского народа, как одной из форм его национальной культуры.

Начавшееся в Таджикской республике сразу же после ее образования интенсивное языковое строительство поставило перед таджикским языкознанием целый ряд неотложных задач. Необходимо было разработать вопросы латинизации алфавита, вопросы орфографии, терминологии, создать учебники по таджикскому языку для начальной и средней таджикской и русской школ, для вузов, составить общие и терминологические словари. Все эти важнейшие для развития таджикской культуры мероприятия осуществлялись силами таджикской интеллигенции в содружестве с русскими учеными.

В двадцатых годах появляются первые работы советских

ученых, посвященные научному описанию таджикского языка и некоторых его диалектов.

Основными из немногочисленных работ этого периода являются две небольшие статьи проф. И. И. Зарубина, опубликованные им как участником этнологической экспедиции Академии Наук СССР в Средней Азии. В первой статье под названием „Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан“ (1925), были подведены итоги всех дореволюционных работ в области изучения таджикских диалектов, перечислен ряд фактов, которые, по мнению И. И. Зарубина, имели значение в создании таджикского языка, и кратко сформулированы задачи, стоявшие тогда перед таджикской диалектографией.

Вторая статья, „Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 года“ (1927), явилась важным этапом в истории изучения таджикского языка. Опираясь на материалы, собранные во время экспедиции и характеризующие большую группу разнообразных диалектов таджикского языка, а также используя данные предшествующих исследований, И. И. Зарубин дал в своем отчете краткую обобщающую характеристику фонологической системы и грамматического строя таджикского языка.

Более крупной работой проф. И. И. Зарубина явилось монографическое описание разговорного языка самаркандских евреев (1928). Считая самаркандско-еврейскую речь одним из проявлений таджикского языка, автор придает своему очерку характер описания одного из таджикских говоров. Эта работа имела большое значение для дальнейшего развития таджикского языкознания. Она явилась первым опытом полного описания одного из говоров таджикского языка и в известной мере послужила образцом для последующих монографических описаний различных таджикских диалектов. Кроме того, она углубила и расширила представление о всей системе таджикского языка, ибо автор описывал не только специфические особенности самаркандско-еврейской речи, а и все проявляющиеся в ней общетаджикские языковые факты.

Еще в дореволюционных работах были попытки установить основные различия между говорами так называемых равнинных таджиков и говорами горных таджиков. Однако слабая степень изученности многочисленных таджикских диалектов, да и вообще таджикского языка, служила основным препятствием научно-обоснованной классификации таджикских говоров.

Эта задача вошла в круг основных вопросов, над кото-

рыми работали и работают советские лингвисты-таджикологи.

Первой попыткой установления основных особенностей таджикских диалектов была работа покойного члена-корреспондента АН СССР проф. М. С. Андреева, проведенная им в 1930 году. На основании материалов, полученных им лично от представителей самых разнообразных диалектов таджикского языка, а также на основании предшествующих работ по таджикской диалектологии, проф. М. С. Андреев написал „Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров“ (1930). Этой работой М. С. Андреев наметил ряд основных классификационных признаков, по которым таджикские диалекты могут быть разделены на две большие, существенно отличающиеся друг от друга группы: северо-западную, или северную и юго-восточную, или южную. К первой группе он отнес таджикские говоры Бухары, Самарканда, Ленинабада, Ура-тюбе и частично говоры таджиков Ферганской долины и верховьев Чирчика. Ко второй — говоры, распространенные на юге Таджикистана до государственной границы, по берегу Аму-дарьи и южного течения р. Пяндж. Кроме двух основных групп говоров, М. С. Андреев высказал предположение о существовании так называемых промежуточных говоров, которые содержат общие с обеими крайними группами элементы.

Несмотря на целый ряд ошибок в определении особенностей исследуемых говоров и некоторый схематизм в классификации их на группы, работа, проделанная М. С. Андреевым, принесла большую пользу и наметила, в основном правильно, границы распространения двух характерных групп таджикских диалектов.

Начиная с тридцатых годов вопросы таджикской диалектологии все больше привлекают к себе внимание лингвистов-таджикологов. Одна за другой появляются работы по различным диалектам таджикского языка: уже упомянутая работа Н. А. Кислякова „Описание говора таджиков Вахьо-боло“ (1936), кандидатские диссертации Б. Н. Ниязмухамедова „Канибадамский говор“ (1938), О. Джалолова „Говор таджиков Чуста“ (1938), А. З. Розенфельд „Говоры Каратегина“ (1939); работа покойного Л. Бузург-заде „Народные четверостишия и особенности канибадамского говора“ (1941); кандидатские диссертации — В. С. Расторгуевой „Варзобский говор таджикского языка“ (1944) и Л. В. Успенской „Каратагский говор таджикского языка“ (1950).

Эти работы дали много нового материала не только для таджикской диалектологии, но и для всего таджикского языкознания. Кроме того, они позволили значительно уточ-

нить и глубже обосновать существующую классификацию диалектов таджикского языка, осветили многие явления, происходящие в современном таджикском литературном языке. Однако уже простое перечисление всех этих работ показывает, что до последнего времени в изучении диалектов таджикского языка отсутствовали планомерность и целеустремленность. Отдельные диалекты изучались вне связи со всем языковым массивом, то есть с той группой диалектов, в которую они входят. В результате этого, с одной стороны, большие территории и даже целые области республики оставались незатронутыми исследованием, а с другой стороны, на территории массива близких по типу диалектов оказывались исследованными лишь некоторые из них, что не давало возможности определить границы распространения этих диалектов. Нередко выбор того или иного диалекта для исследования был обусловлен только личными научными интересами исследователя. Между тем насущные потребности дальнейшего развития таджикского языкознания — изучение истории таджикского языка, создание научной грамматики, создание толкового словаря современного таджикского языка, а также разрешение ряда вопросов истории и этногенеза таджикского народа, создали необходимость более широкого и углубленного изучения основных групп таджикских диалектов, потребовали планомерности и последовательности в организации этой большой исследовательской работы.

Учитывая эти задачи, Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР должен был перестроить свою работу в области диалектологии. В этом большом деле, как и всегда, на помощь таджикским ученым пришли русские ученые — таджикологи, сотрудники Института языкознания АН СССР. Начиная с 1948 года Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР встал на путь планомерного изучения диалектов таджикского языка. Под научным руководством профессора И. И. Зарубина и кандидата филологических наук В. С. Соколовой была организована диалектологическая экспедиция в Кулябскую область Таджикской ССР, до того времени в диалектологическом отношении совершенно не изученную. Экспедиция работала в течение двух летних сезонов 1948—1949 гг. В ее состав входило несколько научных сотрудников и аспирантов Института. Изучение языка таджикского населения Кулябской области было проведено почти во всех ее районах. Стационарные исследования и богатый материал, собранный экспедицией, показали, что на территории Кулябской области представлены два языковых массива, относящихся

к группе юго-восточных диалектов таджикского языка: кулябский и рогский. Первый охватывает все таджикоязычное население области, за исключением населения нескольких сельсоветов, находящихся на юге области, где распространен второй диалект—рогский. Границы же распространения рогского диалекта выходят далеко за пределы Таджикистана. На этом диалекте говорят таджики, живущие на левом берегу Пянджа, то есть в Афганистане.

Кулябский языковой массив при общем единстве системы распадается, в силу ряда существенных расхождений в фонетике, на две группы: северную и южную.

Первый опыт последовательного и широкого изучения большой группы кулябских говоров дал очень ценные результаты. Во-первых, он показал принадлежность этого языкового массива к группе юго-восточных диалектов таджикского языка; во-вторых, выявились границы распространения группы кулябских говоров, что облегчило выделение границ распространения других диалектов юго-восточной группы: каратегинского, дарвазского, бадахшанского и рогского; в-третьих, он позволил установить ряд существенных языковых фактов, общих для всей юго-восточной группы диалектов таджикского языка, дающих представление о звуковой системе и грамматическом строе этой группы, довольно сильно отличающейся от группы северо-западных диалектов.

Различия между двумя основными группами диалектов таджикского языка особенно наглядно проявляются в их фонетике. Несмотря на то, что фонетические системы обеих групп не являются принципиально отличными, они все же имеют ряд существенных расхождений в области вокализма и некоторые особенности в области консонантизма.

Для диалектов северо-западной группы характерно наличие огубленного гласного смешанного ряда, по степени подъема близкого к „у“. В учебниках таджикского языка для русских этот звук обычно упрощенно определяется, как средний между „у“ и „о“: *руз* — день, *гўшт* — мясо. Отметим, попутно, что эта фонема имеется и в литературном таджикском языке. В диалектах юго-восточной группы эта фонема отсутствует и ее место занимает огубленный гласный заднего ряда, исторически соответствующий долгому „у“: *руз*—день; *хурдам*—я съел; *куча*—улица и т. д.

Наряду с этим в вокализме юго-восточной группы имеется совершенно чуждая северо-западным диалектам фонема, представляющая собою краткий, неустойчивый в своем качестве звук, колеблющийся между задним и передним рядом, который, теряя огубленность и продвигаясь вперед,

напоминает по звучанию русское „ы“; *бэз* — коза; *хэрус* — петух. Эта фонема, очевидно, исторически соответствует краткому „у“. Диапазон этой фонемы очень велик. Она может подменять собою краткие неустойчивые фонемы „а“, „и“. Например, слова *намак*—соль; *сафед*—белый; *гирифт*—он взял, произносятся: *нэмак*, *сэфед*, *гэрифт* и т. д.

К числу особенностей консонантизма почти всех диалектов северо-западной группы относится отсутствие верхне-фарингальных щелевых фонем ځ (соответствует арабскому „хон хутти“) и څ („айн“), встречающихся в словах арабского происхождения. Между тем эти фонемы в соответствующих арабских словах свойственны большинству говоров юго-восточной группы. В современном литературном языке таджиков эти фонемы отсутствуют.

Целый ряд отличий имеют эти две группы диалектов и в грамматике. Для юго-восточных диалектов характерно употребление энклитических местоимений в функции объекта или дополнения при глаголах: *додамат* — я дал тебе; *хондамаш* — я ее прочел (о книге, газете) и т. д. Тогда как в северо-западных диалектах этого явления совершенно не наблюдается.

Характерная для северо-западной группы конструкция связи определения с определяемым в случаях, когда определение выражает принадлежность типа *мана дастам*—моя рука; *Ахмада китобаш* — книга Ахмеда,—в диалектах юго-восточных широкого распространения не получила, и ей предпочитается связь изафетная: *дасти ман*, *китоби Ахмад*.

Довольно сильные расхождения между этими двумя группами имеются в глагольных флексиях и в системе предлогов. Однако все эти расхождения ни в коем случае не дают основания считать две основные группы таджикских диалектов принципиально отличными друг от друга языковыми массивами. Обе они и, кроме того, целый ряд промежуточных говоров и подговоров образуют единый таджикский язык, понятный и доступный всему таджикскому народу. Здесь уместно оговориться, что каждая основная группа диалектов, конечно, не представляет собою чего-то совершенно однотипного. Внутри этих групп имеется целый ряд более мелких подгрупп, или отдельных, чем-либо специфически выделяющихся говоров.

Материалы, собранные во время указанной выше экспедиции в Кулябскую область, легли в основу ряда кандидатских диссертаций ее участников. Одна из них, посвященная описанию северной группы кулябских говоров, была в декабре 1950 года весьма успешно защищена сотрудником

Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР Р. Л. Неменовой в Москве, в Институте языкознания АН СССР. Исследование и материалы по кулябским говорам готовятся к печати.

Подводя итоги краткого обзора диалектологической работы в Таджикистане, следует отметить ряд существенных недостатков, имеющих в этой области. Основными из них являются: отсутствие до последних лет планомерности и последовательности в изучении отдельных диалектов таджикского языка и их основных групп и отсутствие исторического подхода к изучаемым диалектам, что в значительной мере было обусловлено влиянием марровского „учения“ о классовой природе диалектов, об их исторической разобщенности и вытекало из неправильного понимания исторического процесса формирования единого национального языка того или иного народа. Следствием отсутствия исторического подхода к данным изучаемых диалектов явился тот факт, что до сих пор таджикская диалектология не дала еще каких-либо ценных, обобщающих выводов, характеризующих историю таджикского языка.

Метод изучения диалектов и система их описания тоже грешили существенными ошибками. Почти все исследователи таджикских диалектов уделяли основное внимание фонетике, морфологии и, частично, синтаксису изучаемых говоров, а такой важный вопрос, как лексика языка или совсем оставался вне поля зрения исследователя или же разрешался только частично. Обычной формой характеристики лексики диалекта являлся небольшой словарь диалектальных слов, да то или иное количество текстов, прилагаемых к исследованию в качестве материалов. Между тем товарищ Сталин показал, какое большое значение имеет изучение словарного состава и основного словарного фонда языка. Он пишет: „Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык“.¹ Современный литературный таджикский язык, чрезвычайно богатый в лексическом отношении, базируется на национальном языке широких народных масс. В нем находят отражение элементы разговорной народной речи самых разнообразных диалектов таджикского языка, он непрерывно развивается и обогащается за счет народного языка. Отсюда ясно, какое значение приобретает изучение словарного состава народных разговорных диалектов. Оно не менее

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 23.

важно также и для понимания вопросов истории языка, процесса его формирования.

К недостаткам следует отнести и тот факт, что до сих пор опубликовано в печати лишь несколько работ по таджикской диалектологии, а большая их часть хранится в Институте и недоступна заинтересованным научным кругам.

Таково в общих чертах состояние работы в области таджикской диалектологии.

Теперь, когда гениальное сталинское учение о языке заложило прочные теоретические основы советского языкознания, когда великий Сталин дал программу дальнейшего развития марксистской науки о языке, четко определились задачи, стоящие перед отдельными областями этой науки. На основе высказываний И. В. Сталина об образовании языков и диалектов в разные исторические периоды, о взаимоотношениях диалектов и общенародных языков, о роли диалектов в процессе формирования национальных языков, советские языковеды, и в особенности те из них, которые занимаются вопросами диалектологии, должны поставить перед собою ряд конкретных задач применительно к изучаемому ими языку.

Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР, учитывая то, что сделано в области таджикской диалектологии, также должен перестроить свою работу в области диалектологии, положив в ее основу гениальное учение И. В. Сталина о языке. Кое-что в этом отношении Институтом уже сделано, но предстоит сделать гораздо больше. Прежде всего, основываясь на сталинском указании о том, что „...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в непрерывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“,¹ таджикские диалекты, как проявление таджикского народного разговорного языка, следует изучать в историческом аспекте. Это требование в первую очередь обусловлено необходимостью разработки истории таджикского языка, необходимостью создания научной грамматики таджикского языка.

Необходимо продолжать начатое Институтом планомерное изучение основных групп таджикских диалектов с целью получения обобщающих данных по большим родственным языковым массивам, из которых складывался и состоит сейчас национальный таджикский язык. Эти данные прольют свет на многие вопросы, связанные с формированием сов-

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 22.

ременного литературного таджикского языка, покажут процесс его непрерывного обогащения элементами народного разговорного языка. Если по группе юго-восточных диалектов таджикского языка, в результате проведенных за два последних года больших исследований, таджикская диалектология уже располагает целым рядом ценных, обобщающих данных, то по группе северо-западной пока что имеется только ряд отдельных, разрозненных исследований некоторых диалектов. Между тем изучение характерных особенностей диалектов этой группы имеет большое значение, тем более, что относящиеся к этой группе бухарский и самаркандский диалекты таджикского языка сыграли большую роль в формировании современного литературного языка таджиков.

Не меньший интерес представляет изучение диалектов и говоров таджиков, живущих в районах, граничащих с Узбекистаном, и в течение многих веков находящихся в самом тесном контакте с узбекским населением. Таджикская диалектология пока что имеет очень мало исследований такого рода диалектов, а между тем недавно опубликованная работа О. Джалолова „Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку“ дает весьма интересные материалы по одному из таджикских говоров, бытующему на стыке двух различных по своему строю языков—таджикского и узбекского. Думается, что узбекские диалектологи должны бы также заинтересоваться языком узбеков Чуста и вообще узбекскими диалектами, распространенными на территории, граничащей с Таджикистаном.

Необходимо в самое ближайшее время опубликовать все имеющиеся работы по таджикской диалектологии, приступить к составлению диалектологического словаря, составить, хотя бы на основании уже исследованных групп диалектов и говоров, диалектологическую карту Таджикистана.

Таковы в основном конкретные задачи, стоящие перед таджикской диалектологией.

Таджикские языковеды, так же как и все советские языковеды, бесконечно благодарны товарищу Сталину за то, что он заложил прочные основы марксистской науки о языке и вывел советское языкознание на истинно марксистский путь развития. Долг каждого из нас своей активной творческой работой способствовать выполнению гениальной сталинской программы развития марксистской науки о языке для того, чтобы советское языкознание заняло первое место в мировом языкознании.

А. УСМАНОВ

ВОПРОСЫ УЗБЕКСКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли новую эру в языкознании.

Сталинское учение об основном словарном фонде и словарном составе языка имеет непосредственное отношение к решению вопросов научной терминологии. „Проблема научной терминологии, её связи с словарным составом национального языка и о международных, межнациональных и интернациональных элементах в ней получает особую важность в свете руководящих указаний И. В. Сталина“¹.

Говоря о непосредственной связи языка с производственной и любой деятельностью человека, И. В. Сталин подчеркивает, что „...язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“².

Это основополагающее сталинское указание глубоко научно и исчерпывающе характеризует задачи и перспективы работы в области научной терминологии.

И. В. Сталин, рассматривая язык не как надстройку, а как специфическое общественное явление, представляющее продукт ряда эпох и охватывающее все сферы общественной жизни, подчеркивает, что „... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается

¹ В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, 1950, стр. 18.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 11.

в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является „творцом и носителем этого языка“¹. Следовательно вопросы узбекской научной терминологии невозможно разрешить в отрыве от развития общества. Именно в связи с развитием общества следует рассматривать научную терминологию, ибо научная терминология, как составная часть общего словарного состава языка, тесно связана с историей общества и с его производством, с историей общественно-политических мировоззрений, науки и техники. Тут связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно. И в этом отношении история создания научной терминологии на узбекском языке также может служить ярким и убедительным примером.

Как известно, до Октябрьской социалистической революции узбекский язык почти не имел научной терминологии. Словарный состав был насыщен арабизмами, фарсизмами и османизмами. Как в прессе, так и в учебной литературе применялась почти исключительно арабско-османская терминология. Интернациональная терминология частично проникала в турецко-французской форме, как, например, *кўнфура*—конгресс, *кўмита*—комитет и т. д.

Не было общеустановленных принципов терминологии и грамматических нормативов, вследствие чего в одних случаях преобладали арабизмы, в других—архаизмы и искусственные словообразования.

Характерным для этого периода является то, что язык пантюркистской буржуазно-реформаторской прессы был оторван от общенародного языка; газеты и журналы выпускались на непонятной народу грубой смеси узбекского, татарского и османского языков. Что касается слов, заимствованных из русского языка, то здесь преобладала форма устного, непоследовательного заимствования. Реформисты отошли от общенародной позиции и в ущерб общенародному языку всячески поддерживали пантюркистские идеи. Отрицая самостоятельность таких народов, как узбекский, казахский, киргизский и другие, они усиленно проповедывали „всеобщий тюркский национальный язык“. Как известно, эта затея с „общетюркским языком“ успеха не имела, победил общенародный узбекский язык, ибо так называемый „общетюркский язык“ был салонным языком, имевшим хождение лишь в узком кругу верхушки националистической буржуазии. И. В. Сталин указывает, что „... отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии“¹.

Развитие терминологии и характер заимствованных слов и терминов в тот период определялись общими социально-политическими условиями развития литературного языка. Из русского языка в эпоху колониального гнета заимствовались слова и термины, отражавшие главным образом колониальную политику царизма.

Поэтому не случайно мы наблюдаем в этот период массовое заимствование русской лексики и терминологии прежде всего из области торговли, финансов и административного управления: *бонка*—банк, *бонкир*—банкир, *русски-азиатски бонкаси*—русско-азиатский банк, *масковчи* или *вагончи* (в значении крупного торговца), *абарот*—оборот, *атчот*—отчет, *кирдит*—кредит, *вексил*—вексель, *миллионер*—миллионер, *думахона*—дума, *гасудариственни думахона*—государственная дума, *контроль палот махкама*—контрольная палата, *палиса*—полиция, *члон*—член, *галава*—городской голова, *кампускавайт*—конфискация и т. д.

„Пуристические настроения“, зревшие в среде буржуазно-националистической интеллигенции в этот период не оказывали, по существу, никакого воздействия на процесс массовых заимствований. Степень влияния других языков в области терминологии стоит в прямой связи с панисламистскими и пантюркистскими тенденциями буржуазно-реформистского движения того времени. Большой удельный вес арабско-персидских элементов был обусловлен религиозной идеологией буржуазных реформаторов-джадидов и старой литературной традицией. В свою очередь различные источники заимствования политической лексики и терминологии служили причиной крайней неустойчивости и нестабильности словотворчества“².

Как известно, с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции в области узбекского литературного языка, особенно его терминологии, разгорелась ожесточенная идеологическая борьба. Буржуазные националисты всячески пытались использовать языковой фронт в

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 13.

² А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1941, стр. 45.

своих пантюркистских и панисламистских целях. Они стремились затормозить развитие узбекского литературного языка, пытались отгородиться от интернациональной лексики, всячески сопротивлялись проникновению в язык новых советско-интернациональных слов и терминов.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции разработка политической лексики и терминологии идёт в значительной степени под влиянием панисламистской ориентации на арабско-персидские заимствования. Советско-интернациональные, общественно-политические и научно-философские термины, выражающие новые идеи, новые понятия, заменялись арабско-персидскими и частично архаическими словами, например: партия—*фирка*, совет—*шуро*, республика—*жумхурият*, интернационал—*байналминал*, коммунист—*иштирокион*, социалист—*ижтимоион*, демократ—*омиюн*, социал-демократ—*ижтимоион-омиюн*, капиталист—*сармоядор*, пионер—*кашшоф*, инженер—*муҳандис*, геометрия—*ҳандаса*, математика—*риёзиёт*, физика—*ҳикмат*, водород—*муваллидулмо*, кислород—*муваллидулҳамуза*, карбонат-ангидрид—*ҳомизи-корбун* и т. д.

В других случаях, когда сразу нельзя было заменить советско-интернациональные термины (особенно с окончанием на -изм) арабско-персидскими словами, пантюркисты и панисламисты прибегали к созданию новых терминов с помощью грамматических средств узбекского языка, но опять-таки из тех же арабско-персидских слов: капитализм—*сармоядорчилик*, империализм—*жаҳонгирлик*, консерватизм—*муҳофазакорлик*, конституция—*қонуни-асосия*, конституционная монархия—*идораи-мушрута*, диалектика—*муҷодалавий ҳаракат*, диалектический материализм—*муҷодалавий моддиюнчилик* и т. д.

Больше того, даже отдельные узбекские слова, ставшие научными терминами, заменялись арабскими, например, *учбурчак*, т. е. треугольник—*мусаллас*, *тўғрибурчак*, т. е. прямоугольник—*зовиян-қойма*; *тўғри чизик*, т. е. прямая линия—*хатти-мустақим*, *синиқ чизик*, т. е. ломаная линия—*хатти-мункасир* и т. д.

Искусственное введение арабских и персидских слов и терминов являлось тормозом для развития узбекского литературного языка.

Несмотря на всё это, узбекский литературный язык продолжал развиваться. С ростом промышленности и сельского хозяйства, науки и просвещения узбекский язык и его терминология обогащаются новыми интернациональными лексическими элементами. В условиях построения социализма

вопросы производства, науки, коммунистического просвещения и культурного строительства приобретают широкое общественное значение. Поэтому очень многие советско-интернациональные, научно-технические термины начинают входить в норму литературного языка.

В этих новых условиях пантюркисты, буржуазные националисты выступают с новой платформой—под лозунгом защиты узбекского языка и узбекской литературы от иностранщины.

Пантюркизм в деле создания терминологии проявлялся прежде всего в пуризме. Пантюркисты отрицали самобытность узбекского литературного языка, рассматривая его как одно из наречий „общетюркского языка“. Они ставили перед собой задачу—„очистить тюркские диалекты от чуждых, иностранных слов; употреблять вместо них по возможности тюркские слова, найти забытые тюркские слова и внедрять их в литературу; для всех тюрков принять единую терминологию, причем обязательное условие: термины должны быть взяты только из тюркских слов“.¹

Исходя из этого, пантюркисты считали проникновение чужих слов в узбекский язык засорением, порчей языка. „Пантюркизм—это наш идеал,—говорили они,—мы это везде можем доказать. Если из этих трех наречий (т. е. османского, татарского и узбекского языков) выживем иностранные (русские, арабские и персидские) слова, то мы, несомненно, достигнем нашего великого идеала — пантюркизма“.

Пантюркисты объявили „войну“ иностранным словам, сопровождая „чистку“ узбекского языка националистическим словотворчеством в духе буржуазного пуризма. Охотно допускалось и даже усиленно рекомендовалось „обогащение“ узбекского языка путём возрождения мертвых, архаических или создания новых, искусственных слов. Так, например, *очун* вместо *дунё*—мир, вселенная; *осиғ* вместо *фойда*—польза; *битик* вместо *китоб*—книга; *битим* вместо *орфография*; *учқиң* вместо *аэроплан*; *ўтомоч* вместо *трактор*; *чопархона* вместо *почта*; *тур* вместо *президиум*; *ўзиқайнар* вместо *самовар*; *ўзгариш* вместо *революция*; *ер билиги* вместо *география*; *ўсимлик* вместо *ботаника* и т. д.

Националистическое словотворчество дошло до того, что искажались до неузнаваемости даже такие термины, как марксизм, ленинизм, коммунизм и т. д., например, марксизм—*марксчилик*, ленинизм—*ленинчилик*, коммунизм—*уртоқлик*, пролетариат—*йўқсуллар* и т. д.

¹ „Маориф ва ўқутучи“, № 11—12, 1926.

Осуществляя такую националистическую, пантюркистскую чистку, буржуазные националисты на деле стремились помешать проникновению в узбекский язык русских, советско-интернациональных слов и терминов и тем самым затормозить приобщение узбекского народа к культуре русского народа. Поэтому они всячески „охраняли чистоту“ узбекского языка, ограничивая его дальнейшее развитие в условиях социалистического строительства. Борьба против арабизмов, фарсизмов была пустой фразой, в действительности же пантюркисты поощряли употребление арабско-персидских слов-терминов. Так, например, в узбекском переводе произведения К. Маркса и Ф. Энгельса „Манифест Коммунистической партии“, изданном в 1929 году, мы встречаем такие арабско-персидские термины: *фирқа*—партия, *истехсолот*—производство, *истехсолот васойити*—средство производства, *бўхрон*—кризис, *қонунли маишурат*—конституция, *иртижо*—реакция, *муҳофазақорлик*—консерватизм, *муҷаррад*—абстрактный, *мубодала*—обмен, *ташаккулот*—структура и т. д.

Отрицая самостоятельность узбеков, киргизов, казахов, татар и т. д., считая их племенами „великой тюркской нации“, пантюркисты стремились создать общую, единую культуру для этих народов с „вышим, единым, тюркским языком“. Организованная в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции пантюркистская группа „Чагатай гурунги“ преследовала именно эту цель. Свою работу она проводила под лозунгом „защиты узбекского языка“.

Вся лингвистическая практика пантюркистов сводилась к тому, чтобы узбекский язык как можно меньше испытывал влияние русского языка, русской культуры. Их проповеди о самобытных путях развития узбекского литературного языка вели к борьбе против усвоения и изучения советско-интернациональных слов и терминов и тем самым тормозили расцвет культуры, науки и литературы в Узбекистане.

Пуристические тенденции пантюркистов в некоторой степени влияли на ход развития узбекской терминологии.

Наряду с этими пантюркистскими пуристическими тенденциями существовала другая, впоследствии окончательно укрепившаяся в Узбекистане, здоровая, подлинно народная тенденция освоения советско-интернациональной терминологии.

Новые слова и термины, несмотря на пантюркистские и пуристические преграды стали всё более и более утверждаться в узбекском литературном языке.

Когда буржуазным националистам не удавалось отгоро-

диться от проникавших в узбекский язык советско-интернациональных слов и терминов, они под предлогом приближения к живому народному языку искажали эти термины (например, такие слова, как пролетариат, комсомол писались в 10—15 вариантах), подчиняя их железному закону сингармонизма или заменяя архаическими и искусственными, выдуманными словами.

Следы националистических тенденций в языковом строительстве наблюдались вплоть до 1938 г. В изданном в 1934 г. русско-узбекском терминологическом словаре по делопроизводству, который по своему содержанию выходит за пределы делопроизводства, мы видим, наряду с употреблением большого количества советско-интернациональных слов, значительное влияние консерватизма, искусственную замену советско-интернациональных терминов архаическими или выдуманными словами, например: участок—не *агроучастка*, а *агробулимтик*, достижение—не *муваффақият*, а *эришик*, доход—не *даромад*, а *келим*, ветеринария—не *ветеринария*, а *синчилиик*, медицина—не *медицина*, а *тиб* и т. д.

С другой стороны, в названном словаре наблюдаются вредные тенденции другого характера, приводящие к искусственному вытеснению таких слов арабско-персидского происхождения, которые издавна бытовали и употреблялись в общенародном языке. Такие уже давно освоенные народом слова-термины, как *шарқ*, *ғарб*, *шимол*, *жануб* и т. д., заменены искусственными словами, например: *шарқ* (восток)—*кунчиқар*; *ғарб* (запад)—*кунботар*; *шимол* (север)—*тунёқ*; *жануб* (юг)—*кунёқ*; *шарқи-шимол* (северо-восток)—*тунёқ-кунчиқар мушо*; *ошхона* (столовая)—*емакхона*; *халқ овқатланиши* (общественное питание)—*халқ тўқланиши*; *шарқшунос* (востоковед)—*кунчиқаршунос* и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция, новый социалистический строй с его передовой социалистической культурой создали огромные возможности для развития узбекского языка, особенно его словарного состава. Новая социалистическая экономика и культура вызвали к жизни множество слов и терминов, выражающих новые понятия, новые явления социалистической действительности, переосмысление ряда слов и выражений, выпадение из словарного состава устаревших слов. Больше того, новое мировоззрение, распространение идей марксизма-ленинизма, новые научные понятия, каждый новый предмет или вновь возникшее общественное явление требуют своего обозначения на узбекском языке, т. е. нового термина, неизбежно порождают новые слова или ведут к переосмыслению существующих значений слов. Все это находит отражение в словарном со-

стае языка, в частности в его терминологии, всё это ведёт к массовому заимствованию и образованию новых слов, терминов и ряд понятий, многие из которых уже давно вошли в употребление. Такие советско-интернациональные слова-термины и ряд словообразований, возникших на базе узбекского языка, как *совет, большевик, партия, революция, социализм, коммунизм, ленинизм, коммунист, комсомол, колхоз, совхоз, бригада, звено, трактор, табельчи, стахановчи, ишбай, бешийлик* и тысячи других слов и терминов из всех отраслей знаний и культуры, прочно вошли в узбекский язык. Эти слова и термины стали не только понятными, но и популярными, стали родными узбекскому народу. Они являются не только новыми словами, новыми понятиями в узбекском языке, но и новыми завоеваниями узбекского народа.

Язык, как указывает товарищ Сталин, является формой национальной культуры. Отсюда ясно, что расцвет культуры узбекского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию, неразрывно связан с развитием его языка. Развитие узбекского языка за советский период выразилось в пополнении его словарного состава, в изменении смысла ряда слов и выражений, в очищении языка от жаргонов и арабизмов.

Заимствования из русского языка имели исключительно важное значение для развития общественно-политической и научно-технической узбекской терминологии. Широкое распространение русских и советско-интернациональных слов и терминов в современном узбекском языке и дальнейший интенсивный процесс их проникновения в лексикон узбекского языка являются наиболее ярким и убедительным доказательством культурной зрелости узбекского языка вообще и его терминологии в особенности. Советско-интернациональная лексика стала теперь неотъемлемой частью современного узбекского языка. Последний испытывает огромное благотворное влияние русского языка, русской науки и литературы.

Русский язык влил в узбекский язык мощную струю новых терминов, обозначающих общественно-политические и научно-философские понятия. Все высшие достижения человеческой мысли, науки и культуры доходят до узбекского народа через братский русский язык.

Переводы с русского языка на узбекский сыграли плодотворную роль в процессе выработки общественно-политической и научно-философской терминологии. Переведенные на узбекский язык, произведения классиков марксизма-ленинизма особенно книга товарища Сталина „Вопросы ленинизма“ и

„История ВКП(б). Краткий курс“ оказали большое влияние на развитие узбекской научной терминологии, широко раздвинули рамки узбекского литературного языка.

В процессе перевода произведений классиков марксизма-ленинизма, а также учебников по математике, физике, химии, ботанике, зоологии, анатомии, астрономии и т. д. создавались новые термины и понятия, многие узбекские слова переосмыслились, шире и тоньше осознавались смысловые оттенки синонимов в составе самого узбекского языка.

Особо надо отметить значение перевода на узбекский язык собраний сочинений корифеев научной мысли Ленина и Сталина. Появление на узбекском языке таких философских произведений, как книга В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“ показывает силу и мощь современного узбекского литературного языка. Эти произведения, неисчерпаемые по своему идейному богатству, значительно обогатили узбекскую научную терминологию. Философские термины, созданные при переводе произведения В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“, явились первым серьезным вкладом в дело разработки и упорядочения философских терминов.

В отличие от дореволюционной эпохи в современном узбекском литературном языке и в его терминологии мы наблюдаем новые тенденции—тенденции к демократизации и интернационализации. Развитие словарного состава узбекского языка, особенно за последний период, шло по линии наибольшей демократизации, заключающейся в расширении пределов литературного языка, в вытеснении арабизмов, архаизмов и пуристического словотворчества, в интернационализации, заключающейся в росте влияния русского языка, в освоении основного фонда советской интернациональной лексики через посредство русского языка и в приобщении к советской социалистической культуре.

Дальнейший подъем социалистической экономики, культуры и науки в Узбекистане, а также обогащение словарного состава узбекского языка, пополнение его новыми словами и терминами требуют разработки научных принципов, а также систематизации и стабилизации научной терминологии на узбекском языке по всем отраслям знаний и, в первую очередь, по общественно-политическим дисциплинам.

Как известно, подлинно научные лексикологические работы в области узбекского языка начались только после Октябрьской социалистической революции. Этому требовал новый общественный строй, этого требовало бурное раз-

витие культуры узбекского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию.

После Великой Октябрьской социалистической революции узбекский народ, не имевший раньше учебников на родном языке даже по самым элементарным областям знаний (хотя бы в объеме начальной общеобразовательной школы), проделал под руководством коммунистической партии и при помощи великого русского народа колоссальную творческую работу, создал огромную сеть начальных и средних школ с обучением на родном языке, а также сеть специальных курсов и техникумов, организовал во многих вузах республики подготовку на родном языке специалистов высшей квалификации по всем основным отраслям теоретических и прикладных знаний, создал новую литературу на узбекском языке и издал миллионными тиражами сотни учебников и книг по самым разнообразным отраслям науки и техники. Узбекская интеллигенция насчитывает в своих рядах тысячи прекрасных специалистов — врачей, химиков, математиков, биологов, инженеров, педагогов и т. д.

Вся эта гигантская работа сопровождалась усиленным развитием узбекского литературного языка, бурным словотворчеством и массовыми заимствованиями новой необходимой лексики из других языков, ибо без новых слов-терминов невозможно было создать учебные пособия для школ и вести массово-политическую, агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу среди трудящихся Узбекистана.

Таким образом, в настоящее время мы имеем более или менее полно разработанную терминологию, главным образом в объеме средней школы и частично для высших учебных заведений, по следующим дисциплинам: математике, физике, ботанике, зоологии, биологии, химии, анатомии и физиологии человека, астрономии, истории, родному языку, литературе. Кроме этого были составлены и изданы терминологические словари по сельскому хозяйству, хлопководству, садоводству, виноградарству, правовым наукам, делопроизводству, общественно-политическим дисциплинам и по целому ряду других отраслей науки и техники.

Однако подавляющее большинство этих терминологических словарей страдало существенными недостатками, а иногда даже грубыми ошибками. Очень многие термины были взяты механически, без всякого критического анализа, без учета необходимости их введения в узбекский язык, в котором существуют свои аналогичные термины.

Извращения и недостатки, имевшие место в области терминологии, чрезвычайно затрудняли пользование систе-

мой терминов в различных областях знаний. Хотя националистическим тенденциям и различным вредным теориям был дан отпор, однако основные вопросы, научные принципы терминологии оставались неразработанными. Всё это привело к известной анархии в употреблении терминов, а также к произвольному, индивидуальному терминотворчеству, вследствие чего термины часто менялись.

За последние годы работа по узбекской терминологии также велась неудовлетворительно, а именно: не было продуманного и обоснованного подхода к отбору и упорядочению научно-технических терминов. До сих пор мы наблюдаем как в периодической печати, так и в издаваемых книгах и учебных пособиях, терминологический разноречивый и неустойчивый, которые чрезвычайно усложняют учебно-педагогический процесс, понижают эффективность обучения и приводят, наконец, к более или менее серьезным ошибкам.

Главная причина неудовлетворительного состояния узбекской научной терминологии заключается в неразработанности основных методологических положений и в отсутствии определенных научных принципов построения и упорядочения научной терминологии. Как лингвисты, так и специалисты различных отраслей знаний не занимаются систематически научным изучением вопросов терминологии.

В развитии узбекского литературного языка, в частности его терминологии, нам необходимо избегать двух тенденций, или вернее, двух крайностей.

Первая тенденция в узбекском литературном языке, представляющая одну крайность, заключается в стремлении заполнить узбекский литературный язык излишними иностранными, в особенности арабскими словами и терминами, а порой и архаизмами. Например, в переводе первого тома сочинений товарища Сталина мы встречаем такие арабско-персидские и искусственные слова, как *фалакиёт*, *омол*, *исте'молат*, *муттахид*, *мудохала*, *мункир*, *мувзий*, *ношир*, *афкор*, *хаёлхона*, *саводхона* и т. д.

Эта тенденция особенно сильно проявляется у некоторых наших писателей. Удивление вызывает то, что некоторые наши ведущие писатели, особенно поэты, в большом количестве употребляют арабские и архаические слова и явно устаревшие выражения и обороты, как например: *жумхурийат*—республика, *раиси жумхур*—президент, *шуро*—совет, *сармоя*—капитал, *дорилфунун*—университет, *самовот*—небо, *сафолат*—низость, *сабухий*—похмелье, *пажмурда*—вялый, блеклый, *модаркуш*—убийца матери, *аждаркуш*—убийца дракона, *нилгун*—синеватый, *амома*—чал-

ма, *зуфиф*—торжественные проводы новобрачной в дом мужа, *сарҳад*—граница, *хул'ё*—несбыточное, *сарҳисоб*—осведомленный, *шикаст пажмурда*—разбитый, *бесуд*—без пользы, без выгоды, *бахтовар қонун*—закон, приносящий счастье, *хокипоки сардор*—чистый прах вождя, *пахлавонворий*—героический, *улум-фунун*—науки, *шуаро*—поэты, *абришим*—шёлк, *муқориблар*—близкие, *дорилсалтанат*—столица, *умаро*—эмиры, *мулоқот*—участвовать в беседе, *ашкол* фигуры и т. д.

Все эти примеры взяты только из трех произведений наших ведущих писателей—Гафур Гуляма и Айбека. Таких примеров можно подобрать не десятки, а сотни.

Из этого явствует, что, употребляя множество таких арабско-персидских и архаических слов, в ущерб общенародному узбекскому языку, эти товарищи засоряют узбекский литературный язык, не пользуются словами и выражениями, прочно связанными с родным узбекским языком. Ведь язык узбекской советской литературы должен быть образцом для нашего читателя.

Наши писатели должны проникнуться убеждением, что развитие социалистической культуры не связано с механическим обогащением узбекского языка непонятными арабскими словами. Узбекский язык и без этих мудреных арабских слов достаточно богат.

С другой стороны, в некоторых переводах с русского языка на узбекский мы обнаруживаем употребление без надобности иностранных слов и терминов. Например, в узбекском переводе работы товарища Сталина „Марксизм и национально-колониальный вопрос“ (изд. 1939 г.) встречается очень много слов и терминов иностранного происхождения, использованных совершенно без надобности. Вот несколько примеров: выражение „великорусский национализм“ переведено *великорус национализми*, а „местный национализм“—*махалли миллатчилик* (стр. 257); „националистический“—*националистик* (вместо *миллатчилик*), отсюда „политика националистических репрессий“—*националистик репрессиялар сиёсати* (стр. 17); „гармония интересов“—переведено словами *манфаатлар гармонияси* (стр. 17); „конституционная иллюзия“—*конституцион иллюзия* (стр. 195) и т. д.

Употребление иностранных слов и терминов без надобности делает литературный язык трудным, недоступным для масс. В связи с этим В. И. Ленин призывал к борьбе против засорения русского языка иностранными словами без надобности.

„Русский язык мы портим,—говорит В. И. Ленин,—иностранные слова употребляем без надобности. Употребление их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки, или пробелы?“

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимает усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить „войну“ употреблению иностранных слов без надобности?..

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя.

„Не пора ли объявить войну коверканию русского языка“.¹

Высказывание Ленина об употреблении иностранных слов без надобности полностью относится и к узбекскому языку. Само собой разумеется, что мы не откажемся от иностранных слов и терминов, которые уже прочно вошли в узбекский язык, которые выражают те или иные научные или специальные понятия.

Необходимо отметить еще один важный момент. Такие термины, как *идея*, *материя*, *метод*, *кризис*, *эволюция*, *гипотеза* и т. д. в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма выражают определенные научно-философские категории, а в других случаях, особенно в художественной литературе, допускаются их синонимические переводы, например, вместо *идея*—*ғоя*, *фикр*, *уй*, *ният* и т. д., вместо *кризис*—*танглик*, *танқислик* и т. д. Однако, не учитывая специфическую особенность употребления интернациональных терминов в узбекском языке, некоторые товарищи усиленно рекомендуют употреблять их во всех случаях в единой интернациональной форме. Предложенные ими правила принуждают узбекский язык развиваться по стандартным рецептам. Такие рецепты уже не развивают, а затрудняют нашу литературно-переводческую практику и разрушают более или менее разработанную систему средств выражения и стилистику.

Вот несколько примеров. На слово *эволюция*:

1. Войсковые эволюции (дословно *аскарий эволюция* или *қўшин эволюцияси*)—*аскарларнинг ҳарбий машқни мукам-маллаштирувлари*.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 662.

2. Морские эволюции, т. е. тактические и стратегические передвижения армии и флота, маневры—*бир жойдан иккинчи жойга кўчиш, маневр ўтказиш*.

3. Эволюция меньшевизма в реакции (дословно—*меньшевизмнинг реакцияга эволюцияси*)—*меньшевизмнинг реакция томонига ўтабошлаши*.

4. Эволюционное развитие ребенка в материнской утробе (дословно—*боланинг она қорнидаги эволюцион тараққиёти*)—*боланинг она қорнида аста-секин такомиллашиб боруви*.

5. Эволюция в смысле спортивного движения:

„... Я... влез на свою лошадку, смотрел ей между ушей и делал по двору разные эволюции“ (Л. Толстой) (дословно—*ҳовлида ҳархил эволюциялар қилдим*)—*ҳовлида ҳархил ҳаракатлар қилдим*.

На слово идея (кроме основного философского значения):

1. Идея построить дом (дословно *уй солиш идеяси*)—*уй солиш фикри, уй солиш нияти*.

2. Он подал очень интересную идею (дословно—*у жуда қизиқ идея берди*)—*у жуда қизиқ бир фикр айтди*.

3. Эта идея не пройдет (дословно—*бу идея ўтмайди*)—*бу хилдаги ҳийла-найранглар кетмайди*.

4. Что за глупая идея пришла вам в голову? (дословно—*бошингизга қандай аҳмоқона идея келди бошингизга қандай аҳмоқона фикр келди*).

5. Слово идея употребляется (кроме идея—*маслак, фикр*) еще в смысле *истак, орзу, хаёл, тилак, мақсад, ўй, ният, план*.

Слово материя (кроме основного философского значения):

1. Материя—*газлама, матла, чил*.

2. Мир материален (дословно—*дунё материалдир*)—*дунё моддийдир*.

На слово кризис (кроме экономического значения).

1. Правительственный кризис (дословно—*ҳукумат кризиси*)—*ҳукумат танглиги*.

2. Топливный кризис (дословно—*ёқилғи кризиси*)—*ёқилғи танқислиги*.

3. Партийный кризис (дословно—*партия кризиси*)—*партиянинг оғир аҳволга (танг ҳолатга) тушиб қо лганлиги*.

4. Кризис болезни (дословно—*касалнинг кризиси*)—*касалнинг хатарда бўлиши; касалнинг аҳвали оғирлиги*.

Я должен признаться, что в своей работе „К вопросу о развитии узбекской научной терминологии“, опубликованной в 1948 г.¹, анализируя один из своеобразных языковых процессов в развитии современного узбекского литературного языка, а именно—борьбу синонимических пар, т. е. так называемый параллелизм в языке, допустил серьезную ошибку националистического характера, которая, в конечном счете, привела к принижению прогрессивной роли интернациональных слов. Характеризуя наличие в языке синонимических пар, я не сумел связать их с общей прогрессивной тенденцией развития национальных языков социалистических наций с перспективой дальнейшего развития узбекского языка.

Говоря о существовании дублетных синонимических пар и делая по данному вопросу формальный анализ, я неправильно допускал возможность вытеснения узбекскими словами интернациональных слов, хотя мною и были отмечены случаи торжества интернациональных слов. Моя ошибка заключается в том, что, отмечая оба случая, я не указал на перспективы развития языка.

В создании терминологии некоторые товарищи впадают в другую противоположную крайность. Как известно, в научной терминологии считается обязательным заимствование слова-термина в тех случаях, когда невозможно найти адекватное слово в родном языке. На практике иногда мы встречаем обратное явление. Вместе того, чтобы заимствовать и сохранять все безусловно необходимые советско-интернациональные и русские слова, которые представляют собой общепринятые общественно-политические и научно-технические термины, некоторые товарищи пытаются перевести их на узбекский язык. Перевод таких терминов на узбекский язык не раскрывает, а только затемняет их смысл.

Вот некоторые примеры. Нельзя переводить слово утопия словом *хаёл*, т. е. мечта, воображение; утопический социализм—*хаёлий социализм*; теология—*дин*, т. е. религия; стихийность—*ўзлигича кўзғолиш*; стихийность рабочего движения—*ишчилар ҳаракатининг ўзлигича кўзғолиши*; стихийное—*ғалаён*; жандарм—*тилчи*, т. е. доносчик; реакция—*тесқаричилик*; экономист—*иқтисодчи*; реформисты—*ислохотчилар*; хвостизм—*думчилик*; проповедывать хвостизм—*думчиликка да'ват қилиш* и т. д.

Ф. Энгельс боролся именно с такими крайностями. „Что касается формы,—пишет Энгельс,—то сомнение могло выз-

¹ Известия Академии Наук УзССР, № 5, 1948.

вать лишь обилие иностранных слов. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах отнюдь не скупился на иностранные слова, и, насколько мне известно, на это не жаловались. С того времени наши рабочие стали гораздо больше и гораздо регулярнее читать газеты, а поэтому гораздо больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что удалил все ненужные иностранные слова. А оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собою большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку. Устное разъяснение здесь гораздо полезнее¹.

В результате неразработанности научных принципов терминологии мы часто встречаем разную в употреблении тех или иных терминов не только в различных областях знаний, но даже в смежных. Вот некоторые примеры: философский термин вещь в себе переведен словами—*ўзида нарса* (История ВКП(б). Краткий курс, 1938 г., стр. 128), *ўзлик нарса* („Вопросы ленинизма“, 1949 г., стр. 519), *ўзида нарса* (История ВКП(б). Краткий курс, 1949, стр. 142). Слово стихийный переведено словами, *ўзлигича* (История ВКП(б). Краткий курс, изд. 1945, 1947 1949 гг., стр. 42, 43, 41, 45, 48 и т. д.), *стихияли* (История ВКП(б). Краткий курс, 1942, стр. 42); в Истории ВКП(б), Кратком курсе, изд. 1938 г. стихийное рабочее движение переведено *стихияли ишии ҳаракати*, а в последующих изданиях—*ишичиларнинг ўзлигича қўзғолдиган ҳаракати*. Слово производство переведено словом *ишлабчиқариш*, а мануфактурное производство и промышленное производство—*мануфактура производвоси, ишлабчиқаришнинг мануфактура хили, саноат производвоси, саноат ишлабчиқариши*. Выражение право на самоопределение переведено в нескольких вариантах: *ўзини белгилаш ҳуқуқи, ўз тақдирини белгилаш ҳуқуқи, ўз тақдирини эркили равишда ўзи белгилаш ҳуқуқи*. Слово концепция переведено словами *назария* (?), *қонун* (?), *концепция* (!). Слово реакция в I томе сочинений И. В. Сталина переведено словом *тескаричилик* (?), а в последующих томах словом *реакция*. Выражение зависимые страны передано словами *эксиз мамлакатлар* и

қарам мамлакатлар, а независимые страны—*эркли мамлакатлар* (И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 245, 246 и т. д.); слово народо-вольчество переведено *халқ эркичилиги, халқ эркичилик, халқ эркинчилиги*, а народо-вольцы—*народоволецлар* (В. И. Ленин, Что делать, 1946, стр. 183 и т. д.); выражение экзистативный террор в одном месте переведено словами *қўзғотуши террор*, в другом—*тўполон террор* (там же, стр. 141), а в третьем месте—*хавф хирос соладиган хунрезлик* (там же, стр. 169), выражение наёмный труд переведено *одам ёллаб ишлатиш* (И. В. Сталин, т. I, стр. 309, 349, 378 и т. д.), а в других изданиях—*ёлланма меҳнат*; слово прибыль переведено *фойдагарчилик* (там же), а в других изданиях—словом *фойда*.

Отсутствует координация терминологической работы и во многих других смежных областях знания.

Слово пространство в учебниках по психологии и астрономии передано словом *фазо*, а в переводе работы Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“ передано словом *макон*; слово разум в переводе работы Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“ дано как *ақл*, а в учебнике по психологии—*идрок*, что значит восприятие, а само слово восприятие в учебнике по психологии передано словом *қабул қилиш*, что значит приём или принятие, а в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма передано как *идрок*; слово абстрагирование в учебнике по психологии дано как *мавҳумлаштириш*, что значит сделать туманным, отвлеченным, а в переводе работы Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“ дано как *абстракциялаш*; слово сравнительный медики переводят *чоғиштирма* лингвисты *қийсий*, например, сравнительная анатомия—*чоғиштирма анатомия*, а сравнительная грамматика—*қийсий грамматика*; слово белок химии передают словом *оқсил*, а биологи—словом *оқсил*.

Все эти недостатки и ошибки в области терминологии, а также разная в употреблении отдельных терминов объясняются главным образом неразработанностью научных принципов терминологии, что прежде всего отрицательно сказывается при переводах таких важнейших политических документов, как произведения классиков марксизма-ленинизма.

В связи с механизацией сельского хозяйства, развитием многих отраслей промышленности и науки, а также с ростом идейно-политического и культурного уровня трудящихся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XV, М., 1933, стр. 623—624.

масс возникла острая необходимость в отборе и упорядочении научно-технических терминов.

Разработка и систематизация терминов должны означать:

а) пересмотр и отбор наиболее удачных из существующих научно-технических терминов и отсев неудачных терминов;

б) разработку и апробацию новых терминов;

в) отбор наиболее приемлемых советско-интернациональных терминов и терминов иностранного происхождения;

г) борьбу со всякими антинаучными тенденциями и устранение всех препятствий на пути к успешному развитию научно-технической терминологии.

При разрешении данного вопроса необходимо исходить не из кабинетных надуманных „теорий“, а из двух следующих моментов: во-первых, из исследования терминологии с учетом взаимосвязи её с русским языком; во-вторых, из исследования специфических особенностей современного узбекского литературного языка, ибо язык этот базируется и должен базироваться на общенародном языке, отражая в себе те лексические и семантические сдвиги и переосмысления, которые произошли и происходят в языке. Только при научном, а не механическом подходе к языковым явлениям, в особенности к слову-термину, можно избежать извращения и ошибки в терминологии.

Каковы должны быть общие принципы отбора и упорядочения научной терминологии?

1. Основной задачей терминологической работы должна быть разработка рациональных систем однозначных терминов в различных областях знаний. Это значит, во-первых, что каждая система должна охватить все термины, употребляемые в данной дисциплине, должны быть даны определения, точно устанавливающие специфику определяемого понятия и графическое его оформление. Если в литературе таковые есть, то надо воспользоваться готовыми определениями.

2. Каждый термин в определенной отрасли науки должен быть однозначным, тогда как значительное число терминов в настоящее время являются многозначными (даже в пределах какой-либо одной отрасли науки). Каждый из таких терминов обозначает несколько понятий, иногда весьма близких, иногда же совершенно разнородных. Например, слова *хисоб*, *жабр* для обозначения терминов арифметика, алгебра не годятся, ибо каждый из них выражает несколько понятий: *хисоб* обозначает счет, расчет, учет, вычисление, отчет; *жабр* обозначает угнетение, притеснение, мучение, гнёт. При отборе терминов необходимо избегать та-

ких слов, которые уже имеют ряд значений в узбекском языке.

3. Необходимо отбирать из всех имеющихся терминов наиболее рациональные, приемлемые и закреплять за ними только одно значение, или в случае необходимости создавать новые термины, устраняя термины явно устаревшие и ненаучные.

4. Необходимо обратить особое внимание на отсутствие в узбекском языке весьма многих иностранных эквивалентов, являющихся общепринятыми научно-техническими терминами. Общепринятые международные научно-технические термины и термины, представляющие строго научно-философские категории, как *тактика*, *стратегия*, *субстанция*, *идея*, *материя*, *догма*, *инерция*, *утопия*, *утопист*, *утопик*, *социализм*, *ревизионизм*, *экономизм*, *экономист*, *лар*, *химия*, *биохимия*, *элемент*, *география*, *геодезия*, *планета*, *арифметика*, *алгебра* и т. д., не должны быть заменены другими „местными“ терминами или подлежать переводу.

5. Создавая научную терминологию, нельзя избегать в некоторых случаях синонимических терминов, ибо некоторые интернациональные термины имеют ограниченное применение, а некоторые из них недостаточно понятны для широких масс.

В таких случаях необходимо эти термины переводить на родной язык. Так, например, метод—*усул*, орган—*азо*, кризис—*танглик*, *танқислик*, анархия—*бошбошдоқсизлик*, идея—*ғоя*, и т. д. Такие переводные дубликаты интернациональных терминов на данном этапе культуры языка безусловно сыграют положительную культурно-воспитательную роль.

6. Такие советские неологизмы, как, например, *трудодень*, *исполком*, *госбанк* и т. д., а также научные термины русского происхождения—*мышление*, *сознание*, *понятие*, *производство*, *крепостное право*, *двоевластие*, *естествознание* и т. д., заменяются адекватными словами. Так, например, *мышление*—*тафаккур*, *сознание*—*онг*, *понятие*—*тушунча*, *трудодень*—*меҳнат куни*, *госбанк*—*давлат бонкаси*, *исполком*—*ижроком*, *крепостное право*—*крепостной ҳуқуқ*, *естествознание*—*табiiёт*, *языкознание*—*тилшунослик* и т. д.

7. Советские неологизмы типа *стахановец*, *колхоз*, *совхоз*, *звено*, *совет*, *партком*, *райком*, *парторг*, *парткабинет*, *агитатор*, *агитпункт*, *кинофильм*, *комсомол* и т. д., ставшие интернациональными словами, а также научно-технические термины и слова русского происхождения типа *кисло-*

та, община, хутор, помещик, дворянин, октябрист, паровоз, пароход, тепловоз, народник и т. д., давно уже вошли в лексикон современного узбекского языка. Поэтому слова такого типа нет необходимости заменять другими словами.

При отборе терминов необходимо учесть следующие возможности:

а) заимствование готового термина через русский язык. В этом случае необходимо предусмотреть возможность дериватов;

б) употребление в качестве термина уже существующего в узбекском языке слова;

в) приспособление готового термина к узбекскому языку;

г) создание совершенно нового слова-термина.

Задача заключается в том, чтобы наша научно-исследовательская работа по упорядочению и систематизации научной терминологии содействовала дальнейшему развитию советской социалистической культуры, приблизила литературный язык к массам и тем способствовала быстрейшему усвоению трудящимися научных знаний.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открывают перед нами новые, широкие перспективы и в области узбекской научной терминологии.

В свете учения товарища Сталина о языке необходимо разработать насущные вопросы узбекской научной терминологии и тем самым определить пути ее дальнейшего развития.

Я. И. КАЛАНТАРОВ

СЛОВАРНАЯ РАБОТА В ТАДЖИКИСТАНЕ И ЕЕ ЗАДАЧИ В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию разоблачили немарксистскую, порочную сущность лингвистических взглядов Н. Я. Марра и его последователей и создали программу развития марксистской науки о языке. Учение И. В. Сталина о закономерностях развития единого общенародного языка, не являющегося надстройкой над базисом и одинаково обслуживающего все классы общества, определяет специфику и сущность языка.

И. В. Сталин, характеризуя признаки и сущность языка, устанавливает, что основа языка — его грамматический строй и основной словарный фонд.

С необычайной глубиной и ясностью И. В. Сталин развивает положение о словарном составе языка и об основном словарном фонде.

„Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык“.¹

Общий словарный состав языка „находится в состоянии почти непрерывного изменения“.² „Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всём основном и используется, как основа словарного состава языка“.³

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 23,

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 25.

Противопоставление словарного состава языка, очень подвижного и изменчивого, и устойчивого основного словарного фонда, дающего языку базу для образования новых слов, как отмечает академик В. В. Виноградов, определяет материалистический метод исследования лексики—словаря языка и имеет огромное значение для теории и практики составления словарей.

Основной словарный фонд языка общенароден, что обуславливается общенародностью языка, являющегося орудием общения и средством взаимного понимания людей в обществе. Это положение И. В. Сталина разбивает в корне ошибочные представления о „классовых“ языках, таких, например, как „дворянский язык“, „буржуазный язык“, „пролетарский язык“. Подобные термины также встречаются и в литературе, посвященной вопросам таджикского языка. Так, в тридцатых годах таджикский литературный язык делили на 1) язык аристократии феодального периода, 2) язык модернизма или „джадидизма“ (язык нарождающейся торгово-промышленной буржуазии), 3) язык эпохи пролетарской диктатуры, и далее делали вывод, что в Таджикистане не существует единого народного языка, поскольку он разбит на отдельные говоры.¹

Подобные утверждения, ничего общего не имеющие с марксистским пониманием природы языка, раскрытой с предельной четкостью в трудах И. В. Сталина, появились в результате влияния теории Марра, стремившегося все разновидности и стили общественной речи квалифицировать как классовые языки. Эти ошибочные, искажающие действительность установки отразились во взглядах на развитие лексического состава языка. Так навязывался путь искусственного создания слов жаргонного типа, например, *шайтонароба*—велосипед, *оташароба*—поезд, *худчар*—самолет, *худрав*—автомобиль, *худчуш*—самовар, и другие, которые не удержались в составе общенародного таджикского языка; были и попытки применения старой терминологии, которая тоже оказалась нежизнеспособной. Такие слова, как *мачала*—журнал, *маҳал*—адрес, *иштирокиюн*—коммунист, *аксаринк*—большевик—в язык не вошли.

Переходя к характеристике словарной работы, как проделанной, так и ведущейся в настоящее время в Таджикистане, необходимо остановиться на основных моментах, послуживших стимулом к созданию и дальнейшему развитию таджикской советской лексикологии.

¹ К вопросу о едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите, Сталинабад, 1930.

Политический рост, небывалое развитие хозяйства и культуры в результате осуществления мудрой ленинско-сталинской национальной политики, тесное содружество таджикского народа с великим русским народом обусловили громадный интерес и тягу к изучению русского языка таджиками и большой интерес к таджикскому языку со стороны русских.

Изучение русского языка таджиками и таджикского языка русскими, переводы с русского на таджикский язык классиков марксизма-ленинизма, разнообразной общественно-политической, научной и художественной литературы, а также переводы таджикской художественной литературы на русский язык вызвали острую необходимость в составлении двуязычных словарей—русско-таджикского и таджикско-русского.

Работа по составлению русско-таджикского словаря была начата в 1930 году.

Начальный период работы в Таджикистане, охватывающий 1930—1935 годы, характеризуется рядом существенных недостатков: отсутствием лексикографического опыта, словников, отражающих словарный состав как таджикского, так и русского языков, отсутствием достаточно квалифицированных кадров. В основу указанного выше русско-таджикского словаря, вышедшего в свет в 1933—1934 гг., был некритически, без соответствующих изменений, положен словарь Даля, не соответствующий современному состоянию лексики русского языка и содержащий большое количество архаизмов и диалектизм.

Это и послужило причиной того, что в русский словарь было введено много неупотребительных или малоупотребительных слов, таких как *абельмош*, *адонай*, *невыволока*, *леща*, *алабандизм* и другие, в то время как необходимые, употребительные слова—адресат, активизация, аннотация, ударник, ударничество и другие—в словарь не вошли.

Иллюстрацией неудачного состава словарика этого словаря может служить сообщение академика С. Ф. Ольденбурга о том, что ряд русских слов, взятых им из этого словаря, оказался непонятным двадцати семи из опрошенных им ученых различных специальностей.¹ Еще более крупными недочетами этого словаря являются политически неверные толкования и переводы ряда слов и понятий. Отсутствие фразеологии и стилистических характеристик слов, а также большое количество арабизмов в таджикской его части

¹ Проблемы Таджикистана, Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР, т. II, Л., 1934, стр. 183.

ясно показывает, что в таком виде этот словарь не мог быть полезным таджикскому читателю и получить массового распространения.

Подобного рода недостатками страдал и таджикско-русский словарь, составлявшийся в этот же период. В нем, так же как и в русско-таджикском словаре, был весьма скудно представлен фразеологический материал, а его словник, базировавшийся на старых толковых таджикских словарях, не мог, конечно, достаточно полно отразить лексику современного таджикского языка.

Все недостатки словарной работы были вскрыты участниками конференции по изучению производительных сил Таджикистана¹ и подвергнуты справедливой критике.

Об исключительном внимании, уделяемом партией и правительством, а также специалистами и общественностью республики словарной работе, свидетельствует специальное обсуждение на упомянутой выше конференции вопроса о создании таджикских словарей.

На этой конференции, созванной в 1932 г. в гор. Ленинграде, в работах которой активное участие принимала таджикская интеллигенция, были вскрыты недостатки работы по составлению двух упоминавшихся выше словарей и высказаны соображения о перспективах развития таджикской лексикографии.

В дальнейшем словарная работа в республике в основном сосредоточилась на организованной в Сталинабаде Таджикской базе АН СССР (позднее Таджикский филиал АН СССР), где в 1934 году с участием сотрудников Института востоковедения АН СССР, под руководством проф. Е. Э. Бертельса, была возобновлена работа по составлению таджикско-русского словаря.

В 1939 году, с целью широкого обсуждения этого словаря, был опубликован на правах рукописи пробный его выпуск (буква „К“). Первый том словаря вышел в свет в 1946 году.

При составлении словаря были учтены недостатки и ошибки первоначального варианта, и в настоящей редакции словарь уже в значительной степени отражает специфику таджикского языка и его фразеологию.

Хотя данный словарь не охватывает обширного лексического богатства таджикского языка и имеет некоторые недочеты, как, например, перегруженность ряда словарных статей синонимами в их переводной части, неоправданное

¹ Проблемы Таджикистана, Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР, том II, Л., 1934, стр. 177—184.

обилие стихотворных цитат, в некоторых случаях неудачный перевод цитат,—он все же является полезным пособием не только для русских, изучающих таджикский язык, но и для переводчиков, литературных работников и т. д. Обстоятельным отзывом на данный словарь является статья проф. К. К. Юдахина „Вклад в таджиковедение“.¹

Необходимо отметить живейший интерес и участие в работе над составлением таджикско-русского словаря широких слоев таджикской интеллигенции.

В 1946 году при Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР организовался словарный сектор, одной из работ которого является изданный в 1949 г. под редакцией А. П. Дехоти и Н. Н. Ершова к 20-летию Таджикской республики „Русско-таджикский словарь“, объемом 45 000 слов, начатый составлением еще в 1939 году. Изданию этого словаря предшествовало опубликование пробного выпуска объемом в 1200 слов на буквы А, В, Г, И, О. В составлении словаря принял участие большой коллектив (главный редактор Е. Э. Бертельс).

Основным источником словаря послужил четырехтомный „Толковый словарь русского языка“ под редакцией Д. Н. Ушакова, словник которого был заново пересмотрен. Слова малоупотребительные и областные были исключены, сокращено количество устаревших слов; кроме того, шире были введены термины политические, философские; много внимания было уделено словам и выражениям, вошедшим в русский язык в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период мирного строительства.

Являясь в основном переводным словарем, он вместе с тем имеет и элементы толкового словаря. Толкованием снабжены многие политические, научные, философские, исторические и другие термины. Необходимость пояснения того или иного слова определялась степенью освоенности его народом. Например, такие слова как революция, партия, самолет, колхоз, трактор и другие, вошедшие в язык всех народов многонационального Советского Союза, не объясняются.

Словарь этот свидетельствует о развитии таджикской лексикографии, поднятии ее на новую, более высокую ступень и является ценным пособием не только для читателей-таджиков или владеющих таджикским языком, но и для каждого, изучающего таджикский язык.

Необходимо еще упомянуть о значительной работе по составлению и изданию ряда терминологических русско-таджикских словарей.

Киргизский филиал Академии Наук СССР, Труды Института языка, литературы и истории, вып. 2, 1948.

жикских словарей, военного, географического, биологического, терминов по физике, химии, математике, проведенной Таджикским филиалом АН СССР и Министерством просвещения Таджикской ССР.

Цель этих словарей—создание научной терминологии на таджикском языке и ее унификация. Принцип унификации одних и тех же терминов-понятий в различных отраслях науки составителями этих словарей до известной степени выдерживается, но при сравнительном обзоре этих словарей все же выявляется в некоторых случаях нарушение последовательности в проведении этого принципа. Так, например, в терминологических словарях по математике, химии и географии термин—абсолютный на таджикский язык переводится *абсолютӣ*, а в терминологическом словаре по физике—*мутлак*. Термин выветривание в словаре по географии переведен *бодхурдашави*, в словаре по физике—*шамолдихи*, по химии—*бодвайронкунӣ*. В словаре по физике сплав переводится *гудохта*, а по химии—*хӯла*; в словаре по химии перегонка—*буғронӣ*, в словаре по физике—*дистиляция*. Для последовательного проведения принципа унификации можно было бы сохранить в переводе параллельные термины, но уже во всех словарях одни и те же, например, абсолютный—*абсолютӣ*, *мутлак*, сплав—*гудохта*, *хӯла* и т. д.

В помощь учащимся издан школьный орфографический словарь, подготовлен к изданию полный орфографический словарь, а также школьные русско-таджикский и таджикско-русский словари.

Словарная работа в республике велась главным образом по составлению двуязычных словарей (русско-таджикских и таджикско-русских), как общих, так и терминологических, но настоятельная потребность в толковом словаре современного таджикского языка, необходимого для широких слоев растущей таджикской интеллигенции, педагогов, учащихся, до сих пор не была удовлетворена.

Вопрос о создании толкового словаря современного таджикского языка неоднократно обсуждался на расширенных заседаниях научных работников, писателей, переводчиков, а также на сессии Таджикского филиала АН СССР, посвященной 15-летию Таджикской республики (в 1944 году).

Результатом этих обсуждений явилось решение о составлении в первую очередь краткого толкового словаря современного таджикского языка. Сейчас эта работа проводится. Кроме того, в настоящее время словарный сектор занят подготовкой к изданию одноязычного таджикско-русского словаря по типу изданного русско-таджикского.

Перестройка словарной работы в свете учения И. В. Сталина о языке, его высказываний об основном словарном фонде и о словарном составе языка уже дает результаты. Так, в процессе составления таджикского словника более широко охватывается лексика общенародного таджикского языка, зафиксированная богатейшей тысячелетней таджикской литературой. При определении исторического развития того или иного слова, выявлении системы его значений и смысловых оттенков словарная работа тесно переплетается с теоретической, исследовательской.

Работа по составлению таджикско-русского словаря, исследование в этом плане словаря произведений Рудаки, Фирдауси, Саади и других классиков таджикской литературы блестяще подтверждает в отношении таджикского языка положение сталинского учения о языке: основной словарный фонд языка используется в течение не только веков, но и более длительных периодов истории народа, изменяясь крайне медленно.

Отмечая некоторые, хотя и небольшие, достижения в словарной работе, следует указать на крайнюю медленность подготовки словарей к изданию, что является серьезнейшим недочетом.

Существенным пробелом работы словарного сектора является отсутствие до сих пор полного толкового словаря таджикского языка, доступного широким массам читателей и отражающего современный словарный состав таджикского языка. Здесь встает вопрос о степени и форме использования старых толковых таджикских словарей. Большим тормозом в работе является и чрезвычайная скудость исследований происхождения и исторического развития слов основного словарного фонда таджикского языка и лексики местных, территориальных таджикских диалектов. Такие исследования нам представляются неотложными.

В свете сталинского учения о языке перед таджикской лексикографией стоят следующие задачи:

1. Исследование вопроса о пополнении словарного состава таджикского языка на основе национальной таджикской языковой базы и обогащении словарного состава за счет русского языка и за счет языков среднеазиатских республик, в особенности узбекского.
2. Разработка принципов образования научной терминологии таджикского языка и ее унификация.

Результаты этих работ позволят подготовить политический словарь и ряд терминологических словарей для различных областей науки.

Одной из самых ближайших задач является составление полного толкового словаря таджикского языка и полных двуязычных словарей — русско-таджикского и таджикско-русского, а также составление диалектологического словаря.

Сталинские работы по языкознанию обогатили советскую науку о языке новыми идеями. Долг всех работников советской лексикографии — напряженно и творчески работать так, чтобы изжить недостатки, имеющиеся, в частности, в словарной работе, и обеспечить всемерное ее развитие на основе учения И. В. Сталина.

А. ШАМИЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

Работы товарища Сталина по вопросам языкознания, явившиеся новым, выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, означают глубочайший коренной переворот, революцию в языкознании.

В подытоживших дискуссию по вопросам языкознания произведениях товарища Сталина — „Относительно марксизма в языкознании“, „К некоторым вопросам языкознания“ и „Ответ товарищам“ — даны фундаментальные основы марксистского языкознания. В этих работах дано классическое определение языка, как особого общественного явления, раскрыты специфическая природа и функции языка, даны руководящие указания по отдельным важнейшим вопросам языкознания, как, например, лексики, грамматики, семасиологии, диалектологии и, наконец, по вопросам этногенеза, и указан ясный выход из того застойного состояния, из того тупика, в который завели языкознание грубейшие ошибки Н. Я. Марра и его „учеников“, создавших „аракчеевский режим“ в языковедческих учреждениях.

„Ликвидация этих язв, — указал товарищ Сталин, — оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании“.¹

Значение гениальных работ товарища Сталина выходит далеко за пределы лингвистики. Как все работы товарища Сталина, они имеют исключительно важное значение и для историков, этнографов, философов — для всех работников идеологического фронта, в какой бы области они ни работали. Для нас же — языковедов эти работы имеют поистине грандиозное значение, ибо они не только определили пово-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 42.

ропный пункт в истории развития науки о языке, не только дали развернутую программу марксистско-ленинского языкознания, но и открыли перед ним широкую перспективу развития.

Товарищ Сталин поставил перед языковедами три основных задачи:

„Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание“.¹

Внедрение марксизма в языкознание означает разработку всех узловых теоретических вопросов языкознания на основе основополагающих работ классиков марксизма-ленинизма и, в первую очередь, работ товарища Сталина. Перед нами, советскими лингвистами — уйгуроведами, так же, как перед всеми языковедами, стоит задача научно-обоснованно решить вопросы лексики, морфологии, синтаксиса, семантики, фонетики и стилистики изучаемого нами языка.

Нужно сказать, что по всем этим вопросам в уйгурском языке сделано очень мало, и нам предстоит по существу начать всё с азов.

Главная тяжесть работы при этом падает на долю советских уйгуроведов.

Как известно, только в Советском Союзе, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, уйгуры под руководством партии Ленина-Сталина, добились осуществления своей многовековой мечты о национальной свободе. Впервые они обрели возможность создать свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. Особенно примечательными при этом являются достижения в области уйгурского языка, литературы, печати и уйгуроведения в широком смысле этого слова. С помощью виднейших советских уйгуроведов — профессоров С. Е. Малова, А. К. Боровкова, Н. А. Баскакова, В. М. Насилова, К. К. Юдахина, Новгородского и других, проделавших большую исследовательскую работу, уйгуры получили возможность развить свой язык и письменность. Особое значение имело создание ряда учебников уйгурского языка и работ, охвативших его различные стороны.

Наглядным свидетельством величайшей заботы партии и правительства о советских уйгурах является создание, помимо ряда других уйгуроведческих учреждений в Москве, Ленинграде и Ташкенте, специального Сектора уйгуро-дунганской культуры при Академии Наук Казахской ССР в

Алма-Ата, где трудятся научные работники уйгуры, представители новой уйгурской советской интеллигенции, выросшей за годы советской власти.

Учеными-уйгуроведами выполнены такие важные работы, как перевод уйгурской письменности с латинского алфавита на новый алфавит, созданный на основе русской графики, как создание новых правил уйгурской орфографии и составление учебников для уйгурских школ, включая учебники по грамматике и литературе. Большая работа проделана также в области переводов на уйгурский язык произведений Ленина и Сталина, что потребовало разрешения ряда терминологических проблем.

Сейчас работники Сектора создают два словаря — русско-уйгурский (в первую очередь) и уйгуро-русский. Следует отметить, что в отличие от словаря Баскакова, изданного еще в 1939 г. и насчитывающего 12000 слов, новый словарь будет иметь 50000 слов.

Практические задачи, поставленные перед Сектором, на время заслонили собой разработку вопросов уйгурского языка, являющихся весьма насущными. К тому же крайне мало высококвалифицированных специалистов уйгуроведов. Такие крупные ученые как профессора Баскаков, Боровков и Юдахин в последние годы переключились на другие языки.

Всемерное увеличение кадров лингвистов-уйгуроведов является сейчас актуальнейшей задачей, которую необходимо разрешить во что бы то ни стало.

Необходимость этого тем более очевидна, что ныне, в связи с победой великого китайского народа и установлением народной демократии в Синьцзяне, где проживают 5 000 000 уйгур, перед советскими уйгуроведами встала важнейшая задача оказать им помощь во всех областях культурной жизни. В Синьцзяне идет процесс языкового строительства, которому мы обязаны всемерно содействовать, вооружая местных работников нашим ценнейшим советским опытом и, в особенности, помогая им разрешать сложнейшие теоретические вопросы уйгурского языкознания. Все это, понятно, в огромной мере расширяет объем нашей работы, что, в свою очередь, требует соответствующего роста научных кадров. Большую работу по подготовке кадров специалистов-уйгуроведов ведет член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов. Сам он работает над вопросами древнеуйгурского языка и над диалектом сары-уйгур, готовит грамматику и словарь сары-уйгур.

Исторические выступления товарища Сталина по вопро-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 34.

сам языкознания требуют от нас разработки серьезнейших теоретических проблем уйгурского языкознания.

Каковы же эти проблемы?

Прежде всего, это вопросы, связанные с исследованием грамматического строя и словарного состава уйгурского языка, ибо, как учит нас товарищ Сталин, именно грамматический строй и словарный состав определяют специфику каждого языка и являются его основой.

Научной грамматики уйгурского языка до сих пор нет.

Ее необходимо создать, тщательно разработав синтаксис, орфографию, морфологию и фонетику. Нам необходимо создать стройную фонетическую систему, определив законы чередования гласных и согласных звуков, а также выпадения звуков. Такими выпадающими звуками являются: *р, л, н, а, у, и*. Нужно научно обосновать—как следует писать слова, содержащие эти звуки, например, *барган-баган, кальган-каган* и т. п.

Очень существенным является разрешение вопросов о глаголах, их строении и правописании, особенно сложных форм глаголов, состоящих из нескольких основ, например, *аливар* или *ал-бер*, или *ишлай алмай-ду*.

Чрезвычайно важна работа по изучению словарного фонда и основного словарного состава уйгурского языка. Как говорит товарищ Сталин: „Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык“.¹

Исключительно важное методологическое значение имеет указание товарища Сталина о том, что „...словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путём отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов“.²

Нам необходимо проследить, что же изменилось за это время в уйгурском языке, как пополнился его словарный состав и за счет чего именно, какие устаревшие слова выпали из словарного состава, как изменилось смысловое значение значительного количества слов, наконец, в чем конкретно проявилось улучшение грамматического строя уйгурского языка.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 23.

² Там же, стр. 25.

Следует обратить внимание на разработку вопросов семантики, на что специально указал товарищ Сталин. „Семантика (семасиология),—говорит товарищ Сталин,—является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее ей место“.¹

В области исторической лексикологии крайне существенным является изучение языка таких древнеуйгурских рукописей, как „Алтун яруғ“, „Кудатқу билик“ и др., а также литературного языка крупнейших уйгурских дореволюционных писателей—Моллы Билала, Саид Мухаммеда Кашского, муллы Мусы бен мулла Айса и др.

Чрезвычайно важным представляется изучение языка произведений современных уйгурских советских писателей, публицистов и ученых, так же как изучение языка современных уйгурских революционных писателей и публицистов Синьцзяна.

Назрела необходимость создания общего и специализированных терминологических словарей. Надо отметить, что зарубежные уйгуры широко пользуются терминологией, принятой советскими уйгурами. Такие слова, как совет, империализм, депутат, уже полностью восприняты ими, тогда как еще недавно в области терминологии они ориентировались на арабско-персидские слова—*шора* вместо совет, *пырка* вместо партия и т. д.

Одновременно с терминологией должна быть уточнена и транскрипция в целях ее унификации.

Исключительно серьезное теоретическое и практическое значение имеет изучение вопросов уйгурской диалектологии.

Обилие диалектов в Синьцзяне не случайно. Оно является следствием сложившихся исторических условий, способствовавших сохранению феодальной раздробленности и разобщенности отдельных районов страны.

Полностью подтверждается мысль товарища Сталина, что диалекты представляют собой лишь ответвления от общенационального языка, лишенные какой-либо языковой самостоятельности и обреченные на прозябание.

„Уйгурский язык,—отмечал профессор Баскаков,—имеет множество диалектов: кашгарско-яркендский, илийский, аксуйский, хотанский, турфанский, лобнорский и пр. Однако большинство этих диалектов все же объединяется общими характерными особенностями, отличающими уйгурский язык от других языков тюркской системы“.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 38.

Этими общими чертами являются грамматический строй и словарный состав в целом одинаковые для всех. Основные же различия содержатся в фонетике, а отчасти и в семантике, не говоря уже о некотором количестве специфических местных слов. Каковы фонетические различия, видно на примере слова — один. Илийские уйгуры произносят его как *бир*, кашгарские — *биж*, а яркендские — *бий*.

Нам необходимо точно установить — сколько диалектов имеется у уйгур, какие они и в чем их различие.

Для этого нужно организовать специальные экспедиции советских и синьцзянских уйгуроведов, которые составят диалектологические карты и соберут необходимый материал для углубленного изучения.

Для всех уйгуроведов — лингвистов, историков и этнографов исключительный интерес представляют руководящие указания товарища Сталина по вопросам глоттогенеза.

Вопросы о глоттогенезе и этногенезе неразрывно связаны друг с другом и могут быть решены только совместно. Марр и его „ученики“ внесли в эти вопросы немало путаницы. Теперь, благодаря трудам товарища Сталина, перед нами открыт единственно возможный путь научного исследования. Определяющим при этом является указание товарища Сталина о том, что „... при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает“. ¹ Именно во внутренних законах развития языка отчетливо проявляется его национальная самобытность.

Нашей задачей является показать на конкретных примерах, каким образом заимствованные иноязычные слова преобразовывались в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их уйгурского языка.

Для нас это особенно важно, так как агенты англо-американского империализма — пантюркисты строят свою подрывную работу на полном отрицании самобытности уйгур как национальности, на полном отрицании самобытности уйгурского языка. С точки зрения одного из рьяных представителей уйгурских пантюркистов уйгурский язык вообще не имеет права на существование и должен раствориться в языке османских турков. Еще недавно газеты ставленников империализма „Ялкын“ и „Арк“, выходившие в Урумчи, пы-

тались практически претворить в жизнь свои гнусные установки. Они засоряли уйгурский язык турецкими словами. Они пытались заменить уйгурский язык турецким.

И даже сейчас, после победы народной демократии в Синьцзяне, пантюркисты, натравливаемые англо-американскими хозяевами, не складывают оружия. И поэтому прямой долг советских уйгуроведов вести непрерывную борьбу с пантюркизмом и панисламизмом в области уйгуроведения.

Прямой долг советских уйгуроведов — помочь уйгурам народно-демократического Синьцзяна в их культурном строительстве.

Опыт советских уйгур сможет оказать большую пользу зарубежным уйгурам в их работе по языковому строительству.

Товарищ Сталин учит, что победа социализма устраняет национальный и колониальный гнет и устанавливает равноправие наций, ликвидирует национальную обособленность, взаимное недоверие и создает взаимное доверие, утверждает беспрепятственное развитие и расцвет всех без исключения национальных языков.

Советские уйгуроведы-лингвисты приложат все свои силы к тому, чтобы, следуя указаниям товарища Сталина, создать новые полноценные труды, способствуя этим дальнейшему развитию нашей великой отечественной науки.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 29—30.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Т. Айбе к. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и изучение языков народов Средней Азии и Казахстана	5
А. К. Боровков. Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания	9
Н. Т. Сауранбаев. Изучение словарного состава казахского языка в свете трудов товарища Сталина	30
Ф. К. Камалов. История становления и развития узбекского национального языка	42
Б. М. Юнусалиев. К вопросу об исследовании лексики современного киргизского языка в свете сталинского учения о языке	61
К. Убайдуллаев. Об изучении каракалпакского языка в свете трудов товарища И. В. Сталина о языке	74
Н. А. Баскаков. Составные глаголы в каракалпакском языке	79
В. В. Решетов. Некоторые вопросы узбекской диалектологии	93
А. И. Искаков. О классификации частей речи в казахском языке	117
Ж. Доскараев. Об изучении казахских диалектов	134
Л. В. Успенская. Состояние и задачи таджикской диалектологии в свете учения И. В. Сталина о языке	141
А. Усманов. Вопросы узбекской научной терминологии в свете учения товарища Сталина о языке	153
Я. И. Калантаров. Словарная работа в Таджикистане и ее задачи в свете сталинского учения о языке	173
А. Шамиева. К вопросу об изучении уйгурского языка	181

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
20	1 сверху	обосновано	обосновать
20	2 сверху	что	что
20	3 сверху	или	или
96	5 снизу	средства,	средство,
		орудия	орудие
97	9 сверху	разешил	разрешил
114	1 сверху	„чагатайского“	„чагатайским“
		периода	периодом
114	14 сверху	XII—IX	XII—IX

Ответственный редактор В. В. Решетов

Технический редактор А. Т. Шепельков

Р04040 Подписано к печати 9/V—52 г. Бумага 60×92 1/16—5,87 бум.—11,75 печ. лист. Изд. лист.—11,75. Тираж 3000. Цена 4 р. 80 к.—номинал по прейскуранту 1952 г.

Типография Из-ва АН УзССР. Ташкент 1952 г. Заказ 419